Годъ 10-й. Кн. XXXVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1898, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типо-лит. К. Ѳ. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Платонова.

1898.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БѢЛОРУССІИ *).

VII. Бабы, або жо́нки.

Съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда стало раздаваться слово о ровесницѣ завѣнчаннаго міроздания, этому слову находились причинные поводы и мѣсто. Однако, не взирая на его давность, общность о предметѣ изъ края въ край одномъ и томъ же, пока-что, нѣтъ законченнаго сужденія о семъ предметѣ,—нѣтъ того, что принято называть «послѣднимъ словомъ». Что же при такомъ условіи можетъ дать скромное слово этнографа, передающее жизнь уголка земного шара, или точки его, какъ раіонъ очерка? Избирая темою сказанія поставленный въ заголовкѣ предметъ, авторъ останавливается лишь на семейственной женщинѣ простонародной бѣлорусской среды, неизмѣнной сотрудницѣ бѣлорусса, дарящей жизнь новому поколѣнію, подвоспитывающей его, рядящей судьбы дома и прямо или косвенно рядящей судьбы окрестнаго общества. Что же касается остальныхъ «бабъ, або́ жёны(о)къ», то и спѣшный, но далеко не окончательный перечень именъ ихъ покажетъ, какъ трудно въ этнографическомъ словѣ разобраться, напр., съ слѣдующими «звиски(а)ми» [1]) тѣхъ же» бабъ, або́ жёны(о)къ: си(е)стра, посёстра, ц(т)ётка, дя́дина, плимя́нинка, швагéрка, золо́вка, брато́ва, своя́, чужка, кумка, сосѣдка, да́льная, хожа́йка, здо́льница, мы(о)лы(о)ча́нка» [2]) и проч. Оттѣняя семейное, родственное или общественное положеніе женщины, каждое изъ перечисленныхъ именъ оставляетъ за нею весьма понятную форму бытія, условій жизни

*) См. „Эти. Обозр.“, XXXIV.

и отношеній, а это приведетъ къ расширенію скромной темы очерка, ограниченнаго пока словомъ о „бабкѣ, маткѣ, жёнкѣ и дочцѣ».

1. Бабка.

„Бабка ро́дны(а)я!» Кто изъ твоихъ «уну́чикы(о)въ и уну́чицъ» не помнитъ тебя морщинистую, какъ замороженное, но оттаявшее яблоко, сухотѣльную, со втянутыми въ беззубый ротъ губами, согбенную подъ тяжестью лѣтъ, которымъ и счетъ потерянъ, съ неразлучнымъ днемъ и ночью «кій-ко́мъ»—твоею третьею ногою?! Только тотъ, кто не видалъ тебя, о комъ не дошли до неба твои мольбы, не осуществились затаенныя мечты—по́держать на рукахъ «уну́чиньку». Но чего не суждено было дождаться тебѣ, тѣмъ пресытилась твоя десятая, двадцатая сверстница, оставивъ завѣтную память «о ба́бцы ро́дны(о)й». Съ женскимъ терпѣніемъ, воспитаннымъ годами и согрѣтымъ бабкиною любовью, она качала въ колыбели то одного, то другого «уну́чиньку», до истощенія старушечьихъ силъ, разбитымъ голосомъ, до хрипоты напѣвая «котка́», заботливо отгоняя мухъ, поправляя колыбельную постельку и подавая «кашку да тпру́цку», [3]) согрѣтую то «у ямки»,[4]) то въ своемъ беззубомъ ртѣ. Какъ ни трудно ей бывало «усцихоми́рицъ горѣ́зника», она не тревожила матери, дабы та отдохнула, «па(о)панувала за ей головой, набрала силы(о)чки», или же справила неотложную работу. Только тамъ, гдѣ «ни довиди(ѣ)ло ба́бино во́чко», или гдѣ она оказывалась несостоятельною, бабка взывала къ материнской помощи, послѣ чего опять къ «уну́чику», къ хлопотливому уходу за нимъ, начиная съ кормленья и кончая изобрѣтеніемъ колыбельныхъ «бавъ» [5]).

Такъ, день за днемъ, «ро́дны(а)я бабка вы́зыбы(а)ла [6]) унучика», поставила его на «свое́ ноженьки», благодаря чему послѣдній уже является бабинымъ спутникомъ въ ея переходахъ—на печь, на полати, на лавку, даже за порогъ дома. Пользуясь правомъ «лю́бы(о)го горѣ́зника», внукъ смѣло подползаетъ подъ бабинъ кожухъ, покрывной армякъ и вмѣстѣ съ «ро́дный» спитъ здѣсь, или выслушиваетъ дивныя сказки,

разсказы о давно-прошедшемъ, а не то горячитъ юную головку бабиными проектами о поимкѣ на другой день живого «вирабе́йки». Тутъ же, подъ кожухомъ бабки, а въ спѣшныхъ случаяхъ—и подъ юбкою ея, онъ находитъ надежный сховъ при „кулюку́шкахъ“ [7]) и, въ особенности, при родительскомъ преслѣдованіи проказника: бабинъ кожухъ или юбка дѣлаютъ его неприкосновеннымъ, и бабка готова отстаивать спасающагося вооруженною силою. Не ушелъ виновникъ отъ родительской потасовки, бабка ругаетъ обидчика, забывая родительскія права послѣдняго, плачетъ вмѣстѣ съ наказаннымъ, грозитъ по адресу наказавшаго и успокаиваетъ предстоящимъ походомъ въ церковь („у лю́ди“), въ лѣсъ, за водою, поимкою «вирабе́йки». И дѣйствительно: уговоривъ внука хорошенько подкрѣпиться, взять харчевые запасы, снасти въ видѣ нитки, да приманку, она отправляется «на вирабе́йку», развиваетъ цѣлую систему поимки ея, строитъ засаду, подкарауливаетъ жертву и проч. Не удалась охота—въ ближайшей опушкѣ лѣса найдется вознагражденіе: то ягоды, то грибы—и себѣ на забаву, и отцу съ матерью на лакомство. Тамъ надо «пирима́ць гы́никъ одъ шкоды» [8]), тутъ—выгнать, «курку съ пискля́ты(а)ми зъ горо́да, накормить послѣднихъ, подать имъ водицы. Нѣтъ всего этого—занятіе подъ руками: бабка захотѣла «лопуно́въ», [9]) а внукъ уже готовитъ таковые изъ подручной грязи, глины, раскладываетъ для примѣрнаго печенья, а потомъ суетъ ей эти скороспѣлые «лопуны́» и въ руку и даже въ ротъ. Зимою, когда стихійное подневолье приковываетъ бабку и внука въ избѣ, къ печи, подъ кожухъ, оба поколѣнія дѣятельно трудятся надъ разными «ля́льками» [10]) и, если бабка не спустилась до «дяці́ньствы», [11]) она поправляетъ и руководитъ работою внука; въ противномъ случаѣ—она играетъ съ внукомъ на правахъ сверстника, плачетъ при обидѣ, отнимаетъ «ля́льки» и ждетъ руководительства других, хотя бы и старшихъ дѣтей...

Но не дай Богъ дойти до такого невмѣняемаго возраста: обаяніе «ро́дны(о)й бабки» потеряно для внуковъ, и о такихъ бабкахъ, страдалицахъ при тягостномъ концѣ ихъ жизни, остается сожалительное воспоминаніе о томъ, какъ она дралась со внуками за игрушки, какъ плакала при личныхъ неудачахъ, какъ

жаловалась на обиды и проч. Какъ при своей скорбной старости она не бывала другомъ внуковъ, такъ и послѣ смерти она не заняла отрадной памяти о себѣ,—что такъ присуще иной ея ровесницѣ — «стóищі(е)й рóдны(о)й бабцы».

Какъ это бываетъ съ лицами ея возраста, бабка нескончаемо кряхтитъ да охаетъ, но неотложно творитъ свои бабкины дѣла — и вдругъ проснувшіеся внуки видятъ поутру свою бабку неподвижно лежащею, съ особеннымъ спокойствіемъ на лицѣ, пожалуй, уже снаряженною по мертвецки, а по тону и поведенію старшихъ они смутно понимаютъ, что съ ихъ другомъ произошло нѣчто особенное. На робкіе вопросы о бабкѣ старшіе обыкновенно отвѣчаютъ, что, тревожимая дѣтьми, бабка очень устала и теперь спитъ, что дѣти должны вести себя спокойнѣе, иначе разгнѣванная бабка и совсѣмъ не встанетъ: дѣти побѣждаютъ себя, спокойно выжидаютъ просыпленія ея и не могутъ надивиться, почему оно такъ длится. Голошенье надъ бабкою старшихъ и, особенно, причитанья не разрушаютъ дѣтскихъ вѣрованій въ просыпленіе бабки; не дѣлаетъ того же положеніе въ гробъ и выносъ— бабку понесли Богу молиться. И только опусканіе въ могилу да засыпаніе землею заставляетъ вспомнить, что, при разныхъ случаяхъ дѣтскаго неповиновенія, бабка грозила «уйцицъ у я́мку, засы́пы(а)цца зи(е)мéлькы(о)й и ни рáзы(о)чку ни вярну́цца къ горѣзникамъ». Неужели же бабка исполнила свою угрозу? Какъ нарочно, передъ ея сномъ, дѣти вели себя прилично, на утѣху всѣмъ; да и сама бабка давно примирилась съ ними, забыла угрозу. Какъ же такъ? Не разставаясь съ надеждою на возвращеніе домой бабки, дѣти усердно приберегаютъ ея достояніе—«кіёкъ, ны(о)сови́чку, ви(е)рцянó, шмоччёнку» [12]) и другія бездѣлушки: придетъ бабка, найдетъ все въ порядкѣ, похвалитъ «уну́чикы(о)въ»—и пойдетъ все по старому.

Тѣмъ временемъ вещественные предметы бабкинаго бытія такъ осязательно напоминаютъ объ отсутствующей: когда-то съ разрѣшенія бабки внукъ прокатился верхомъ на гладенькомъ «кійку» ея по двору, даже выѣхалъ за ворота, при чемъ бабка сама возжала коника, «рóбила пу́жку», [13]) научала, какъ обращаться съ ретивымъ коникомъ, или, покоясь на завалинкѣ,

посылала оттуда всаднику наставленія сдерживать коника, постегивать его, не жалѣть. Запутался внукъ, упалъ вмѣстѣ съ конемъ—бабка бѣгомъ-бѣжитъ на выручку, ахаетъ, горюетъ по поводу случившагося и усердно бичуетъ виновнаго коня, грозя ему привязью... къ завалинкѣ... А то вотъ—и «ны(о)сови́чка»: она, правда, темнѣе грязной онучи; но вѣдь сюда, именно сюда бабка скопляла табачные отбросы, и капельки изъ носу, каковую необходимость подсказывали ей внуки, или же управлялись съ этимъ сами. Еще такъ живо помнится любовно-благодарный взоръ ея за услугу, по дѣтской неумѣлости, причинившую новыя хлопоты и услуги — внукъ нечаянно мазнулъ щеку, губу бабки... Такой же взоръ бабки припоминается по поводу найденной «ны(о)совички»: переходя свой «заву́локъ», [14]) бабка обронила ее при попутномъ крапивникѣ, а встрѣчный поросенокъ или щенокъ подцѣпилъ ее и проволокъ подъ бревно. Сколько ни искали сообща потери, вернулись домой ни съ чѣмъ. И не найти бы имъ цѣнной вещи, если бы не выручилъ «разумникъ - уну́чикъ»: онъ потрудился, онъ нашелъ!.. А утрата была бы велика: бабка съ носомъ горюй, а внукамъ и песку да глинки не въ чемъ принести...

Можно ли передать все, что подобнымъ ореоломъ окружаетъ памятованіе о «родны(о)й бабцы»? Это памятованіе проходитъ чрезъ всѣ тѣ годы внука, когда онъ еще ждетъ возврата ея домой; сопутствуетъ въ послѣдующей то радостной, то скорбной жизни; оно не покидаетъ его и тогда, когда внукъ, окруженный уже собственными внучатами, воспроизводитъ предъ ними слова и дѣянія давней бабки,—не покидаетъ и въ дни, близкіе къ сокрытію въ могилѣ, подъ землею...

Тѣмъ же обаяніемъ дышитъ памятованіе и о «бабцы» случайной, приблудной, не связанной съ семьею кровными и родственными связями, но сжившейся съ нею, подобно родной, «вы́зыбы(а)вшей», поставившей «на своé ножиньки» чуждыхъ ей дѣтей. Не совсѣмъ понятные нынѣ типы такихъ бабокъ яркимъ свѣточемъ свѣтились въ простонародной семьѣ въ то отодвинутое отъ насъ время, когда крѣпостническій гнетъ заставлялъ покидать родину, семью и спасаться на чужбинѣ, среди лицъ и семей, доселѣ ничего общаго не

имѣвшихъ съ бѣглецами. Поступивъ въ новую семью въ качествѣ работницы изъ-за хлѣба и пріюта, бѣглянка долгіе годы проживала здѣсь подъ именемъ тетки (въ отношеніи дѣтей)[15]). Въ послѣдующее время, по мѣрѣ утраты силъ и непригодности къ труднымъ крестьянскимъ работамъ, она становилась семейною нянькою, въ каковомъ положеніи, исполняя болѣе легкія домашнія работы, выращала одного за другимъ чужого ребенка. Когда же старость приковывала ее къ углу, къ печкѣ, и въ послѣднихъ не отказывала благодарная семья, безпомощная старуха становилась почти тою же бабкой, безъ прибавленія «рóдны(о)й», о которой упоминалось выше, и замѣняла родную для тѣхъ, кто не имѣлъ таковой на самомъ дѣлѣ. Закинутая судьбою въ чужой край и семью, обездоленная старостью, эта бабка становилась одною изъ двухъ: или ненавистною ворчуньею, или же любвеобильною бабкою, соперничающею съ родною. Если въ первомъ случаѣ имя такой «приблудной бабки» произносилось, какъ названіе существа строптиваго, при ея жизни и по смерти, во второмъ случаѣ оно было обаятельно, но и здѣсь и тамъ оно наравнѣ съ родными и родственными именами вносилось въ семейные поминальники, а ея одинокая могила чествовалась вмѣстѣ съ родственными, по крайней мѣрѣ, тѣми, кому она отдавала свои послѣднія старческія силы, свою женственную ласку и любовь.

Остается примолвить «о бабцы пупорѐзный», или просто—«пупорѐзницы». Грозное, повидимому, даже страшливое имя такой бабки есть неудачно приданное имя повитухи, пріемной бабки, и на самомъ дѣлѣ оно не устрашаетъ, а ласкаетъ слухъ деревенскаго простонародья,—собственно потому, что эта бабка есть первый вѣстникъ о родившемся дитяти; она же, принявшая на себя его первый «брудъ», даетъ ему и первую «хондóгу»[16]) на землѣ, чего не могутъ сдѣлать даже родители ребенка: мать — по изнеможенію, отецъ — по силѣ принятыхъ обычаевъ; другія лица, чужія и семейныя, не присутствуя при разрѣшеніи, совершенно къ сему и не допускаются за изъятіемъ развѣ исключительныхъ случаевъ. Это именно дѣяніе, да дѣяніе, выраженное именемъ «пупурѐзницы», могутъ считаться единственною выдающеюся

дѣятельностью бабки; все остальное, предшествующее и послѣдствующее разрѣшенію отъ беременности, идетъ само собою, и бабка тутъ скорѣе традиціонная, чѣмъ активная помощница.

Останавливаясь подробнѣе на бабкѣ и ея дѣятельности, прежде всего необходимо сказать, что «по бабкамъ хо́дюць» лица, пригнанныя къ тому житейскими обстоятельствами: вдовствомъ, второстепеннымъ положеніемъ въ семьѣ, безродствомъ, оскудѣніемъ силъ, необходимыхъ для крестьянскихъ работъ, притяжимостью въ «ле́жн(я)мъ, [17]) къ «ла́сы(о)му куску» и бражничанью. Внѣ сихъ обстоятельствъ женщина не идетъ въ бабки, даже собственной и родственной семьи, и сказать молодой, обезпеченной женщинѣ, что она «пóйдиць пы(о) ба́бкы(а)хъ», значитъ — много обидѣть ее. Такъ какъ бабкою становится случайница, раньше открещивавшаяся отъ такой профессіи, то объ ея подготовленности, акушерскихъ познаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Вполнѣ достаточно съ бабки, если она на себѣ и другихъ наблюдала естественный выходъ утробнаго младенца, если она можетъ спокойно переносить чужіе стоны, не боится вида крови, податлива на слова и увѣщанія, можетъ пустить въ глаза пыль, не брезглива и кое-какъ сумѣетъ управиться съ «пупорезнымъ» дѣломъ, для чего ей достаточно имѣть при себѣ нехитрые предметы: острый ножичекъ, или ножницы, «шавчи́нку», [18]) даже простую нитку. Ясно, что такая бабка не можетъ предупредить родильнаго уклоненія, не можетъ исправить его, облегчить продолжительныхъ, тяжкихъ мукъ родильницы: «такъ надо!» — говоритъ она и дополняетъ: „любишь возицца—люби й са́нички возиць!“. Однако, дабы не ронять себя въ глазахъ кліентовъ, бабка не бездѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ: изрѣдка поводитъ рукою по животу внизъ, кого-то осѣняетъ крестомъ, кому-то говоритъ «кышъ-кышъ!» кого-то призываетъ на помощь, прося „ры(а)створи́ць воро́ццы“. Тутъ же, по ея авторитетному слову, изъ избы удаляются всѣ, кромѣ мужа; женщины и, преимущественно, дѣвушки расплетаютъ волосы, развязываютъ узлы въ собственныхъ опоясках; степенный мужикъ, мужъ родихи, покорно ложится у порога, чтобы дать возможность своей мучающейся женѣ нѣсколько разъ

перешагнуть чрезъ себя; такъ-же покорно стоитъ онъ въ согнутомъ надъ женою положеніи, пока та, вмѣсто дутья въ бутылку, для вызова потугъ, держитъ его шею въ обхватѣ, или онъ галопируетъ къ приходскому священнику за церковнымъ поясомъ, чтобы опоясать родиху, и съ просьбою отворить царскія врата. Да если бы при данномъ жаркомъ случаѣ бабка потребовала разобрать потолокъ, снести крышу, разметать печь, то все сдѣлалось бы безоттоворочно и буквально. Но до этого не доходитъ дѣло, хотя перемѣщенію мебели и утвари, переворачиванію, напр., стола и скамеекъ—нѣтъ конца. Такъ безконтрольно царитъ въ хозяйственномъ домѣ эта полунищенка, только-что оторванная отъ бобыльскаго угла и положенія!... Не приведутъ къ путному концу всѣ «вы́гы(а)ды-вы́мыслы» бабки,—она не отвѣтчица за исходъ: не все, или не такъ исполнялись распоряженія бабки, домъ родихи или сама она имѣли ненавистниковъ, которые и извели несчастную. Со всѣмъ этимъ «у простóци» мирятся, и та же бабка не замедлитъ очутиться при новой родихѣ, потому что иной спутницы деревенскихъ родовъ трудно подыскать!

Крѣпость организма, воспитаннаго правильною трудовою жизнью, простотою, закаленностью въ борьбѣ съ условіями деревенщины, позволяетъ простой женщинѣ разрѣшаться отъ бремени скоро и легко, часто безъ всякой помощи. Если припомнить мѣсторожденіе крестьянина, такъ, пожалуй, трудно будетъ указать, гдѣ онъ не родится: въ хлѣву — за дойкой коровъ, въ полѣ — за жатвой, на лугу — за сѣнокосомъ, въ лѣсу—за сборомъ ягодъ и грибовъ, въ дорогѣ — въ саняхъ, въ телѣгѣ, въ суднѣ, при паломничествѣ — гдѣ Богъ приведетъ: среди дороги, подъ кустомъ, подъ навѣсомъ и проч. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ бабка подоспѣваетъ развѣ только «пупъ рѣзы(а)ць, да справиць спрáвы», т. е. обмыть новорожденнаго и родиху, вынести помои, убрать дѣтское мѣсто. Благодаря этому, объявившуюся бабку, извѣстную въ околоткѣ верстъ на пять, только имѣютъ въ виду, на всякій случай, и предварительно съ нею не уговариваются, а тѣмъ менѣе прибѣгаютъ къ ея предварительной помощи. «Забéруць роды́»—и тогда самъ мужъ, или другой подручный человѣкъ отправляется за бабкою то пѣшкомъ,

то на лошади, при шуточномъ предупрежденіи родихѣ: «пы(о)-годи — ни роди, дай пы(о) бабку сходи́ць!» Нерѣдко бываетъ, что и сюда бабка подоспѣваетъ уже къ «пупорѣзу» и связанному съ нимъ послѣдующему дѣянію.

А между тѣмъ, при разрѣшеніи отъ беременности замужней женщины бабка необходима: безъ нея недостаточна «малая поло́га», не обаятельны «про́ви(ѣ)дки», необычно снаряженіе «до ксту», нѣтъ «бабины(о)й каши», плохи и «муравинки». [19]) Здѣсь бабка есть крупная единица, то же, что ложка — при ѣдѣ, дуга — при хомутѣ, и она знаетъ это, знаетъ при данномъ случаѣ и цѣну себѣ. Посмотрѣть бы на эту единицу въ моментъ зова, на ея дорожные сборы, горделивое торчанье въ экипажѣ, царственное распоряженіе въ домѣ и вокругъ родихи! Посмотрѣть бы на нее, держащую въ рукахъ воспринятаго младенца,—да это львица съ добычею въ когтяхъ! Что новорожденный есть бабина добыча—то вѣдь не магдалининское же служеніе заставило бабку «пупорѣзничать», ночей не досыпать, куска не доѣдать, а тотъ расчетъ, на который указано выше.

Изнуренъ младенецъ, не подаетъ онъ голоса—бабка даетъ ему звонкаго «шли(е)пака́, кабъ го́лосно было́», и орущаго «новаго-нарожде́нца» спѣшно закутываетъ въ «стари́зны(о)-чку», небрежно суетъ живой свертокъ въ подлежащее мѣсто у пятъ родихи, произнося на ходу: „ну, й зипа́й, поскудничикъ, кы(о)ли охво́та!“ Тутъ она развязно подступаетъ къ родихѣ для поданія помощи — правитъ животъ и «золотникъ» [20]).

Третьимъ актомъ бабина торжества, по всей справедливости, приходится считать первое купанье новорожденнаго, но оно же есть первое, иногда и весьма прибыльное доенье родителей новорожденнаго. Къ нему сто́итъ присмотрѣться. Шумно и развязно бабка «готу́ць ночёвки», ставитъ ихъ и тамъ и сямъ, пока не выберетъ мѣста на виду родихи; такъ же шумно, по нѣскольку разъ она «лѣ́ць воду́», [21]) нескончаемо поправляя купальную «посци́лку» и нескончаемо опрашивая себя словами: «здаетпа усё». Это „усё“, какъ и шумныя приготовленія бабки, напоминаютъ родителямъ о необходимости «сирябри́ць воду́», т. е. предварительно ку-

панья новорожденнаго класть въ купальное корыто какую-нибудь серебряную монету, и сдѣлай это родители или другой близкій человѣкъ раньше, при первыхъ хлопотахъ бабки—она давно бы принялась за купанье, тѣмъ болѣе, что младенецъ въ немъ нуждается. Привычнымъ взглядомъ бабка распознаетъ монетки, серебрящія воду, и навыкомъ опредѣляетъ сумму ихъ,—что придаетъ бабкѣ или особенную игривость, или молчаливую сдержанность. Когда же, по неопытности и другимъ причинамъ, вода «ни сирябри́тца», почти гнѣвная бабка торжественно вынимаетъ изъ кармана свои „питы(о)манныи" [22]) мѣдяки и таковыми „бѣлицъ воду́". Вмѣстѣ съ симъ и всѣ купальныя дѣянія бабки принимаютъ мѣдную окраску: она бываетъ молчалива, недовольна подручными предметами, небрежно моетъ дитя и нескончаемо вздыхаетъ. Все это можетъ случиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ: обыкновенно же родители или другія близкія лица спѣшатъ «забѣлить воду» и по собственному побужденію и вслѣдствіе напоминанія бабки. Какъ извѣстно, монеты, бѣлившія купальную воду, остаются въ корытѣ до выливанія помоевъ и затѣмъ поступаютъ въ личную собственность бабки, которая не выбираетъ монетъ, а выгребаетъ ихъ правою ладонью непосредственно въ карманъ. Даже и при томъ условіи, когда купальная вода щедро «побѣ́ли(е)на», бабка моетъ младенца «съ-пя́та-ны(а)-дися́та». На общій взглядъ это происходитъ отъ множества сложныхъ при семъ случаѣ обязанностей; на самомъ же дѣлѣ—отъ присущей бабкѣ неряшливости и спѣшности: послѣ выливанія помоевъ и закапыванія дѣтскаго мѣста потрудившейся бабкѣ предстоитъ поздравленіе родителей младенца и, главное, «спры́ски его оржану́шкы(о)й», которая вотъ-вотъ замелькаетъ въ рукахъ отца младенца.

Въ дальнѣйшемъ дѣятельность бабки состоитъ, съ одной стороны, въ безотлучномъ торчаньѣ при родихѣ и младенцѣ, для которыхъ она является какимъ-то патрономъ, а съ другой — въ роли необходимаго прихвостня на празднествахъ: «ксци́нахъ и мурави́нкахъ». Въ первомъ случаѣ бабка есть охранительница «малый подо́ги»: она руководитъ «лё́жни(я)ми родихи», вмѣсто нея (предполагается—немощной) удовлетво-

ряетъ спросы «про́ви(ѣ)ды(о)къ», за отсутствіемъ мужа «частуиць»[23]) послѣднихъ, купаетъ младенца и «пора́дкуиць его до кста». Во второмъ она торчитъ за крестбиннымъ столомъ вмѣстѣ съ гостями, которымъ и подаетъ свою «бабину кашу», вмѣстѣ съ новымъ составомъ гостей справляетъ «муравинки», гдѣ почти всегда ухлопываетъ заработки отъ «побѣлки воды» и отъ «бабиной каши», всегда оплачиваемой добровольными денежными вкладами гостей. Присутствіемъ на «муравинкахъ» кончается торчанье бабки въ домѣ «пупорэзныго унука», и дальнѣйшее ея пребываніе тамъ не нужно и даже странно: бабка отправляется домой, унося отрадное воспоминаніе о только-что оставленномъ пріютѣ и гощеніи,—отправляется, по большей части, пѣшкомъ и рѣдко въ экипажѣ, въ сопровожденіи какого-нибудь мальчонка.

Изъ краткаго перечня дѣятельности «пупорэзницы» видно, что она привлекается къ родильному дѣлу скорѣе по традиціямъ, чѣмъ по насущной необходимости, и что, приставленная къ мудреной работѣ, она ведетъ таковую крайне небрежно, оказываясь несостоятельною тамъ, гдѣ родовое уклоненіе требуетъ насущной помощи, при чемъ необходимо припомнить, что и самый срокъ пупорѣзной дѣятельности не затягивается дольше восьми дней. А между тѣмъ воспоминаніе о таковой бабкѣ какъ-будто осязательнѣе памяти «о ба́бцы ро́дны(о)й и прыблудны(о)й»; такъ пѣсня называетъ ее «бабкы(о)й-любкы(о)й, бабусі(е)й-гордый, бабулечкой-голубочкой», за нею самъ «Василечка Григорьевичъ спя(ѣ)шиць-бяжиць», ей дается «семь мѣръ муки, семь мѣръ малюшки, [24]) семь мѣръ конопель, чирвоны чиботы, пура[25]) грецки, корова-ц(т)елица, конь-воронъ, сѣточка-бродня», ее собираются отвозить домой не иначе, какъ «на двѣнадцати запряженныхъ воронькахъ, или волахъ», на пути къ дому «спотыка́иць (встрѣчаетъ) яе́ Господь Богъ, пытаиць—дѣ, бабуся, была?» («Бѣлор. пѣсни», П. В. Шейна, Спб. 1874 г., №№: 2, 3, 4, 18 и «Матеріалы», его же, Спб., 1887 г., т. 1, ч. 1, №: 6, 15, 18, 19, 20). На ряду съ поминаемыми сродниками «старецъ-Сумонъ» и его многочисленные собратья поминаютъ и «бабку пупорэзныю, што й працку пры(а)цувала». («Этн. Обозр.» 1892 г., кн. XII стр. 81). Заслуженно

ли такое памятованіе о пупорѣзницѣ и чѣмъ именно вызывается оно — трудно отвѣтить, но нельзя умолчать, что и «пупорѣзные внуки» помнятъ такую бабку: видясь съ нею рѣдко, чуть зная въ лицо, они все-таки сносятся съ бабкою, даря ей родительскіе гостинцы, принимая скромные бабины отдарки. Дѣлается это какъ-то безмолвно, нѣтъ тутъ ни ласки родной и приблудной бабки, ни тѣснаго побратимства между сносящимися сторонами, но нѣтъ и формализма, по крайней мѣрѣ, пупорѣзные внуки тепло и симпатично относятся къ бабкѣ.

2. Мамка-роди́цилка.

Кому не суждено было пользоваться обаятельнымъ уходомъ той или другой бабки, кто зналъ о ней лишь по семейнымъ преданіямъ, или видѣлъ ровесную ей на сторонѣ, тотъ могъ утѣшаться другимъ обаятельнымъ существомъ— „мамкый-роди́цилкый“, въ которой, между прочимъ, онъ читалъ всепрощающую доброту бабки, безкорыстную преданность къ своему потомку, перваго и послѣдняго друга дѣтства, наставника и руководителя цѣлой своей жизни. Какъ видно будетъ изъ послѣдующаго слова о женѣ и дочери, деспотически-грубое, нѣжно-ласковое отношеніе къ послѣднимъ совершенно сливаются въ стоящее особнякомъ отношеніе къ „мамки-роди́цилки“ на всѣхъ ступеняхъ жизни этой послѣдней, до „дяциньства“ включительно. Въ отношеніи этой женщины помнится одно, что она „цижа́рно (тяжело) носила, трудно родила,свою кровь ронила,сиськы(о)й питала, долькы(о)й одѣляла“,—и передъ такими незамѣнимыми заслугами „корми́цилки-по́йцилки“ нѣсколько меркнетъ другое священное имя „та́тки ро́дныго“, по крайней мѣрѣ, при разныхъ невзгодахъ, какъ и радостяхъ, прежде всего выкликается имя «роди́цилки». Какъ ни виновна послѣдняя въ своихъ отношеніяхъ къ мужу, дѣти на сторонѣ матери, и если они не винятъ отца, то стараются пріискать пути и для оправданія матери; при очевидно несправедливомъ отношеніи отца къ матери, дѣти становятся фактическими защитниками послѣдней, — чего не сдѣлаютъ въ обратномъ случаѣ.

Отыскать настоящую причину сравнительно большей притяжимости дѣтей къ матери не трудно: кромѣ инстинктивнаго влеченія, еще въ юномъ возрастѣ дѣти стоятъ глазъ-на-глазъ съ матерью, которая кормитъ ихъ, поитъ и холитъ, является первою заступницей отъ братнихъ, сверстническихъ и сосѣдскихъ обидъ, а также и отъ отцовской «шко́ли», какъ извѣстно, всегда нешуточной. Если въ домѣ идутъ супружескіе „ни(е)зада̀лы“ [26]) и дѣтямъ, по пословицѣ, «ня любъ гось, ня любы и госси́нцы» — приходится дѣлить материнскіе «ухода́лы» да «во́нки», [27]) то общность придавленнаго положенія и «нарёки» матери сплачиваютъ изгнанниковъ, домашнихъ страдальцевъ, въ одну силу, главою которой стоитъ мать. Можно утверждать, что, чѣмъ приниженнѣе было положеніе послѣдней въ супружествѣ, тѣмъ почетнѣе оно станетъ въ отношеніяхъ дѣтей ко вдовой матери. Несмотря на разладъ возрастныхъ братьевъ, готовыхъ разойтись раздѣломъ въ любой день, они не сдѣлаютъ этого, пока жива мать; по безмолвному, а иногда и единодушно выраженному соглашенію, такія дѣти, сверхъ всего, предоставляютъ матери безотчетный распорядокъ въ домѣ и по хозяйству. Какъ на трогательный и въ свое время поучительный примѣръ сего, окрестное населеніе указывало на Праск. Уласиху [28]) въ д. Морочахъ, Вит. у., въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. Ни одно начинаніе и распорядокъ по дому и хозяйству не проходили безъ ея указаній, какъ не задерживалось, а поступало въ руки матери денежное пріобрѣтеніе отдѣльныхъ членовъ семьи. Достигла такого положенія Уласиха не деспотизмомъ, не волею общества, а тою святою волею, которая воспиталась и созрѣла въ благодарныхъ дѣтскихъ сердцахъ. Какъ почестно провела эта мать свою вдовью жизнь, такъ почестно и оставила ее на рукахъ сѣдовласыхъ своихъ дѣтей. А между тѣмъ кто же не помнилъ приниженной, замужней Уласихи, знавшей въ супружествѣ только «вилки да кочёрьги», [29]) къ которымъ присоединялся еще «ла́вническій бизунъ» мужа [30]).

На другихъ примѣрахъ дѣтскаго вниманія къ матери читается и еще одна страничка. Не придавая оцѣнки бабѣ вообще и считая таковую ниже себя, мужикъ какъ-то выдѣ-

ляеть изъ «жёнокъ мамку-родицилку», обыкновенно стоящую внѣ покровительственнаго, снисходительнаго отношенія, замѣчаемаго къ женѣ, родительскаго снисхожденія къ дочери. Достойно особеннаго вниманія: на глазахъ сына прошли всѣ переливы униженнаго положенія матери; самъ онъ не ставитъ выше положенія собственной жены, вторитъ отеческому произволу и деспотизму; но когда та-же приниженная женщина предстаетъ предъ нимъ, какъ мать, этотъ деспотъ умаляется до безмолвнаго послушанія. Пьяница, готовый перевернуть домъ вверхъ дномъ, опускаетъ руки при материнскомъ вмѣшательствѣ; развратникъ въ другомъ родѣ страшится только материнскаго пристыженія, передъ которымъ лишь и потупляются его безстыжіе глаза. Нельзя сказать, будто не бываетъ того же и въ отношеніи отца; но здѣсь скорѣе сказывается обаяніе физическаго страха, имѣющаго различные источники съ обаяніемъ нравственной силы матери, каковая сила заходитъ далеко за предѣлы ожидаемаго.

Сказаннымъ доселѣ обрисовывается мужское отношеніе къ матери, и по нему только отчасти угадывается отношеніе дочерей къ той же матери. Если въ нареканіяхъ на современный упадокъ родительскаго авторитета есть заслуженная справедливость, то эти нареканія могутъ падать скорѣе на мужской составъ дѣтей; какъ и раньше, дочери остаются пока неизмѣнными подчиненницами и охранительницами сего авторитета. И доселѣ видится безотговорная исполнительность материнскихъ велѣній дочерьми во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ силъ послѣднихъ: дочь одна и та-же, когда ребенкомъ прислуживаетъ матери, убаюкивая вмѣсто нея младшаго брата или сестру, и когда убаюкиваетъ собственное дитя, по выходѣ въ замужество. Да и послѣднее совершается по авторитетному слову матери. Отецъ настаиваетъ на данномъ замужествѣ дочери; но оно состоится тогда, когда къ отцовскому приказу присоединилось мирное указаніе матери. Несогласовался бракъ съ надеждами дочери, несчастливъ онъ, дочь не броситъ осужденія въ сторону матери, не покроетъ попрекомъ ея имени, ограждая таковое и отъ стороннихъ нареканій.

3. Бабка-жёнка.

Предварительно рѣчи о взаимныхъ супружескихъ отношеніяхъ бытописуемаго простонародья необходимо присмотрѣться къ немногимъ житейскимъ положеніямъ, приводящимъ къ богоданному союзу двухъ лицъ, и для того умѣстно будетъ обратиться къ жизни лѣтъ за тридцать-сорокъ назадъ, къ тому строю, который подарилъ нынѣшнее отживающее поколѣніе, въ свою очередь, давши кандидатовъ и кандидатокъ супружества, быть можетъ, непохожихъ на дѣдовъ и бабокъ. Отдѣльныя жизненныя положенія, прошедшія передъ глазами цѣлаго общества, помогутъ воскресить этотъ строй.

а) Въ семьѣ, которая такъ безподобно чтила свою мать, извѣстную въ околоткѣ Уласиху, ютилась единственная дочь послѣдней, любимая сестра неразцѣльно живущихъ братьевъ. Если можно было найти крестьянскую дѣвушку со всѣми подобающими достоинствами, таковою и могла быть Марья Уласишна, мѣстная краса конца 50-хъ годовъ, на далекую округу. Выше средняго роста, голубоглазая, полнотѣлая, съ поразительною бѣлизною и тонкостью кожи, такою же поразительною стройностью формъ и движеній, при всегдашней игривости, безпечной веселости, хотя и не спускавшейся до плоскаго слова и дѣйствія, Уласишна, по справедливости, считалась мѣстною «кралею», [31]) останавливая на себѣ не завидливый, но почтительно-внимательный взглядъ всюду, куда она появлялась. Ясно, что такая дѣвушка составляла предметъ вниманія окрестной мужской молодежи, кстати сказать, въ то присноцамятное время весьма измельчавшей. Это обстоятельство, въ связи съ описаннымъ состояніемъ самой Уласишны и ея положеніемъ среди богатой и раньше чиновной семьи, не позволяло ей останавливаться на дряблыхъ деревенскихъ парняхъ: ей подъ стать могъ быть развѣ кто-нибудь изъ дородныхъ, относительно красивыхъ „двоюродныхъ панскихъ дѣтей“ [32]),—о чемъ, несомнѣнно, подумывала и сама красавица, когда выслушивала семейныя указанія на замужество; послѣднимъ, однако, ни мать, ни братья не торопили ея.

Въ то время, когда текла красная жизнь мѣстной королевны, зоркій, но всесильный панскій войтъ (Гр. Иван.) уже намѣтилъ красавицу въ жены своему скудоумному, тщедушному, хотя и не уродливому первенцу, и только выжидалъ, пока тотъ сколько-нибудь оформится въ парня и окрѣпнетъ. Сговорчивость пана, вообще рѣдко нарушавшаго въ такихъ случаяхъ родительскіе выборы, сговорчивость семьи Уласишны, кстати, состоявшей съ войтомъ въ родствѣ, привели сватовство къ желанному концу. Оставалось бы заручиться согласіемъ невѣсты; но это относилось къ послѣдышамъ предбрачнаго дѣла: выборъ жениха и предстоящая свадьба были объявлены красавицѣ... Ни слезы, ни обращенія къ материнской и братней любви, ни насиліе надъ собою не спасли безпомощную Уласишну отъ брака, который своевременно и состоялся... Какъ проходили предбрачныя торжества, какъ переживала ихъ красавица, это могли видѣть и свидѣтельствовать немногочисленные гости, необходимые участники сихъ торжествъ; но вѣнчаніе и гнетущая обстановка его прошли на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, богомольцевъ приходской церкви, увы!—безмолвныхъ зрителей происходящаго. Памятными эпизодами этого вѣнчанія остаются слѣдующіе: невѣста привезена была къ церкви подъ мощною охраною; подъ тою же охраною она введена была и въ церковь; заплаканная и изнуренная, она все-еще имѣла какую-то бодрящую надежду, принятую рѣшимость. Какъ ни обставлена была горемычница охраною, подъ конецъ обѣдни она успѣла уйти изъ церкви и скрываться. Послѣ недолгихъ поисковъ невѣсту нашли на чердакѣ панской конюшни... готовую, но не успѣвшую отдаться одному изъ «двоюродныхъ панскихъ дѣтей». При невообразимыхъ воплехъ невѣсты, послѣднюю буквально принесли въ церковь, заперли храмъ Божій и, при постепенно утихающихъ крикахъ ея и метаньѣ, повѣнчали. Изъ церкви она выходила подавленною, апатичною и дальнѣйшему теченію жизни поддалась автоматически. А между тѣмъ, недалеко отъ церковнаго крыльца хоръ сватей началъ обычную въ семъ случаѣ свадебную пѣсню:

„Ой, радъ-радиникъ Игнатка (2 р.),
Што у новый царькóвки пубувавъ—
Марьютку за ручку пыдиржавъ"...



Десять лѣтъ назадъ эта Марьютка изображала отталкивающую старуху, съ кучею безпутныхъ дѣтей—обычнымъ наслѣдіемъ войтовства...

Къ сказанному остается прибавить, что брачную судьбу любимой въ семьѣ единственной дочери и сестры создали не месть за дѣвическіе грѣшки, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было, не опасеніе за неопытную молодость, — Уласишна стояла выше возможности паденія,—а та любовь матери и братьевъ, кои видѣли счастье любимаго существа въ союзѣ съ войтовымъ наслѣдникомъ и вѣрили, что непонятное теперь исканіе этого счастья впослѣдствіи будетъ оцѣнено дочерью и сестрою...

б) Исторія бытописуемаго отдаленнаго времени не бѣдна сказаніями о подневольныхъ бракахъ, составлявшихся и по расчетамъ родителей и, въ особенности, по силѣ крѣпостного права. Картина и обстановка такихъ брачныхъ союзовъ одна и та же: живешь не такъ, какъ хочешь, а какъ велятъ. Но кромѣ помянутой подневольности, таковая созидалась случайно, неожиданно для сторонъ,—какъ подтвердитъ слѣдующій эпизодъ, удостовѣренный очевидцемъ и имѣвшій мѣсто въ пограничной чертѣ Могилев. и Витеб. губ., въ концѣ тѣхъ же 50-хъ годовъ. Получивъ благословенный панскій листъ на вѣнчаніе десяти паръ, причтъ пріурочилъ таковое къ одному дню. Когда наступило вѣнчальное время и брачущіяся пары должны были занять подлежащія мѣста, въ свадебномъ персоналѣ произошло какое-то замѣшательство, пары не устанавливались. Негодуя по поводу происходящаго, причтъ принялся самолично устанавливать пары, при чемъ двѣ изъ нихъ оказались не въ томъ составѣ, на который указывалъ разрѣшительный панскій листъ и который, быть можетъ, согласовался и съ родительскою волею брачущихся, да такъ и связались на всю жизнь брачными узами. А «яже Богъ сочета, человѣкъ уже не разлучилъ»!...

в) По существовавшему обычаю, новобрачные, а съ ними и поѣзжане только что усѣлись за «перекусочный столъ» въ одномъ изъ погощанскихъ при церкви домовъ и дослушивали упомянутую выше повѣнечную пѣсню „ой, радъ-радиникъ“ и т. д. Новобрачный—атлетическій парень, недавній ба-

тракъ, герой деревенскихъ вечеринокъ и разгула; новобрачная—юненькая, 16-ти лѣтняя, тщедушная дѣвушка, круглая сирота и наслѣдница, къ которой мужъ поступаетъ «при́мнемъ». [31]) Въ числѣ любопытныхъ зрителей, точно голодныя акулы, стеклись сюда и „голутьбенные" сродичи новобрачнаго. Началось обычное въ семъ случаѣ одѣленіе водкою сначала застольниковъ, а потомъ — и болѣе приспѣшныхъ зрителей, между которыми оказалась обойденною полунищенка. Подходитъ она къ столу и говоритъ новобрачному: «дай табѣ, Богъ, пожиць зъ ѐты(о)й ко́шичкый у корысци, у радысци, а намъ, твоимъ цётычкы(а)мъ, здàлику цѣшицца!»... На самомъ дѣлѣ обойденная оказалась троюродною теткою— и новобрачный вступился за неуваженныя права «дя́дины», разразился укоризною по адресу распорядителей, а при возраженіи ихъ, что «увесь свѣтъ ни напо́ишь» — бранью, въ которой скоро дошелъ и до своей жены, публично называлъ «дра́ній — ня ви́дивъ я таке́й!» Помнится низко опущенная голова этой беззащитной „дрàни", помнится ручей застольныхъ слезъ новобрачной: съ ними она вышла изъ-за стола, съ ними и уѣхала въ дальнѣйшій жизненный путь!...

г) А вотъ картинки иной окраски. Какъ ни осторожна была ловкачъ-дѣвка, прорвалась таки и согрѣшила во всю ширь молодой натуры. Предстояла неминучая дѣвическая бѣда, а къ сему и виновникъ дѣвическаго заблужденія „бе́зъ вѣсци пропавъ и листа ня пи́шецъ!" Для сокрытія собственнаго и семейнаго позора оставалось безвыборное супружество, и оно не замедлило состояться съ подручнымъ скудоумникомъ, а чрезъ какую-нибудь недѣлю сказался и благословенный плодъ супружества—родилось дитя. Радостный супругъ гордится успѣхами недѣльной брачной жизни, радъ тому же и напредки, но онъ ужасается слѣдующему расчету: „въ году 52 недѣли, слѣдовательно будетъ и 52 дѣтей; для каждаго изъ нихъ потребуется отдѣльная колыбель— какой же величины долженъ быть домъ для помѣщенія 52 колыбелей?!..

д) Привольное житье «бобылкиныхъ дочёкъ» вошло въ пословицу, и этому житью не даромъ завидуютъ хозяйскія дочери. Къ удовольствію бобыльской дочери почти всегда



готовъ отборный кусочекъ, добытый родительскими трудами путемъ ли заработка, или нестѣсняемою колядой, попрошайничествомъ; она не пойдетъ на спѣшную, а тѣмъ болѣе на трудную стороннюю работу, которую кое-какъ отбудутъ родители; домашней же ни срочной, ни тяжкой не имѣется. Ко всему этому присоединяется обычная погоня голи за нарядами—и бобыльская дочь является одною изъ лучшихъ нарядницъ, хотя всѣмъ извѣстно, что ея нарядъ есть первый и послѣдній дома. Такимъ образомъ внѣ изнурительныхъ трудовъ, на отборномъ кусочкѣ, въ красѣ и относительной холѣ выростаютъ эти деревенскія „краски"—завидливыя предводительницы вечеринокъ и игрищъ, заманчивый предметъ вожделѣній мужской молодежи, которая изъ-за нихъ забываетъ хозяйскихъ дочерей, обыкновенно прижатыхъ семейными и сторонними работами, при семейномъ помыслѣ о завтрашнемъ днѣ, принужденныхъ довольствоваться общею пищею, одѣваться настолько, насколько то позволяетъ домашняя экономія, и сверхъ всего этого состоящихъ подъ неослабнымъ присмотромъ, иногда отрѣшающимъ ихъ отъ такихъ соблазнительныхъ сборищъ, какъ, напр.. «жани́дба Царо́шки». [26]).

Правда, по выходѣ въ замужество, въ разлукѣ съ родительскимъ домомъ, дѣвическія ограниченія хозяйской дочери скажутся: примиряющуюся съ семейнымъ положеніемъ, домосѣдливую труженицу не замедлятъ оцѣнить въ мужниномъ домѣ, напротивъ, при таковомъ же положеніи бобылкиной дочери, послѣдней найдется нескончаемое число поводовъ почесть свою жизнь въ конецъ несчастною, вовсе не замѣчая того, что именно ея неподготовленная къ крестьянскому обиходу жизнь дѣлаетъ несчастною судьбу всей семьи, куда она примкнула по силѣ брачныхъ обязательствъ. Дома и въ отходѣ она «марудная» [27]) работница, пожалуй, неумѣлая; не зная цѣны трудового достоянія, она не умѣетъ и беречь трудовыхъ крохъ; свыкнувшись съ привольемъ, она ищетъ того же и въ замужней жизни, предпочтетъ пирушку уходу за дѣтьми и домомъ, веселую компанію и бесѣду—скромному домашнему времяпрепровожденію. Ничто такое не входитъ въ расчеты настоящей крестьянской семьи.

Но тутъ изрѣдка повторяется то, что баловень судьбы, не-

законный счастливчикъ, остается таковымъ и на всю красную пору жизни: попадется мужъ, не чающій души въ женѣ, расторопная, хлопотливая свекровь или золовка; мужній домъ богатъ—есть возможность „пановать"; наконецъ—что обычнѣе всего—попадется мужъ-тряпка, которымъ можно вертѣть по произволу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ, что примыкаетъ къ дому. Но объ этомъ приходится разсуждать, какъ объ исключеніи. Если приведенныя условія отсутствуютъ, если бывшая бобыльская нѣженка не имѣетъ воли и средствъ сразу покончить съ непривычною и нерасчитанною жизнью, то она должна переживать земной адъ, пока не выйдетъ бобыльскій духъ, пока она не станетъ на почву требованій дома, а эта переработка на требуемый ладъ затягивается нерѣдко и до старости.

Упоминаніе о бобыльскихъ дочеряхъ, какъ кандидаткахъ супружества, является существеннымъ потому, что жизнь съ ними не похожа на супружескую жизнь съ остальными питомками селъ и деревень, и что эти кандидатки приманчивыя въ дѣвичествѣ, скорѣе хозяйскихъ дочерей находятъ брачный сбытъ, при чемъ, въ виду присущей тутъ забывчивости, часто не заглядывается ни въ будущее, ни въ подручные примѣры.

Скромнымъ перечнемъ положеній, взятыхъ изъ практической жизни, далеко не исчерпывается все, что поставляетъ жизнь, сводя двухъ лицъ къ брачному союзу. Стоитъ припомнить неравные браки—стариковъ съ молодыми, бѣдняковъ съ богачами, завѣдомыхъ развратниковъ, браки съ обманными побужденіями, съ неудавшимися расчетами и проч. Чѣмъ и какъ все это отзывается на послѣдующей жизни, про то повѣдаетъ намъ сама жизнь, окрестная молва и... всевозможные протоколы.

Исключивъ всевозможныя уклоненія отъ правильнаго брака и оставивъ за новыми супругами самыя благопріятныя условія жизни—равенство лѣтъ и общественнаго положенія, матеріальный достатокъ, взаимную склонность, освященную семейнымъ расчетомъ, — не такъ легко признать за создавшеюся брачною жизнью то, что дѣлаетъ ее тѣснымъ богоданнымъ союзомъ: букой смотрѣли другъ на друга парень

и дѣвка, такъ они смотрятъ и новобрачными, точно виноватые одинъ передъ другимъ. Простонародная жизнь не устанавливаетъ медовыхъ мѣсяцевъ; совмѣстное сожительство съ семьею, когда каждое дѣяніе отдѣльнаго семьянина на виду, укорачиваетъ руки для супружеской ласки и услуги, языкъ— для интимной бесѣды, да и совмѣстное сидѣнье или стоянье супруговъ передъ взорами старшихъ почитается, въ свою очередь, необычнымъ, безпримѣрнымъ. Остается предаться другъ другу въ усадебныхъ закоулкахъ и на брачномъ ложѣ. Но и тутъ новожёны среди семьянъ, часто на общихъ нарахъ. Такъ подвоспитываются отношенія супруговъ другъ къ другу и такъ идутъ они вплоть до конца супружескихъ дней, создавая своеобразную рознь, не допускающую ни ласки, ни объятій, ни игривыхъ услугъ, ни любовныхъ поцѣлуевъ, ни всего, чѣмъ красна бываетъ супружеская жизнь въ другихъ слояхъ общества; сторонній посѣтитель не улавливаетъ даже формальныхъ отношеній супруговъ, узнаетъ послѣднихъ развѣ по приблизительному равенству лѣтъ, по навыку, предположенію, но не по рекомендаціи, которой обычно не водится, или она будетъ выражена лаконично: „а вотъ—моя баба!“ То же и въ пути: если супруги направляются куда-нибудь «конно», то они, разумѣется, ѣдутъ вдвоемъ, иногда въ сообществѣ дѣтей, обыкновенно торчащихъ въ экипажномъ передкѣ; тутъ супружеская чета на лицо, но если они идутъ «пѣшшу», то, при всякой возможности, каждый норовитъ пристроиться къ обществу: онъ— мужчинъ, она—женщинъ, гдѣ и тотъ и другая находятъ просторъ и темы для бесѣды. Нѣтъ такой возможности, и супруги принуждены итти вдвоемъ—ихъ трудно признать за чету: слѣдуя рядомъ, они идутъ въ отдаленіи другъ отъ друга, нерѣдко по противоположнымъ окраинамъ дороги; чаще всего ихъ можно видѣть слѣдующими другъ за другомъ, безмолвными путниками. То же безмолвное соотношеніе оттѣняетъ супруговъ и въ компанейскомъ быту: ведя продолжительную бесѣду съ компанейцами, они рѣдко обратятся другъ къ другу съ словомъ, даже какъ-будто избѣгаютъ взаимныхъ взглядовъ.

Во всемъ этомъ нѣтъ враждебныхъ мотивовъ, нѣтъ нена-



висти изъ-за распрей, до которыхъ иная чета и не доходитъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ супруги «ни кы(а)зали одинъ другому: блювнишь!» [38]) Видится здѣсь своеобразная отчужденность, щепетильная «сорóмнысь», и именно такая, что не призываетъ супруговъ къ признанію себя таковыми ни на виду стороннихъ, ни какъ-будто и передъ самими собою. Но тамъ, гдѣ позади сего стоятъ супружескіе счеты, гдѣ совмѣстная жизнь прошла разныя стадіи неприглядныхъ отношеній, до «бóйлы» включительно, и стала адомъ, очерченныя отношенія принимаютъ особое освѣщеніе, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующей картинки, выхваченной изъ жизни приснопамятныхъ Гаврилы и Кулины, про которыхъ знакомцы говорили, что „чортъ семь паръ лапцей содравъ, покуль ихъ у мѣсто собравъ".

И Гаврила и Кулина среднихъ лѣтъ; у нихъ шестеро дѣтей, изъ коихъ старшій сынъ уже заглядывается на невѣстъ, а младшая дочь ютится въ колыбели. Семья живетъ позорно бѣдно и въ той же мѣрѣ неряшливо, ютясь въ крохотной курной избенкѣ съ глянцевитыми отъ копоти стѣнами и потолкомъ, по вечерамъ освѣщаемой безсмѣнною лучиною. Онъ—средняго роста, несовсѣмъ полнотѣлъ, съ рѣдкою бородою, сквозь которую просвѣчиваютъ крупныя оспенныя рябины, видимыя и на всемъ лицѣ; кромѣ скромнаго землепашества, занимается деревенскимъ сапожничествомъ, для чего у него имѣется сапожный «вырстáтъ», не отлучающійся, однако, изъ дому. Какъ мастеровой, Г. любитъ выпить. Она—ниже средняго роста, сутуловата, худощава, съ вѣчно гноящимися глазами, съ пасмурнымъ лицомъ; говоритъ медленно, надсаженнымъ голосомъ, съ характернымъ прицмокомъ чуть не передъ каждымъ словомъ. Когда-то красивое лицо, съ тонкими чертами, стало выражать смѣсь злобы съ отупѣніемъ. Почти единственная дочь мельника, она до замужества не знала нужды и познакомилась съ нею до пресыщенія съ перваго же супружескаго года, тѣмъ болѣе, что отецъ внезапно «промолóлся», а мужъ сталъ корчемнымъ завсегдатаемъ: на пополненіе «горловыхъ» расходовъ скоро стали сбываться разные синятинные «калтáны», «посáговыи трубки крáли»; [39]) пошли дѣти, съ ними росла и нужда.

Переходъ отъ довольства къ нуждѣ, разореніе дома мужнинымъ пьянствомъ, полный супружескій разладъ, драки и проч. сдѣлали совмѣстную жизнь земною пыткою, отъ которой, однако, нельзя и нéкуда было уйти. Оставалось влачить эту жизнь, угрюмо смотрѣть въ сторону другъ друга, — и это послѣднее К. переносила и на всякаго рѣдкаго, впрочемъ, посѣтителя своей хатенки, за что извѣстна была подъ всеобщею кличкою «угрýмины». Не совсѣмъ сознавая, какое отталкивающее впечатлѣніе производитъ это на посѣтителя, она въ то-же время не понимала и неловкости мужа, когда къ послѣднему заходилъ нужный человѣкъ или, въ особенности, бражникъ. Въ этомъ случаѣ политичному Г. приходилось прикрывать громадную дыру неладовъ и сводить дѣло или на домашнюю бражку, или безъ сцены выйти изъ дому на бражку корчемную. Первою заботою было вовлечь «угрумину» въ разговоръ, для чего Г. бралъ какую-нибудь тему, достаточно извѣстную и К. Напримѣръ Г. хочетъ передатъ посѣтителю о покупкѣ лошади сосѣдомъ недѣли за три передъ симъ и недосмотрѣ покупателя: на правомъ глазу у лошади оказалось бѣльмо; при этомъ разсказчикъ преднамѣренно извращалъ факты,—чего не выносила прямодушная, но упрямая К.

— А ци чувъ, братокъ, якóго кы(о)ня зыбрытавъ-тыкú сабѣ Масей? Нѣ, ня чувъ? Дыкъ вотъ-жа... якъ ба табѣ скы(а)зацъ—ни сывгацъ... нидѣли двѣ, ци то меній... (вопросительный взглядъ въ сторону К.).

— Авой, двѣ! у цибе усё двѣ! Якóяжъ двѣ, кыли у чéцвирьгъ будицъ какурáтъ три; у цибе усё двѣ,—не выдерживаетъ К.

— Да, да, братокъ—три й будицъ у чéцвирьгъ... Коникъ— ничогъ сабѣ, провóриньків, зъ чацвёрта ны пята, ци то... (новый вопросительный взглядъ въ сторону К.).

— Зъ чацвёрта ны пята!.. во йща якъ! Да Мосей жа самъ кызавъ, што пяцъ годовъ,—энергично протестуетъ К.

— А ци пяцъ-жа тольки? Кабъ ня меній?!—возражаетъ Г.

— Авой, глума! Мосей во, тýтыцька стыявъ, ды йще кызáвъ, што пяцъ на шоста...—поправляетъ К.

— Агá, братокъ, пяцъ на шóста,—соглашается Г.—Али-жъ

и давъ ёнъ маху: конь сусимъ сляпэй... (тотъ же вопросительный взглядъ въ сторону).

— Ци ни самъ ты суслѣпъ?! Конь якъ конь, зы(а)гáны [40]) нямногъ: на 'дно вока трóху...

— Ага! на лѣвымъ воки бяльмо ёсь,—перебиваетъ Г., смотря въ сторону К. [41]).

— Ты вотъ якъ заллéшь сабѣ воки, дыкъ и ня видишь ничого (Г. потупляетъ голову): ни на лѣвымъ воки, а ны правымъ трóху бялиць.

— Ну, нихай будиць ны правымъ, кыли ты лѣпше вѣдышь. Мусиць ты лидѣла (глядѣла) въ вочи. Можа ты й подъ хвостъ яму лидѣла? Смачно нéйди!?

Съ этого полушутливаго замѣчанія супружескія поправки и препирательства имѣли два исхода: упрямая К. или отплевывалась, возвышая брань, или кое-какъ ухмылялась, что служило предвѣстникомъ ея «раздобрю́ханняя» [42]) на предметъ пріема и угощенія посѣтителя. Послѣднее Г. обыкновенно улавливалъ: дѣлалъ «спрызки» Мосева коня и сладостно дополнялъ: «носи, Богъ, госцей пы(о)часцѣй, дыкъ и хызяину будиць пыляпшѣй!».

Какъ очевидно, подходцы Г. и нѣкоторая уступчивость его имѣютъ источникомъ прикрытіе передъ стороннимъ домашнихъ неладовъ и поводъ къ безупречной, относительно, выпивкѣ. Эти нелады могутъ снова вступить на обычную дорогу, лишь только гость перешагнетъ за порогъ дома; но если угощеніе дало возможность видѣть вокругъ себя «по колѣно море», то выраженіе неладовъ пройдетъ и передъ гостемъ,—чему всегда готовъ поводъ: раздражительность того и другого, счеты, прерванные посѣтителемъ, взаимоненависть—слишкомъ надежныя спички подъ сухою соломою...

— Кулина! Кулина!—съ особымъ повышеніемъ голоса и враждебнымъ взглядомъ уже нѣсколько разъ восклицаетъ Г.—Ци забыла изыкомъ ротъ заслоницъ?!

— Авой, дъябылъ начи́сцикывый! Тыбъ уси ирты́ зы(а)чинивъ, кабъ одному брихацъ...

— Кулина!—еще ожесточеннѣе произноситъ Г.—ци рамни забыла?!..

— Пыдавися ты своими рымнями, пьяница ты едыкій!..

Съ этого наиболѣе остраго упрека начинаются Гаврилины зуботычины, слабымъ возраженіемъ на которыя служитъ посылка «вилокъ» въ сторону Г. и... вопль съ руганью безъ конца,—начинается не первая и не послѣдняя сцена, разрѣшеніе которой зависитъ отъ участія посѣтителя, сосѣдей, вопля дѣтей. Улыбнувшіяся было уста К. при «понюшкѣ подъ лошадиный хвостъ» снова и надолго сомкнулись «у надýцьку», [48]) пока не представится случай новой «понюшки подъ лошадиный хвостъ»... Подъ такимъ яркимъ примѣромъ растетъ, какъ нарочно, многочисленная «дитвурá» Г. и К., которой зимнею, напр., порой некуда уйти изъ единственной хатки. Впрочемъ, при особенно острой супружеской схваткѣ, отецъ «вытýриваиць дитвурý вóнки, якъ пы(о)ганоя отвóдця пыганый матки».

Отношенія Г. и К. могутъ считаться крайними, хотя и далеко не единственными. Ступенью выше сего «дѣленія хохловъ» стоитъ лишь ворчба, при которой языкомъ многое болтается, но «рукамъ воли не дается». И эти сравнительно мирныя отношенія супруговъ не проходятъ безъ свидѣтелей: перемолвка слышится у сосѣдей, а членамъ семьи она уши глушитъ; что же касается дѣтей, то послѣднія думаютъ, что такъ и должно быть, что на этомъ свѣтъ стоитъ.

Супружеская чета, про которую говорятъ, что «яны́ живуць, якъ вянки ўюць», только и отличается отъ упомянутыхъ тѣмъ, что здѣсь не бываетъ ни драки, ни ругани, а это зависитъ иногда отъ естественнаго отвращенія къ «бóйлѣ», противнаго примѣра таковой на другихъ, отъ несловоохотливости. При такомъ «витьѣ вѣнковъ» не забывается, однако, что «баба—баба й ёсь», что ей «дома не вѣрь» и что «одна жёнка—тольки у попá», а потому послѣднею не приходится особенно и дорожить. Практика подтверждаетъ, что мужняя помощь къ облегченію трудовъ своей жены почитается какъ будто неумѣстною, подлежащею осмѣянію: прикончившій, напр., свои работы мужъ будетъ лишь зрителемъ, какъ хлопочетъ и надрывается за работою жена, какъ за стряпнею, при топкѣ печи, она принуждена бываетъ и успокоивать колыбельное дитя, и кормить-мирить подростковъ, и справляться съ подпечными да подпольными квартиран-

тами (курами, телятами, ягнятами—зимнею порою),—будетъ даже показчикомъ и руководителемъ такихъ работъ, но не подвинется къ облегченію ихъ, собственно потому, что онѣ не мужскія, а женскія. Не то бываетъ при обратномъ положеніи: жена дѣлитъ труды мужа на сѣнокосѣ, на пашнѣ, когда водитъ лошадь, или «ляшйць» [44]) ниву, кладетъ снопы, молотитъ, мнетъ ленъ и пеньку, возитъ дрова, воду и проч. И въ такой помощи нѣтъ ничего казоваго, дѣлающагося для «прилйки», а есть «щйрыя праца», быть можетъ, не многимъ уступающая мужской.

Такъ бываетъ при заурядной жизни, когда идетъ семейная и житейская «тишь да гладь». Когда же мужъ состоитъ половиннымъ завсегдатаемъ дома, такъ, напр., при отправленіи волостной и полицейской службы, или службы церковнаго, лѣсного сторожа, поденщика и, въ особенности, когда онъ «пьянственный человѣкъ», или состоитъ подъ арестомъ («на вы́сидки»), тогда всѣ мужскія работы падаютъ на жену, и тягость ихъ тѣмъ ощутительнѣе, что эти работы уже подневольны. «Гулящій» мужъ не справляется съ тягостью работъ, а требуетъ и продовольствія и на прогулъ, нерѣдко не для себя только, но и для своего компанейца. При дикой натурѣ мужа да при крайней уступчивости жены, такой мужъ и его компанеецъ доходятъ не только до «разуй мине, раздѣнь мине», [45]) но и до дѣлежа жены... Что значилъ бы протестъ одинокой женщины, судьбою заброшенной въ супружеское подчиненіе? Его и не бываетъ; только въ глубинѣ души прозвучитъ обычная на сей случай пѣсня:

„Ахъ, ты, пьяница—пропой!
Нажилась я за тобой:
Пипку куришь, водку пьешь—
Дѣвокъ любишь, жонку бьешь",—

да въ ночной темнотѣ, въ лѣсу, или на родительской могилѣ выплачется безысходное горе, облегчится наболѣвшая душа.

Мозолящимъ глаза образчикомъ такого дикаго произвола въ супружествѣ считался до 1869 г. полубобыль Мих. Никифоровъ въ с. Ловжѣ, Полоцкаго уѣзда, мужикъ лѣтъ за 40.

Но, къ общему изумленію, этотъ срокъ жизни приточнаго тирана застаетъ его такимъ женолюбцемъ, которому не было примѣра въ памяти старожиловъ въ крестьянскихъ супружествахъ. Такъ, недавній тиранъ буквально «носилъ на рукахъ» свою жену, самолично обувалъ и одѣвалъ ее, отстранялъ отъ самомалѣйшей трудной работы, которую отправлялъ самъ, до стряпни и стирки бѣлья включительно, довольствовался ничтожными остатками отъ ѣды жены и малолѣтней дочери. Окрестное населеніе не вѣрило происходящему и, какъ раньше въ поведеніи М. Н. видѣло сатанинское руководительство, такъ теперь стало видѣть новое наважденіе того же сатаны... Въ самомъ дѣлѣ: что это за превращеніе? Ужъ не эпитимія ли, наложенная самимъ собою ради искупленія старыхъ грѣховъ?

На такомъ примѣрѣ женолюбія можно, пожалуй, и обчесться, по крайней мѣрѣ, оно не сказывается въ современной простонародной средѣ, какъ не встрѣчалось въ бытописуемыхъ мѣстахъ и раньше. Сойдутся два человѣка, заживутъ супружескою жизнью, наплодятъ, подвоспитаютъ дѣтей, пристроятъ ихъ и—за смертію одного изъ супруговъ,—разойдутся. Вдова, слѣдуя бабьимъ привычкамъ, поголоситъ надъ мужемъ («На кого-жъ ты мине покинувъ?»), вдовецъ сосредоточенно скажетъ за поминальною бражкою: «ды(а) кыли-бъ моя жонка устала, дыкъ яй-Богу-бъ два гарцы горѣлки постановивъ!».. [46]) Да тутъ же и приметъ сосѣдское и родственное предложеніе о новомъ бракѣ. Въ наиболѣе печальныхъ случаяхъ такое предложеніе выслушивается и принимается раньше; про него сложилась горькая, но вѣрная дѣйствительности поговорка: «одну—за дверь, другую—ў дверь».

4. Ды(о)чка́.

Изъ очерченнаго положенія видно, что «жонка» состоитъ не столько нравственною союзницею мужа, сколько физическою его пособницею. Развратенъ мужъ—жена не находитъ силъ остановить, сдержать его и прибѣгаетъ къ средствамъ знахарскимъ; постигло его и семью другое несчастье, та же жена окажется несостоятельною въ поддержкѣ, и свое участіе

выразить развѣ обильнымъ голошеньемъ да безпощадною бранью въ сторону виновника. Совершенно иное—физическое пособничество жены: вполнѣ здоровая, натертая въ работѣ до замужества, она прилагаетъ къ ней всѣ силы и умѣнье, присоединяя сознательную цѣль работы, т. е. что она кладетъ перышки въ собственное гнѣздо. Соотвѣтственную физическую мощь, то же перышко въ гнѣздо, вноситъ она и въ рожденіе дѣтей—будущихъ физическихъ пособниковъ семьи, кормильцевъ престарѣлыхъ своихъ родителей, продолжателей рода, поминальщиковъ въ собственныхъ и церковныхъ молитвахъ. Нѣтъ дѣтей—и вторая половина пособничества простонародной жены не полна; въ этомъ видится особенная кара Божія, жизненный недочетъ.

Такой недочетъ составляетъ весьма скромное меньшинство деревенскихъ супружествъ, гдѣ «сéмерко обсѣдаетъ» родителей, гдѣ «рибятъ повно запéчча» и гдѣ обыкновенно «одинъ—зъ рукъ, другій—на руки». Вопросъ, пожалуй, въ томъ, кто желательнѣе для семьи—сыновья или дочери? При послѣдовательномъ рожденіи мальчиковъ, родителямъ желательно имѣть «дочку́ ны(а) попи́шку», какъ и промежъ дочерей хотя одного сыночка. Но если это остается только желаніемъ, и Богъ посылаетъ лишь однополыхъ дѣтей, родители благодарятъ судьбу и за этотъ даръ. Въ томъ случаѣ, когда супружество даетъ и мальчиковъ и дѣвочекъ, послѣднее можно почесть благословеннымъ. Что же касается предпочтительности дѣтей одного пола другому, то это едва-ли можетъ и подлежать обсужденію: всѣ дѣти—одинаково «дяцёнки», одинаково даютъ семьѣ рабочую силу, каждый въ своей области можетъ быть пристроенъ къ жизни и каждый по своему прибережетъ родительскую старость; когда же для родителей наступятъ «смярóтныи дянечки», то сынъ «закрыиць ихныи вóчиньки и прикы(о)паиць костыньки», а дочь «припáниць шѣ́ры(о)й зазу́лькый и жалобосьниньва прикукуиць»,—что, по ожиданіямъ родителей, одно другого стóитъ и въ совокупности даетъ строй «люцкы(о)сци».

Въ раннемъ возрастѣ «дочу́шка» тѣшитъ родителей, какъ «забавка»; состоя въ положеніи «глупячкá», она одинаково съ сыномъ пользуется родительскими руками, колѣнями и



спиною, какъ мѣстами баловства, предметами перемѣщенія; одинаково съ сыномъ подсаживается на возъ и торчитъ на немъ или въ одиночку, или вмѣстѣ съ братьями, спитъ съ отцомъ и ходитъ иногда съ нимъ въ баню наравнѣ съ сверстными «глупячками-братьями».

Въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ возрастанія, дѣвочка хотя и находится подъ тѣснѣйшимъ руководительствомъ матери, но не остается и безъ отцовскаго вниманія. Щадя въ дочери ея «бабéчество» и присущую ему тѣлесную немощь, короткость ума, отецъ пріучаетъ къ тому же и сыновей, взыскивая за обиду сестры. Благодаря этому, при разныхъ столкновеніяхъ, братья цѣпляются, напр., другъ другу въ хохлы, тузятъ одинъ другого кулаками, мѣряются даже палками; но въ отношеніи сестры таковыя дѣйствія сдержанны и почти не имѣютъ мѣста, не смотря на то, что ея длинные волосы даютъ наилучшій хохолъ, а органическая немощь можетъ слабо противостоять обидчику, пожелавшему сорвать гнѣвъ.

Эта сдержанность крѣпнетъ по мѣрѣ выроста дѣвочки и ко времени «блазнóцтвы» [47]) ея выростаетъ въ безусловную неприкосновенность, за исключеніемъ развѣ кое-какихъ материнскихъ тумаковъ. Но кто же не знаетъ того, что «рóдныя матка, бья (по головѣ)—ни пробьéць, а мачиха, гладя—прогладиць». Тѣмъ не менѣе и при справедливыхъ колотушкахъ матери отецъ входитъ въ заступничество дочери, о физической обидѣ которой лично онъ не додумывается даже подъ хмелькомъ, совершенно справедливо предполагая, что таковой достаточно можетъ быть въ дочернемъ замужествѣ. Въ предсвадебныхъ пѣсняхъ, какъ и въ пѣсняхъ молодой жены, очутившейся въ плохомъ супружествѣ, это привольное, счастливое житье въ отцовскомъ домѣ оттѣнено слишкомъ яркими красками, а симпатичный, благодарный поминъ о немъ вполнѣ вѣренъ ежедневной дѣйствительности.

Къ сему остается прибавить, что присутствіе въ семьѣ „дочушки" значительно видоизмѣняетъ мужской составъ ея. Такъ, отецъ воздержится отъ лишняго препирательства и ругани съ женою; то же замѣчается и въ отношеніяхъ братьевъ другъ къ другу, кои щадятъ и стыдливость сестры и покой ея, какъ гостьи въ домѣ. Въ то же время, дѣлая

сестру повѣренною въ своихъ дѣтскихъ дѣлахъ, въ пору созрѣвающаго возраста братья довѣряются только сестрѣ—подругѣ намѣченныхъ невѣстъ, и чрезъ нее нерѣдко достигаютъ желаннаго брака, какъ и сами не преминутъ оказать соотвѣтственной услуги сестрѣ, когда та находится «на вы́данню».

По мѣрѣ того, какъ дочь приближается къ возрасту невѣсты, городскіе родители не перестаютъ хлопотать объ «устроеніи карьеры» ея, подъ чѣмъ обыкновенно разумѣется выдача дочери въ замужество за богача, за «лицо съ положеніемъ» и т. п. Намъ достаточно извѣстна и цѣна этихъ хлопотъ, какъ извѣстна эксплоатація женихами родительскаго положенія: послѣдніе понимаютъ обаяніе званыхъ обѣдовъ, вечеринокъ и пользуются ими иногда долгіе-долгіе годы, пока открыты двери гостепріимнаго дома невѣстиныхъ родителей, пока есть возможность состоять женихомъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это затягивается надолго, до преклонныхъ лѣтъ жениха и невѣсты, кои все-таки не споются до брака, оставаясь карточными партнерами, или идутъ «за старшихъ» въ новомъ выпускѣ жениховъ и невѣстъ.

Подобнаго не бываетъ въ крестьянской средѣ, даже и при должномъ изъянцѣ. Считая дочь «чужимъ товаромъ», мужикъ «ростить ее не для себя» и обычно сбываетъ въ замужество. Но онъ не гоняется за женихами, не тратится на пріемы таковыхъ, вполнѣ основательно утверждая, что если его дочь кому-нибудь нужна, такъ искатель и самъ «припыта́итца»—вѣдь «ясли не идутъ къ коню», а наоборотъ. И въ самомъ дѣлѣ: различныя «госці́ны», [18]) иногда многолюдныя, проходятъ безъ участія холостой молодежи, а на крестины, напр., она не допускается даже зрителемъ. Казалось бы, что «вясе́лля» — чисто холостое празднество; на самомъ дѣлѣ въ немъ принимаютъ участіе только необходимыя лица, «дружки́ до бо́ярки», да и тѣ какъ-то стушевываются съ момента вечеринняго соединенія новобрачныхъ, обыкновенно поступающихъ тогда же подъ руководительство опытныхъ сватовъ и сватей вплоть до окончанія брачныхъ торжествъ, и присутствіе тутъ молодежи оказывается неумѣстнымъ въ виду «соро́мносци» пѣсенъ и припѣвокъ, а еще болѣе — поведенія

гостей въ отношеніи новобрачныхъ. Даже и въ томъ случаѣ, если у родителей есть новая невѣста — дочь, которую такъ удобно «казáць» передъ мужскою молодежью свадебниковъ и зрителей, они не пойдутъ на заискиванье жениховъ, а предложатъ послѣднимъ подходящее угощеніе, какъ товарищамъ, быть можетъ, друзьямъ новобрачныхъ, опять же уповая, что «коза придетъ до лозы»,—зачѣмъ послѣднюю подносить?

Какъ-то такъ слагается, что женихъ намѣченной невѣсты точно обѣгаетъ домъ ея родителей; онъ войдетъ сюда и приметъ домашнее угощеніе лишь тогда, когда дѣло сватовства установилось относительно прочно, — чему предшествовали рѣшительные переговоры сторонъ. Тутъ уже не ловля жениха «на сладкомъ меду», а пріемъ роднящагося съ домомъ человѣка, при чемъ, однако, лучшая доля угощенія принадлежитъ сватамъ; имъ же отдается „первая чарка» и первое вниманіе.

Сдѣлавшись оффиціальнымъ женихомъ и получивъ чрезъ то невозбранный входъ въ невѣстинъ домъ, будущій зять не подлежитъ домашнимъ ухаживаньямъ въ опасеніи, какъ бы рыбка не сорвалась съ крючка. Ни встрѣчать, ни провожать его не будутъ, какъ не станутъ отдѣльно кормить, а тѣмъ болѣе—лакомить; на привѣтствіе вошедшаго отвѣтятъ привѣтствіемъ же, а подоспѣлъ онъ къ очередной ѣдѣ, или засидѣлся до нея—жениха пригласятъ къ столу, какъ бы пригласили и всякаго другого посѣтителя. Между тѣмъ и все въ домѣ остается въ своемъ будничномъ видѣ: никто не прерветъ работы, не приберетъ разбросанныхъ предметовъ, и развѣ только невѣста покроетъ голову первымъ попавшимся платкомъ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ прикрыть естественное дѣвическое смущеніе.

Тутъ нѣтъ мѣста «умизгамъ» [49]), и не ради ихъ прибываетъ женихъ, который не только не «порукаитца» [50]) съ невѣстою, а иногда не обмолвится съ нею по должному, какъ бы того ни хотѣлось сторонамъ, развѣ выручитъ какая-нибудь совмѣстная работишка, къ которой посѣтитель старается пристроиться: онъ колетъ дрова, щепаетъ лучину, плететъ лапоть, вьетъ веревку, подержитъ «прóсцинъ» [51]), мотовило и проч. Въ этомъ скудномъ, отрывочномъ обмѣнѣ мыслей нѣтъ

безсодержательной болтовни, стройки воздушныхъ замковъ, разрисовки предстоящей жизни: сдержанныя фразы не отходятъ отъ темы работы, а если таковой не нашлось и посѣтителю приходится праздно сидѣть, то принятая порядочность обязываетъ его лучше уходить домой, потому что можетъ подоспѣть нестѣсняемый, простой вопросъ хозяевъ дома: «ци вы поро́билиси?» (кончили работу?). А праздное времяпрепровожденіе жениха даетъ поводъ будущей роднѣ его, какъ и самой невѣстѣ, невыгодно думать о зятѣ, который обыкновенно сокращаетъ свои визиты, придаетъ имъ дѣловой характеръ.

Въ соотвѣтственномъ отношеніи къ невѣстину дому стоитъ и вся родня жениха, которая «ни натре́ць тамъ пороговъ [32]), ня дужа обопьець-объѣсь». Всѣ предварительныя справки о женихѣ приканчиваются къ рукобитью и «запо́инамъ»; то же сдѣлано и о невѣстѣ. Къ чему же тутъ лишніе языки и рты? Между тѣмъ, въ случаѣ размолвки, потерпѣвшая сторона не преминетъ поставить въ счетъ траты, причиняемыя подобными посѣтителями, хотя бы посѣщеніе ихъ касалось лишь урыва текущей работы, отданнаго на разговоръ.

Останавливаясь на вопросѣ о бракѣ въ быту крестьянина, не приходится видѣть въ немъ выхода изъ-подъ начала, которое только перемѣщается то изъ дома въ домъ, то переходитъ отъ одного лица къ другому; тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о построеніи чрезъ бракъ собственнаго очага. Поживутъ молодые, научатся житейскому уму-разуму, «укуситъ ихъ собственная вошь», въ образѣ дѣтей, къ тому времени ослабнутъ, или совершенно стушуются силы старшихъ въ домѣ—и тогда уже пожилые супруги станутъ на путь своихъ отцовъ, при готовомъ очагѣ, у котораго они ютились многіе годы своеобразными невольниками.

Въ сравнительно недавнее время въ простонародной средѣ хотя и преобладаетъ свободный брачный выборъ между брачущимися, но онъ все-таки подлежитъ предварительному пересуду старшихъ, въ мелочахъ, и ужъ во всякомъ случаѣ почти немыслимъ безъ воли старшихъ. Какъ повѣнчаться, справить свадьбу, куда дѣваться новобрачнымъ, если только они

затѣяли бракъ исключительно по своей волѣ? На сосѣдскій взглядъ они—непочтительныя дѣти, не взявшія родительскаго благословенія, бѣглецы, не имѣющіе права на пріютъ у самыхъ близкихъ лицъ, голыши, про которыхъ всѣ говорятъ: «бу́синьки-бу́синьки, а обби голюсиньки!» Посему, какъ ни сильна бываетъ взаимная привязанность молодыхъ людей, она умѣряется оглядкою на волю и распоряженіе старшихъ, ждетъ ихъ указаній. Только бобыльская дочь стоитъ внѣ подобныхъ ограниченій: бойкая красавица, «краля» въ домѣ и обществѣ, она и въ брачномъ дѣлѣ прежде всего ставитъ личную волю, сама себя выдаетъ замужъ и не особенно гонится за бѣднымъ бобыльскимъ благословеніемъ родителей. Но, какъ упомянуто выше, примѣръ деревенскаго «пройди-свѣта» [33]) не особенно увлекаетъ сельскихъ невѣстъ.

Казалось бы, что дочь съ такимъ или инымъ изъяномъ должна вызывать родительскія хлопоты о ея замужествѣ. Но и такая дочь не раскрываетъ дверей родительскаго дома шире того, какъ указано выше: годится она кому-нибудь въ жены—ее возьмутъ и безъ подходцевъ, возьмутъ съ тѣмъ, что она есть; не годится—она «довяку́иць дяву́щі(е)й», составляя несмѣняемую рабочую силу въ домѣ. За исключеніемъ рѣзкаго физическаго и слишкомъ громкаго нравственнаго калѣчества, въ разрядъ «дяву́щихъ» поступаетъ весьма ничтожное меньшинство, и среди этого меньшинства встрѣчаются особи, передъ которыми останавливаешься съ недоумѣніемъ: неглупая, красавица, безукоризненная работница, съ безупречнымъ поведеніемъ, искательница супружества, имѣющая на него всяческія права и — «дявущая!» въ то время, когда ея отдаленныя подруги уже подвоспитываютъ, какъ матери, собственныхъ жениховъ и невѣстъ. Въ этомъ есть что-то роковое: не зазорная честь, не сплетни создали «дявущую», а скрытый «гласъ народа», и этотъ гласъ опять же роковымъ образомъ сказывается, когда обойденная въ свое время «дявущая» пристроится, наконецъ, къ супружеству, въ которое она вноситъ не то, такъ другое неустройство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Звиска, ски,—сущ.—фамилія, прозвище лица; имя предмета вообще, мѣстное его названіе.

2) Посёстра—двоюродная сестра (двоюродный братъ—брацéникъ, побрацѐникъ); дядина — жена дяди, но не тетка, какъ сестра отца или матери; швагерка — свояченица; братова — жена брата: своя—всякая родственница, хотя бы и не кровная; чужка—не состоящая даже въ свойствѣ и кумовствѣ; дáльная—отдаленная родственница; хожайка (отъ слова ходить, хлопотать)—хозяйка; здóльница—неродственная женщина, безродница, приданная семьѣ панскою (въ крѣпостное время) или общественною волею; молоччанка — наемная работница.

3) Тпруцка, цки,—сущ.—дѣтское названіе коровьяго молока.

4) Ямка, ки, — сущ. — небольшая печурка по ту и другую сторону „вóда“ (площадка передъ печнымъ устьемъ), куда загребается жаръ послѣ топки.

5) Вàва, вы,—сущ.—забава, развлеченіе дѣтей и для дѣтей; глаг.—бàвиць—забавлять, развлекать; но—бáвицца—медлить, опаздывать и развлекаться, преимущественно когда идетъ рѣчь о дѣтяхъ.

6) Вызыбаць—отъ сущ. зыбка (колыбель, качающаяся сверху внизъ)—закончить качанье дитяти въ колыбели,—что бываетъ около двухлѣтняго возраста.

7) Кулюкушки, шкъ,—сущ. во мн. ч.—извѣстная дѣтская игра въ прятки.

8) Пиримаць гынякъ одъ шкоды — перенимать, отгонять гусей отъ стравежа.

9) Лопунъ, на,—сущ.,—тонкая, хлѣбная лепешка, по величинѣ блина, изъ кислаго хлѣбнаго тѣста. Печь лынуны—бить дитя ладонью по мягкой части тѣла.

10) Объ этомъ достаточно сказано въ моемъ VI очеркѣ, „Игры и игроки“. (Этн. Обозр. XXXIV).

11) Дяциньства, ствы.—сущ.—дѣтское поведеніе, состояніе; состояніе стариковъ, впавшихъ въ дѣтство. Дяциницца, глаг.—поступать по-дѣтски и дойти, спуститься до дѣтскаго состоянія. (Укоризна взрослымъ при ихъ игривомъ состояніи).

12) Ны(о)совичка,—носовой платокъ; шмоч(т)чòнка—уничиж. отъ шмóтка—кусокъ, обрывокъ, тряпки, иногда служащій для той же надобности, или для утиранія слезящихся и гноящихся глазъ.

13) Пужка, ки,—сущ.—кнутикъ, ласк. названіе „пуги“—кнута.

14) Завулы(о)къ, лка,—сущ. пѣшеходная тропинка отъ улицы, съ обѣихъ сторонъ огороженная, если она служитъ границею смежныхъ участковъ земли двухъ хозяевъ.

15) Изъ исторіи давнихъ бѣглецовъ и бѣглянокъ видно, что на мѣстахъ пріюта они не опрашивались: кто и откуда они? и долгое время окрестное населеніе называло ихъ безличными именами „дядьки“ и „тетки“.

16) Брудъ, ду,—сущ.—тѣльная нечистота, накожная грязь отъ пота и пыли, отъ прилипа болотной грязи; родильныя нечистоты, какъ въ данномъ случаѣ. Прил.—брудный; нар.—брудно; глаг.—брудѣць, забрудѣць.

Хондога, ги, — сущ. — холя, уходъ за чистотою, приданіе послѣдней. Глаг. хондóжиць—чистить, убирать, холить; но—ухондóжиць,—(въ насмѣшливомъ тонѣ) утратить, потерять что.

17) Лéжни, жнивъ,—сущ.—притяжимость къ лежебочному покою, особенная лѣнь (пословица: „хуць ня уѣжно, дыкъ улéжно“)—Ласый кусокъ или ку(а)валы(о)къ—лакомый кусочекъ, вкусное кушанье.

18) Шавчинка, ки,—сущ.—шелковая нитка. Бабка избираетъ, по преимуществу, красныя и розовыя нитки.

19) Полôги (отъ гл.—лежать), ихъ двѣ: малая—до 9 дней послѣ разрѣшенія, и большая—до 40 дней. Во время первой родиха должна быть въ постели, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ; во время второй она не посѣщаетъ церкви и стороннихъ домовъ.

Прòвидки, дывъ,—сущ.—визиты къ родихѣ замужнихъ родственницъ и сосѣдокъ, кои обязательно приносятъ какой-нибудь съѣдобный гостинецъ; имя тѣхъ же посѣтительницъ. Провидки имѣютъ мѣсто до „кста" (крещенія); послѣ него «идутъ у прòвидки» тѣ, кои имѣли регулы и посему не посѣтили родихи своевременно.

Бабина каша—гречневая или ячменная каша, приготовленная и подаваемая бабкою въ концѣ крестиннаго обѣда. При шуткахъ и остротахъ по адресу бабки и ея каши, каждый затрапезникъ съѣдаетъ ложку-двѣ каши и въ миску кладетъ посильный денежный даръ, поступающій исключительно бабкѣ.

Муровинки (отъ св. мира), кывъ,—сущ.—послѣднее крестьбинное празднество черезъ три дня послѣ крестинъ. Купая дитя первый разъ послѣ крещенія, бабка „обмываць муръ" (св. миро) и купальные помои выливаетъ въ подпечникъ.

20) Золотникъ, ка, — сущ. — матка, утроба родихи; тоже и у всякой женщины.

21) Лѣциць воду—доводить холодную или жаркую воду до потребной при купаньѣ дитяти и мытьѣ въ банѣ температуры. Лѣтняя вода — комнатная въ лѣтнюю пору вода.

22) Питы(о)мàнный, - прил.—собственный, трудами добытый предметъ; вскормленный, взлелѣянный.

23) Чиступàць (отъ сущ.—честь),—гл.—потчевать, угощать.

24) Малюшки, шикъ,—сущ.—сухая мелкорыбица, снѣтки—обычная «закраса» постной пищи.

25) Пура, ры,—сущ —(иногда по муж. р.—пуръ, пура) мѣра сыпучихъ тѣлъ въ три четверика.

26) Ни(е)задàлы, лывъ,—сущ.—неудачи, нелады, распри, несогласія между сторонами.

27) Уходàлы, лывъ,—сущ.—уходъ, спѣшное удаленіе отъ предстоящей бѣды.—Вòнки, нывъ,—сущ.—такой же уходъ изъ хаты, но не со двора.

28) Улàсиха—жена Власа. Крестьянскія жены извѣстны по именамъ своихъ мужей: Микòлиха, Михàлчиха, Ивàниха, Петрочùха и проч.

29) Знать вилки да кочѣрьги (ухваты и кочергу)—на житейскомъ языкѣ значитъ не заходить дальше стряпной области, не вмѣшиваться въ мужскія дѣла.

30) Какъ извѣстно, въ «лавники» (см. мой очеркъ крѣпостныхъ въ XX кн. „Этн. Обозр.", стр. 57) избирались наиболѣе безсердечныя лица, кои переносили на домашнихъ ту безсердечность, какою отличались на пригонномъ досмотрѣ, пуская въ ходъ свой чиновный знакъ—„бизунъ". Мужъ Уласихи состоялъ „лавникомъ" при им. Веляшковичахъ.

31) Крàля, ли,—сущ.—сокращенное слово: королева, королевна. Но то же имя принадлежитъ ожерельной бусѣ (отъ—кораллъ), при чемъ ожерелью придается множ. число—„крали, краль".

32) Двоюродныя дѣти—прижитыя внѣ брачнаго сожительства съ „двоюродными женами". Такое названіе незаконныхъ женъ и дѣтей циркулируетъ и по настоящее время.

33) Авторъ очерка опирается на разсказъ Пор. Аѳ. Страт—ча, переданный послѣднимъ еще въ 1878 г.

34) Прими(е)нь, мня, и примàка, ки,—сущ.—зять, принимаемый въ домъ, какъ членъ семьи. Подъ именемъ „примня, примàки" такое лицо извѣстно до конца своихъ дней, даже и тогда, когда сдѣлается хозяиномъ въ „примàчномъ" домѣ.

35) Истинное комическое происшествіе въ Ильинскомъ приходѣ г. Витебска въ началѣ 60-хъ годовъ.

36) „Жанидба Царошки" достаточно описана мною въ „Матеріалахъ" П. В. Шейна, т. I, ч. 1-я, стр. 99 (Спб. 1887 г.).

37) Марудный,—прил.—медлительный, неповоротливый; скучный, кропотливый (разумѣется предметъ работы). Сущ.—маруда—употребляется, какъ укоризненное имя медлительнаго въ трудѣ человѣка; глаг.—марудиць—медлить; скучать.



38) Блюзнишь!—чепуху говоришь, бредишь! (Въ другихъ формахъ этотъ глаголъ не употребляется).

39) Калтанъ, на,—сущ.—кафтанъ, нашивавшійся женщинами въ окрестностяхъ м. Яновичъ, Вит. у., и очевидно позаимствованный отъ „зарубѐженцевъ“ (Смоленск. погран. губ.).—Посѐговыя свитки—трубки холста, принесенные въ приданое.—„Крáли“ здѣсь—бусы (передъ этимъ словомъ въ текстѣ должна быть запятая); см. прим. 31.

40) Зы(а)гáна, ны,—сущ.—хуленье предмета, изъянъ въ немъ. Гл.—зыгáниваць, зыгáнаць—имѣютъ то же значеніе.

41) Упоминаемая сноровка Г. недомолвливать, извращать фактъ и вопросительно смотрѣть въ сторону жены, ожидая отъ послѣдней поправки и отвѣта, есть обычный пріемъ вовлечь разгнѣванную бабу въ разговоръ.

42) Раздобрюханне, ння,—сущ.—проявленіе доброты у человѣка, не виданной раньше. Гл.—раздобрюхацца—какъ и существит., имѣютъ полунасмѣшливое значеніе.

43) Надуцька, ки, — сущ. — угрюмый, съ надутымъ лицомъ человѣкъ; гордецъ.

44) Ляшиць,—гл.—(отъ лѣхá—полевая гряда) намѣчать пучками соломы, вѣтками тѣ грани, куда падаютъ при разсѣвѣ хлѣба крайнія зерна.

45) Разуй мнѣ, раздѣнь мнѣ!—ходячія, полупословичныя выраженія, которыми насмѣшливо именуется лѣнь даннаго человѣка, вызывающая стороннія услуги.

46) Въ 60-хъ годахъ этотъ истинный возгласъ вдовца былъ ходячимъ въ окрестностяхъ Вымна, Вит. у., составляя анекдотическую притчу.

47) Подъ именемъ „блазнóцтвы, или блазноствы“, разумѣется то состояніе дѣвушки, когда она начинаетъ формироваться и подступаетъ къ возрасту невѣсты.

48) Госцины, нъ,—сущ.—собраніе гостей, гостиная пирушка.

49) Умизги, гн(о)въ,—сущ.—любовныя свиданія молодежи, ограниченныя, однако, созерцаніемъ другъ друга съ возможною скромною перемолвкою.

50) Рукацца, — гл.—подавать руку при встрѣчѣ и прощаньѣ. Въ бытописуемое время „рукáння“ въ простонародномъ быту не замѣчалось, и оно стало повсюднымъ въ сравнительно недавнее время. Любящаяся же парочка, на глазахъ присутствующихъ, иногда по-долгу держалась за руки,—что на языкѣ тогдашнихъ зубоскаловъ извѣстно было подъ низменнымъ словомъ „склещились“...

51) Просцинь, просня,—сущ.—сравнительно большое веретено, на которое наматываются нитки съ нѣсколькихъ „ручáнкъ“. Съ «просня» нитки перематываются на клубокъ, или „мотовню“ (мотовило). Объ этомъ см. мои „Очерки“ 1895 г., стр. 154.

52) Нацѐрць пороги—надоѣсть частымъ приходомъ, посѣщеніемъ. Въ такомъ же ироническомъ смыслѣ употребляется и другой ходячій перифразъ—„оббиць пороги“.

53) Пройди-свѣтъ и пройда — обычное имя проходимцевъ, слишкомъ развязныхъ, бойкихъ лицъ, весьма часто употребляющееся, какъ укоризна и брань. Крестьянская среда недолюбливаетъ такихъ лицъ.

Н. Я. Никифоровскій.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ ЯКУТОВЪ.

(По матеріаламъ Н. П. Припузова).

Въ Этнографическій Отдѣлъ И. Общества Любителей Естествознанія доставлены Н. П. Припузовымъ, собранныя имъ путемъ личныхъ опросовъ, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ якутовъ Якутскаго округа. Доставленный матеріалъ содержитъ данныя, касающіяся преимущественно нормъ семейственнаго и наслѣдственнаго права, а также краткія свѣдѣнія о вещномъ и обязательственномъ правѣ. Матеріалъ расположенъ г. Припузовымъ въ видѣ краткихъ отвѣтовъ на вопросы, не приведенъ имъ въ систематическій порядокъ и, къ сожалѣнію, такимъ образомъ представляетъ, хотя и интересный, но отрывочный и сырой матеріалъ, требующій обработки для появленія въ печати. Обработка матеріаловъ, доставленныхъ собирателемъ, была поручена намъ Этнографическимъ Отдѣломъ, причемъ мы сочли полезнымъ отмѣтить значеніе нѣкоторыхъ нормъ якутскаго обычнаго права, которыя намъ показались заслуживающими особаго вниманія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнить матеріалы г. Припузова ссылками на свѣдѣнія, сообщаемыя другими изслѣдователями.

Н. П. Припузовъ собиралъ матеріалъ среди якутовъ, живущихъ въ Якутскомъ округѣ, т. е. въ средѣ той части якутскаго племени, у которой мы вправѣ ожидать встрѣтить нѣкоторые слѣды воздѣйствія русскихъ обычныхъ и законодательныхъ нормъ на обычное право якутовъ. Тѣмъ бóльшій интересъ представляютъ отмѣченныя собирателемъ нормы якутскаго обычнаго права, не смотря на длительное сожительство якутовъ съ русскими, сохранившіяся какъ цѣнный остатокъ древнихъ семейно-родовыхъ устоевъ. Но не меньше значеніе имѣютъ и нѣкоторые, сообщаемые собирателемъ, юридическіе обычаи, выработанные якутами подъ очевиднымъ воздѣйствіемъ русскихъ: строй жизни якутовъ видоизмѣняется, новыя нарождающіяся условія жизни требуютъ для своего удовлетворенія и новыхъ нормъ. Послѣднія иногда заимствуются у сосѣдей-русскихъ, становятся въ противорѣчіе съ устоями древняго быта и терпятъ нѣкоторыя видоизмѣненія подъ вліяніемъ архаичныхъ взглядовъ на правоотношенія.

Въ настоящее время такъ называамыя «большія» семьи встрѣчаются у якутовъ лишь крайне рѣдко; сыновья послѣ женитьбы и по достиженіи совершеннолѣтія обыкновенно отдѣляются. Не смотря на то, что такимъ образомъ типъ индивидуальной, т. н. „малой" семьи оказывается характернымъ для современнаго семейно-хозяйственнаго строя якутовъ въ Якутскомъ округѣ, родовое устройство далеко не принадлежитъ къ числу явленій вполнѣ отжившихъ. Кромѣ извѣстнаго дѣленія якутовъ на улусы и населги, дѣленіе, которое одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей быта якутовъ г. Сѣрошевскій не признаетъ туземнымъ, якутскимъ, инородческое населеніе Якутскаго округа, какъ въ другихъ мѣстностяхъ области, продолжаетъ сохранять древнее дѣленіе на роды—*ага-уса* (отцовскій родъ), распадающійся на 4—8 *ія-уса*. Это послѣднее названіе г. Припузовъ переводитъ словомъ „племя"; г. Сѣрошевскій, который, насколько намъ по крайней мѣрѣ извѣстно, первый обратилъ вниманіе на ія-уса, указалъ, что ія-уса (іе-уса) точно значитъ „материнскій родъ", описалъ значеніе, которое послѣдній имѣетъ въ современномъ родовомъ дѣленіи якутовъ и высказалъ гипотезу о происхожденіи у нихъ „материнскаго рода" [1]). Въ настоящее время родство въ предѣлахъ іе-уса ведется по мужской линіи, и г. Сѣрошевскій высказываетъ весьма правдоподобную догадку, что дѣленіе отцовскаго рода на нѣсколько материнскихъ родовъ оказывается естественнымъ слѣдствіемъ практиковавшейся у якутовъ полигаміи. Моногамическій бракъ укрѣпился у якутовъ только въ началѣ XIX в. [2]); ага-уса включалъ все потомство, происшедшее отъ одного отца, а каждый іе-уса лишь потомковъ отъ одной изъ его женъ. Предположеніе г. Сѣрошевскаго имѣетъ за себя много вѣроятія. Аналогичное явленіе встрѣчается у нѣкоторыхъ народностей, напр. среди кафровъ: мужчина имѣетъ нѣсколько женъ, изъ которыхъ каждая живетъ особнякомъ, своимъ хозяйствомъ; мужъ по очереди навѣщаетъ своихъ женъ, и понятно, что потомство послѣднихъ, составляя обособленную группу не только

---

1) Сѣрошевскій, Якуты, стр. 506 и слѣд.

2) В. Іохельсонъ, см. „Живая Старина". 1895. II, 137.



по происхожденію, но и по хозяйственнымъ интересамъ, отличаетъ себя отъ другихъ счетомъ родства отъ одной матери. Подобные факты, какъ извѣстно, дали между прочимъ основаніе г. Штарке видѣть въ многоженствѣ серьезный источникъ вообще возникновенія обычая вести счетъ родства по женской линіи. Въ дѣйствительности однако многоженство тамъ, гдѣ оно приводитъ къ указанному дѣленію отцовскаго рода на нѣсколько материнскихъ, играетъ лишь роль фактора, поддерживающаго въ жизни счетъ родства по женской линіи, а не причину, порождающую его: лишь на почвѣ уже существующаго обычая опредѣлять родство по женской линіи можетъ возникнуть материнскій родъ или какъ самостоятельная организація или какъ подгруппа отцовскаго рода. Вслѣдствіе этого, какъ бы ни возникъ іе-уса у якутовъ, въ самомъ фактѣ его существованія слѣдуетъ видѣть доказательство бывшаго нѣкогда у якутовъ обычая опредѣлять родство по женской линіи, воспоминаніе объ эпохѣ, когда узы, связующія ребенка съ отцомъ, не принимались еще во вниманіе. Сообщаемый г. Сѣрошевскимъ фактъ, что по преданіямъ многіе отцовскіе роды (ага-уса) и даже цѣлыя наслеги получали свое названіе отъ женщинъ, подкрѣпляютъ это предположеніе. Главное значеніе въ современномъ строѣ якутовъ имѣетъ однако ага-уса, отцовскій родъ.

Родовой строй якутовъ Якутскаго округа находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

1) Каждый родъ, ведущій себя отъ одного родоначальника, или подраздѣленіе рода, обладаетъ опредѣленной территоріей, права на которую вытекаютъ изъ захвата и давности. Родичи изъ поколѣнія въ поколѣніе пользуются тѣми земельными участками или рыбными угодьями, которыми они завладѣли изстари. Въ земельномъ отношеніи родъ представляетъ такимъ образомъ обособленную группу, хотя въ настоящее время впрочемъ въ большинствѣ случаевъ сосѣдская община замѣнила уже родъ.

2) У якутовъ родственныя узы играютъ вообще большую роль при заключеніи браковъ. До настоящаго времени родъ представляетъ экзогамную группу. Мало обращая вниманія на свойство, какъ препятствіе къ заключенію браковъ, якуты,



по словамъ г. Припузова, не только считаютъ родство до 5-го колѣна препятствіемъ къ браку, но не берутъ вообще невѣстъ изъ своего рода. Въ прежнее время богатые якуты старались отыскать невѣстъ для своихъ сыновей по возможности даже въ чужомъ наслегѣ. Насколько, наоборотъ, родство по женской линіи не принимается въ расчетъ при заключеніи браковъ, доказываютъ данныя, сообщаемыя кн. Костровымъ [1]), что не только отецъ и сынъ или 2 брата могутъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, но даже дядя можетъ взять въ жены родную племянницу (дочь сестры). Такъ какъ подобные браки не допускаются мѣстнымъ духовенствомъ, то якуты прибѣгаютъ къ слѣдующей фикціи: женихъ нанимаетъ невѣсту въ качествѣ работницы и живетъ съ ней, иногда въ теченіе всей своей жизни, какъ съ женой. Воспоминаніе, что всѣ родичи носятъ и одно родовое прозвище, привело къ запрещенію браковъ между однофамильцами, если они живутъ въ одной мѣстности.

3) Старшій родственникъ въ родѣ, или въ іе-уса, всегда окружается почетомъ, если онъ одновременно богатъ и не былъ подъ судомъ. Ему принадлежитъ юрисдикція въ маловажныхъ спорахъ между родичами. Воспоминаніемъ о лежавшихъ на немъ прежде религіозныхъ функціяхъ служатъ м. пр. слѣдующіе обряды: а) во время весенняго праздника (*ысэх*), носившаго строго родовой характеръ, ему приносятъ первому большой деревянный сосудъ (*чорон*) съ кумысомъ; онъ произноситъ благодарственную молитву божествамъ и затѣмъ дѣлаетъ возліяніе кумыса на огонь. б) При пріѣздѣ невѣсты въ юрту жениха изъ саней невѣсты выносятъ и ставятъ предъ комелькомъ на столъ сваренную конскую голову, глаза которой покрыты масломъ, съ привѣшенными къ ушамъ наполненными конской кровью кишками, и деревянную чашку съ масломъ. Послѣ этого невѣста входитъ въ юрту и становится, предварительно развязавъ поясъ, съ правой стороны комелька, гдѣ ее встрѣчаетъ старшій родичъ, въ настоящее время замѣняемый иногда наиболѣе почетнымъ гостемъ, который колѣнопреклоненно бросаетъ въ огонь

---

[1]) Юридич. обыч. Якутовъ, стр. 277.



куски мяса, крови и масла и благословляетъ невѣсту. За совершеніе этого обряда, имѣющаго очевидную цѣль пріобщить невѣсту къ домашнему очагу жениха, старшій родичъ получаетъ въ свою пользу голову, кровь и масло, принесенныя въ юрту, и кромѣ того еще деньгами 1 рубль.

4) Солидарность родичей, сказывается далѣе въ широкой взаимопомощи. «Въ несчастныхъ случаяхъ, пишетъ г. Припузовъ, каждый родъ помогаетъ своимъ неимущимъ сородичамъ по числу тяглыхъ душъ или посемейно». Содержаніе *кумалановъ*, т. е. лицъ неспособныхъ добывать себѣ пропитаніе (престарѣлые калѣки, круглые сироты и т. п.) составляетъ обязанность рода или отдѣльныхъ семействъ, входящихъ въ него. Ближайшіе родичи являются обычными попечителями недѣеспособныхъ членовъ рода: душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и пр.

5) Исключительность родового строя выражается у якутовъ Якутскаго округа и въ томъ, что доступъ въ родъ для посторонняго лица почти невозможенъ. Дѣйствительно случаи пріема въ семью посторонняго лица встрѣчаются у якутовъ, но только дѣвочки принимаются изъ чужого рода. Усыновленіе же дѣтей мужского пола совершается только между близкими родственниками или по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ того же рода. Пріемышъ носитъ фамилію пріемнаго отца, считается близкимъ родственникомъ членовъ семьи послѣдняго, вслѣдствіе чего между ними и пріемышемъ браки запрещены.

Искусственное родство, кромѣ случаевъ усыновленія, устанавливается еще молочнымъ родствомъ; оно считается одинаково важнымъ, какъ и кровное. Что касается до побратимства, этого почти универсальнаго способа установленія искусственнаго родства, то г. Припузовъ подтверждаетъ выводъ, къ которому повидимому приходитъ и г. Сѣрошевскій, что оно въ настоящее время вышло изъ употребленія у якутовъ. Существованіе его въ прежнее время доказывается однако до извѣстной степени преданіями якутовъ.

Незавидное личное и имущественное положеніе женщинъ, составляющее характерную черту быта у всѣхъ почти некультурныхъ народовъ, достигаетъ, какъ извѣстно, своего

апогея при господствѣ агнатическаго рода. Безправное положеніе женщины сказывается однако у якутовъ, изслѣдованнаго г. Припузовымъ округа, преимущественно въ имущественныхъ отношеніяхъ. Личность ея въ настоящее время значительно болѣе обезпечена, чѣмъ въ прежнія времена. Въ этомъ отношеніи въ быту якутовъ замѣтенъ извѣстный, хотя конечно весьма относительный прогрессъ. Дѣйствительно и въ настоящее еще время мужъ считаетъ себя въ правѣ наносить побои своей женѣ, если она недостаточно хорошо ведетъ хозяйство, если она расточительна, или если она невѣрна своему мужу. Якутъ далѣе имѣетъ право отдать жену въ работницы и пользоваться вырученными ею деньгами. Но онъ лишенъ права убивать жену, не можетъ продать ее, ссудить ею другого.

Случаи переуступки женъ встрѣчались у якутовъ, какъ извѣстно, до конца XVIII в., а существованіе у нихъ обычая гостепріимнаго гетеризма удостовѣрено преданіями (Изв. В-С. Отд. И. Р. Г. О. XXVI, № 4—5, стр. 218, 219). Что касается случаевъ отдачи жены въ работницы, то кн. Костровъ (Юр. об. якутовъ, стр. 283) сообщаетъ не лишенный интереса фактъ, что такая отдача совершается съ цѣлью разстаться съ женой: послѣ церковнаго вѣнчанія якуты рѣдко оставляютъ своихъ женъ; но такъ какъ браки совершаются нерѣдко противъ воли брачущихся, то мужъ иногда оставляетъ жену, которая обыкновенно находитъ себѣ любовника, къ которому она и переходитъ жить. Чтобы избѣжать преслѣдованія властей, пишетъ кн. Костровъ, мужъ и любовникъ заключаютъ словесное, а иногда и письменное условіе о томъ, что первый изъ нихъ отдаетъ въ работницы второму жену свою, съ согласія ея и для поддержанія хозяйства.

Если однако мужъ наноситъ побои женѣ съ точки зрѣнія якутовъ не основательно, она имѣетъ право жаловаться на него въ родовое управленіе или обращаться за защитой въ Инородныя Управы. Мужъ не обязанъ соблюдать вѣрность: онъ можетъ оставить жену, жить въ другомъ мѣстѣ, сожительствовать съ другой. Жена, наоборотъ, обязана хранить вѣрность, хотя на встрѣчающіеся случаи сожитія жены съ другимъ, если это происходитъ съ согласія мужа, якуты

смотрятъ вполнѣ равнодушно. Хотя въ настоящее время личное положеніе жены въ отношеніи къ мужу измѣнилось къ лучшему сравнительно съ прежнимъ, на ея долю продолжаетъ однако выпадать самая тяжелая домашняя работа: если не считать случаевъ, когда семья богата, или когда жена богаче мужа, на обязанности женщины лежитъ не только домоводство: уходъ за скотомъ, приготовленіе сыра и масла, мазанье юрты и пр., но еще часто и косьба сѣна, рубка дровъ и т. п., если мужъ не успѣваетъ управиться лично съ другими работами.

Имущественныя права женщинъ крайне ограничены; однако и въ этомъ направленіи сказываются уже нѣкоторыя измѣненія подъ вліяніемъ постепеннаго признанія правоспособности женщины. Эти нововведенія однако повидимому только начинаютъ проникать въ сознаніе якутовъ и не успѣли еще измѣнить окончательно архаичныхъ взглядовъ, отрицающихъ у женщины имущественныя права.

Въ отношеніи къ своей семейной группѣ женщина совершенно безправна: она должна выйти замужъ въ чужой родъ, и понятно, что ея родственная группа смотритъ на нее какъ, на отрѣзанный ломоть.

Каждая родовая или семейная единица подъ вліяніемъ чувства самосохраненія въ борьбѣ за существованіе стремится обезпечить по возможности больше свой экономическій бытъ путемъ накопленія богатства. Она, естественно, ревниво оберегаетъ свое имущество отъ перехода въ руки членовъ чужого рода; въ этомъ слѣдуетъ искать причину безправія женщины въ отношеніи къ имуществу, принадлежащему ея родственной группѣ. Послѣдняя разрѣшаетъ у якутовъ, какъ и всюду впрочемъ у народностей, стоящихъ на невысокомъ уровнѣ экономическаго развитія, дѣвушкѣ накапливать имущество личнымъ трудомъ: результатъ ея личныхъ работъ, отъ шитья или другого рукодѣлья, поступаетъ въ ея собственность, но и у якутовъ, какъ и повсюду, дѣвушка получаетъ право собственности на результаты своего труда только постольку, поскольку этотъ трудъ она употребляетъ въ часы досуга, отдыха, по исправленіи тѣхъ обязанностей по хозяйству, которыя лежатъ на ней. То-же правило повидимому примѣ-

няется къ замужнимъ женщинамъ. Женщина, какъ членъ своей родственной группы до замужества, а впослѣдствіи въ качествѣ работницы на мужа и его группу, употребляетъ въ свою пользу лишь избытокъ времени, и группа уступаетъ ей въ собственность лишь то, что женщина можетъ приготовить послѣ удовлетворенія нуждъ отцовской или мужниной семьи.

Имущественное безправіе женщины въ отношеніи къ своей родственной группѣ наглядно выражается въ устраненіи женщинъ отъ наслѣдованія. Если экономическій, хозяйственный принципъ лежащій въ основаніи семьи, построенной на кровномъ началѣ, дѣлаетъ вполнѣ естественной норму обычнаго якутскаго права, что сестры при братіяхъ не могутъ быть наслѣдницами, что усадебная земля по смерти брата переходитъ къ другому брату, хотя бы послѣдній имѣлъ уже свою усадьбу, то въ исключеніи женщинъ отъ наслѣдованія послѣ родителей, если остались только дочери, слѣдуетъ признать прямое слѣдствіе родового строя, когда родичи зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы родовое имущество не переходило къ чуже-родамъ, что необходимо должно совершиться при выходѣ замужъ дѣвушки-наслѣдницы.

Г. Припузовъ сообщаетъ, что по смерти лица, оставившаго только дочерей, наслѣдниками являются прежде всего его братья, т. е. дяди съ отцовской стороны. Далѣе, если живъ отецъ умершаго, то по общему правилу якутскаго обычнаго права, изслѣдованнаго округа, дѣлающему родителей наслѣдниками умершихъ безъ потомства дѣтей своихъ,—онъ участвуетъ въ наслѣдствѣ въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ остальные родственники. Умершій, не оставившій мужскихъ потомковъ, приравнивается къ безпотомственно умершему. Наконецъ и остальные родственники призываются къ наслѣдству. Часть имущества выдѣляется на содержаніе и пропитаніе дочерей, остальное дѣлится между родственниками, причемъ болѣе близкіе получаютъ и бóльшую часть (больше остальныхъ—получаетъ отецъ), болѣе отдаленные—меньшія доли. Замужняя дочь, какъ и дочери-дѣвушки, устраняется отъ наслѣдованія послѣ отца: во всякомъ случаѣ она не можетъ наслѣдовать отцовскую усадебную землю, и если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, усадьба переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Братья, устраняя сестеръ отъ наслѣдованья отцовскаго имущества, обязаны однако содержать невышедшихъ при жизни отца сестеръ, позаботиться о выдачѣ ихъ замужъ и снабдить ихъ изъ общаго имущества приданымъ. Г. Приклонскій (Три года въ Якутской Области, Жив. Ст. 1891, III, стр. 80) сообщаетъ однако, что доля дочерей при раздѣлѣ имущества по смерти отца равна долѣ братьевъ; эта доля идетъ братьямъ, на содержаніе сестеръ.

Что дѣйствительно экономическій принципъ въ связи съ кровнымъ, а не фактъ выдачи приданаго выходящей замужъ дѣвушкѣ служитъ основаніемъ устраненія женщинъ отъ наслѣдованія послѣ отца, доказывается тѣмъ, что само приданое не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ долями, которыя должны получить сыновья по смерти отца. Г. Припузовъ сообщаетъ къ сожалѣнію лишь крайне отрывочныя и неполныя свѣдѣнія о размѣрѣ приданаго, о предметахъ, составляющихъ его и объ отношеніи личнаго имущества дѣвушки, заработаннаго ею своимъ трудомъ, къ приданому, даваемому ей родителями при выходѣ замужъ.

«Въ Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», изданномъ г. Самоквасовымъ (стр. 221—222), отмѣчена норма якутскаго обычнаго права, согласно которой «приданое дается въ вознагражденіе жениху и его роднѣ за взносъ калыма; приданое дается скотомъ, платьемъ, а иногда деньгами, на половину всего условленнаго калыма; менѣе-же половины калыма жена не можетъ имѣть приданаго, а имѣть болѣе, иногда превосходящее и весь калымъ (что очень рѣдко случается), остается на волѣ родителей ея». Г. Сѣрошевскій (стр. 545 и слѣд). отмѣчаетъ также, что обыкновенно плата родителямъ невѣсты, подарки родственникамъ, сватамъ и сватьямъ, дѣлаемые женихомъ, получаются имъ впослѣдствіи назадъ въ качествѣ приданаго и подарковъ. Безвозвратно женихъ уплачиваетъ только расходы на угощеніе и «другіе незначительные придатки того-же назначенія». Приданое однако не составляетъ такого неизбѣжнаго элемента при бракѣ, какъ калымъ; кромѣ того, хотя обыкновенно родственники жениха встрѣчаютъ весьма холодно молодую, если она принесетъ въ домъ меньше ожидаемаго, а если ея приданое

меньше условленнаго, то начинаются тяжбы и ссоры,—тѣмъ не менѣе встрѣчаются случаи, что родители не даютъ приданаго, не смотря на полученный, подчасъ даже значительный, калымъ. Народное мнѣніе осуждаетъ подобные поступки, но самый фактъ, что они встрѣчаются, подтверждаетъ мнѣніе, высказываемое г. Сѣрошевскимъ, что приданое сравнительно поздній институтъ у якутовъ, а съ другой стороны это служитъ объясненіемъ тому, что въ Якутскомъ округѣ до настоящаго времени, по словамъ г. Припузова, не принято условливаться относительно приданаго и что размѣры послѣдняго зависятъ вполнѣ отъ доброй воли и состоятельности родителей.

Возвращеніе всего или части калыма въ родъ или семью жениха является обыкновеннымъ источникомъ приданаго; оно получаетъ развитіе преимущественно въ эпоху упадка обычая покупать себѣ жену, когда господствовавшій прежде обычай купли невѣсты постепенно утрачиваетъ свой истинный смыслъ и продолжаетъ удерживаться по традиціи. Но якуты изслѣдованной г. Припузовымъ мѣстности повидимому еще не выработали опредѣленныхъ правилъ, регулирующихъ размѣры приданаго: все зависитъ еще отъ воли отца, что переноситъ насъ въ ту эпоху развитія приданаго, когда послѣднее не представляло еще прочнаго института и давалось родителями изъ соображеній улучшить путемъ возвращенія части калыма положеніе отдаваемой замужъ дочери въ чужеродной группѣ мужа, расположить послѣднюю въ пользу молодой. Очевидно, что въ этомъ своемъ видѣ приданое ничего не имѣетъ общаго съ выдѣломъ дѣвушкѣ части имущества ея родственной группы. Ея семья не лишаетъ себя ни малѣйшей части *своего* имущества; свадьба совершается на счетъ жениха, и семья молодой только отказывается, и то часто лишь до извѣстной степени, отъ приращенія имущества, являющагося слѣдствіемъ продажи дочери въ чужой родъ.

Г. Припузовъ и, насколько намъ извѣстно, другіе изслѣдователи обычнаго права якутовъ не сообщаютъ ясныхъ свѣдѣній по вопросу, въ какомъ отношеніи стоитъ лично заработанное дѣвушкой имущество къ приданому. Смѣшивается ли это личное имущество, соотвѣтствующее, по источнику

своего происхожденія, великорусской «коробьѣ», съ приданымъ, даваемымъ родителями, или составляетъ отдѣльный видъ женской собственности у якутовъ—намъ неизвѣстно. Что же касается до приданаго, даваемаго родителями при выходѣ дочери замужъ, то безправное положеніе женщины въ агнатической группѣ мужа, равно и само происхожденіе приданого изъ возвращаемой части калыма, дѣлаютъ вполнѣ естественной норму якутскаго обычнаго права, согласно которой женщина не является собственницей приданаго. Это послѣднее «поступаетъ, пишетъ г. Припузовъ, въ полное распоряженіе мужа». Мужъ является собственникомъ приданаго своей жены: за растрату его онъ ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ. Логическимъ слѣдствіемъ этого порядка являются слѣдующія нормы, отмѣченныя г. Припузовымъ въ Якутскомъ округѣ: 1) Въ случаѣ смерти жены приданое ея не возвращается, а переходитъ къ мужу и его дѣтямъ. 2) Въ случаѣ смерти мужа, если у супруговъ не было дѣтей мужского пола, жена можетъ взять свое приданое и возвратиться къ своимъ родителямъ. Но получить обратно приданое она можетъ только подъ условіемъ, если мужъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе передъ смертью; въ противномъ случаѣ приданое, какъ часть семейно-родового имущества, переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ умершаго, и жена не имѣетъ права требовать его обратно у наслѣдниковъ.

Разрѣшеніе вдовѣ въ случаѣ бездѣтнаго брака возвратиться въ родительскую семью, право мужа распорядиться предъ смертью о возвращеніи ей приданаго—всѣ эти нормы возникли повидимому подъ вліяніемъ наступающаго смягченія взглядовъ на личное и имущественное безправіе женщинъ. Въ прежнее время она была полной собственностью группы мужа. Дѣйствительно, мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній о существованіи у якутовъ въ прежнее время левирата; но правила, запрещающія женщинѣ показываться свекру и деверямъ и наоборотъ, очевидно носящія характеръ т. н. «половой предосторожности», слѣды бывшей нѣкогда поліандріи, наконецъ отсутствіе у якутовъ собственнаго термина для означенія вдовы и пр. (Сѣрош., 569), заставляютъ предполагать, что въ болѣе отдаленное время

вдова считалась собственностью семьи мужа и вѣроятно переходила къ нимъ какъ видный объектъ имущества *).

Въ настоящее время вдова можетъ остаться по смерти мужа при своихъ дѣтяхъ. Освободительное стремленіе на пользу женщины въ развитіи обычнаго права въ Якутскомъ округѣ сказывается въ томъ, что если вдова имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей мужского пола, она дѣлается полной хозяйкой имущества мужа; она свободно распоряжается имъ до совершеннолѣтія дѣтей. Болѣе архаичные взгляды на безправіе женщины сказываются однако въ этомъ случаѣ въ томъ, что дѣти по достиженіи совершеннолѣтія имѣютъ право приступить къ раздѣлу дѣдовскаго и отцовскаго имущества не испрашивая на это согласія матери. Ей удѣляется какая нибудь, во всякомъ случаѣ неопредѣленная часть имущества, но всегда меньшая, чѣмъ доля каждаго изъ сыновей. Право женъ на $^1/_4$ часть имущества мужа, засвидѣтельствованное въ «Сборникѣ об. права сиб инородцевъ», (стр. 234), вѣроятно явилось результатомъ воздѣйствія русскихъ и должно быть весьма мало проникло въ жизнь. Якуты Якутскаго округа по крайней мѣрѣ не знаютъ этой нормы, если судить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Припузовымъ. Якутскій родъ, допуская нѣкоторую хозяйственную самостоятельность вдовы, при малолѣтнихъ дѣтяхъ мужского пола, будущихъ самостоятельныхъ членахъ родовой единицы, совершенно устраняютъ вдову, если умершій мужъ оставилъ только дѣтей женскаго пола въ этомъ случаѣ умершій, какъ было уже указано выше, приравнивается къ безпотомственно-умершему: вдовѣ съ дочерями выдѣляется нѣкоторая часть имущества, все-же остальное переходитъ къ родственникамъ умершаго. Впрочемъ болѣе гуманное отношеніе къ женщинѣ заставляетъ родственниковъ иногда разрѣшать вдовѣ жить съ дочерьми въ усадьбѣ умершаго мужа, лишая ее однако права распоряжаться усадьбой. Послѣдняя въ случаѣ смерти вдовы (или

*) Въ противоположность г. Горохову (Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. 1883 г.) г. Приклонскій свидѣтельствуетъ о нерѣдкихъ случаяхъ снохачества: „такое сожительство практикуется часто и довольно свободно, гораздо свободнѣе, чѣмъ напр. въ русскомъ народѣ, гдѣ этотъ грѣхъ скрывается тщательнѣе“. (Три года въ Якутск. области, стр. 61. Жив. Стар. 1891, III).



выхода ея вторично замужъ) переходитъ къ родственникамъ мужа.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ, что, не смотря на нѣкоторыя совершившіяся улучшенія въ отношеніи къ личнымъ и имущественнымъ правамъ женщинъ, положеніе этихъ послѣднихъ еще крайне незавидно: родовыя и хозяйственныя основанія регулируютъ главнымъ образомъ строй якутской жизни.

О самостоятельности или равноправности женщинъ у якутовъ еще не можетъ быть рѣчи: даже правило, дѣлающее родителей наслѣдниками своихъ безпотомственно умершихъ дѣтей, видоизмѣняется, если у умершаго осталась только мать; въ то время какъ отецъ наслѣдуетъ все или бóльшую часть имущества, права матери или вдовы на имущество умершихъ безъ потомства дѣтей сравниваются съ правами другихъ наслѣдниковъ.

Результатомъ вліянія новыхъ взглядовъ слѣдуетъ считать слѣдующія нормы, признающія за женщиной нѣкоторыя права: 1) жена имѣетъ право жалобы на мужа, если послѣдній своей расточительностью разоряетъ хозяйство; 2) за женой признается право совершать долговыя обязательства; жена не отвѣчаетъ за долговыя обязательства, сдѣланныя мужемъ для своихъ личныхъ нуждъ, и обратно—мужъ не отвѣтственъ за личные долги своей жены. Исключеніе допускается, когда супруги являются поручителями другъ по другу. Эти нормы стоятъ въ такомъ противорѣчіи съ личнымъ и имущественнымъ безправіемъ женщинъ, что ихъ позднее происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію.

Но когда жена входила въ отсутствіе мужа «въ долги для покрытія нуждъ по хозяйству или по другимъ дѣламъ, касающимся дома», судъ выступаетъ на защиту жены и кредитора; мужъ оказывается отвѣтственъ за обязательства, заключенныя съ цѣлью принести пользу его-же хозяйственной группѣ.

Какъ естественное слѣдствіе патріархальнаго строя якутской семьи является власть отца надъ личностью малолѣтнихъ дѣтей. Отецъ имѣетъ право бросить новорожденнаго или отдать другому лицу. Въ прежнее время, сообщаетъ

г. Припузовъ, родители, если они были бѣдны, вывѣшивали новорожденныхъ дѣтей въ турсукахъ на деревья. Даже въ настоящее время случаи уступки дѣтей за деньги родителями встрѣчаются еще: дѣтей женскаго пола родители уступаютъ за деньги лицу, желающему усыновить дѣвочку. Цѣна за послѣднюю колеблется, въ зависимости отъ возраста, отъ 20 до 50 руб. Въ настоящее время подобная продажа дочери закрѣпляется письменнымъ актомъ [1]).

Положеніе сыновей въ родительскомъ домѣ значительно независимѣе, чѣмъ дочерей. Тѣмъ не менѣе въ личныхъ отношеніяхъ патріархальная родительская власть находитъ себѣ разностороннее примѣненіе. Кромѣ права отдачи сыновей въ пріемыши, права, ограничиваемаго въ отношеніи сыновей тѣмъ, что они отдаются въ пріемыши въ предѣлахъ своего рода, родители могутъ отдавать сыновей въ наймы и въ ученіе. Родители имѣютъ далѣе право пользоваться заработкомъ своихъ дѣтей; ихъ трудъ идетъ на пользу семьи; они обязаны содержать родителей, и на неисполненіе этой обязанности родители могутъ жаловаться родоначальникамъ, которые, соотвѣтственно съ заработкомъ сына или состоятельностью послѣдняго, присуждаютъ его содержать отца. Но всѣ эти правила имѣютъ значеніе только до тѣхъ поръ,

---

[1]) Г. Припузовъ приводитъ интересную копію съ подобнаго акта: „1891 года, февраля 15-го дня. Я, нижеподписавшійся, родовичъ Западно-Кангаласкаго улуса Одунинскаго наслега Иннокентій Васильевъ Махатыревъ далъ сіе отводное письмо родовичу оного улуса Жерскаго наслега Егору Бобпосову въ томъ, что симъ даю вамъ на вѣчное удочереніе собственную мою дочь Анастасію, нынѣ 12-ти лѣтъ, съ согласія законной жены моей Дарьи Васильевой, которую (дочь) записавъ подъ свою фамилію, вы должны навсегда владѣть ею, какъ собственной дочерью, и впослѣдствіи выдать ее въ замужество и даже въ случаѣ смерти хоронить, какъ удочеренную, по христіанскому обряду. за что по условію деньги *двадцать руб*. получилъ сполна и болѣе ничего не требовать, въ чемъ и подписуюсь: датель сего родовичъ Иннокентій Махатыревъ; по безграмотству и по личной просьбѣ руку приложилъ якутъ Иванъ Михалевъ. Въ дѣйствительности сего письма свидѣтельствую староста Григорій Дичковскій“. Этотъ документъ ясно рисуетъ права родителей на личность дочери: заботливое отношеніе къ жизни дочери въ новой семьѣ—возложеніе на пріемныхъ родителей обязанности выдать ее замужъ или взять расходы по похоронамъ на себя въ случаѣ смерти, уживается вполнѣ съ древнимъ правомъ якутовъ располагать по произволу личностью своихъ дочерей.



пока сынъ еще не отдѣленъ, или еще не женился. Въ общемъ, если родители кормятъ, одѣваютъ дѣтей, «учатъ ихъ добру», а дѣти кормятъ и содержатъ родителей при старости, похоронятъ ихъ прилично послѣ смерти, устроятъ въ сороковой день поминки и наконецъ поставятъ надъ могилой каменный памятникъ—они считаются взаимно исполнившими свои обязанности. Г. Припузовъ сообщаетъ о существовавшемъ въ прежнее время обычаѣ якутовъ убивать престарѣлыхъ родителей, что исполнялось, по современному объясненію населенія, якутами-сыновьями какъ долгъ, съ цѣлью избавить родителей отъ мучительной старости. Естественно, что эти случаи, равно и выбрасыванье новорожденныхъ дѣтей родителями, отошли въ настоящее время въ область преданій.

Якутъ, пока онъ не женатъ, не является полноправнымъ. Холостой не имѣетъ даже права требовать себѣ выдѣла безъ особой уважительной причины, хотя бы онъ жилъ не при отцѣ, напр., если большакомъ въ семьѣ оказывается старшій братъ. Лишь послѣ женитьбы взрослый якутъ выступаетъ какъ лицо самостоятельное. Но въ вопросѣ о женитьбѣ наглядно находитъ себѣ выраженіе право отца надъ личностью сына. Правда, что, по словамъ г. Припузова, при выборѣ невѣсты сыну или жениха для дочери согласіе матери имѣетъ больше вѣса, чѣмъ согласіе отца. Въ этой, впрочемъ ничѣмъ не гарантированной кромѣ нравственныхъ устоевъ, привиллегіи женщины передъ мужчиной, заключается пожалуй единственное преимущество жены и матери. Но власть отца сказывается прежде всего въ правѣ женить малолѣтняго сына или отдать замужъ малолѣтнюю дочь. Свѣдѣнія, сообщаемыя напр. г. Щукинымъ (Ж. М. В. Д. 1854, VII стр. 26), что якутъ выбираетъ самъ себѣ невѣсту и объявляетъ о своемъ выборѣ родителямъ, не подтверждаются ни г. Припузовымъ ни другими изслѣдователями. Напротивъ того, браки, или по крайней мѣрѣ просватыванье малолѣтнихъ, повидимому, очень распространены и до настоящаго времени у якутовъ. „Какъ прежде, такъ и теперь, пишетъ г. Припузовъ, якуты женятъ малолѣтнихъ дѣтей, въ силу чего родители заключаютъ между собой сдѣлку, опредѣляющую калымную дачу, а дѣти по достиженіи совершеннолѣтія всту-

паютъ въ церковный бракъ". На основаніи другихъ источниковъ есть основаніе считать просватыванье малолѣтнихъ даже почти общимъ у якутовъ: это дѣлается съ цѣлью облегченія уплаты калыма, который начинаетъ вноситься по частямъ родителями жениха сейчасъ по заключеніи договора. „Со взносомъ первыхъ частей калыма женихъ-мальчикъ пріобрѣтаетъ, такъ сказать, супружескія права относительно своей невѣсты, тоже еще ребенка. Онъ часто гоститъ въ домѣ будущей жены, спитъ съ нею и, подросши, становится мужемъ фактически". (Изв. В.-С. О. И. Р. Г. О. XXVI, № 4—5, стр. 214).

Несоотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты не играетъ роли при выборѣ невѣсты; вообще главное значеніе имѣетъ экономическій расчетъ, способность невѣсты къ работѣ, ожидаемое отъ ея родителей приданое и т. п. При выборѣ жениха родители невѣсты обращаютъ преимущественное вниманіе на его достатокъ и трудолюбіе. Отсюда понятно, что при вступленіи въ бракъ у якутовъ, по словамъ г. Припузова, подтверждаемымъ другими изслѣдователями, взаимная любовь брачущихся, равно и вопросъ о дѣвственности невѣсты не играютъ важной роли, тѣмъ болѣе, что якутская мораль не относится обыкновенно неодобрительно къ дѣвушкѣ, имѣвшей дѣтей до брака: на нее смотрятъ какъ на будущую хорошую жену. Такимъ образомъ отъ воли и усмотрѣнія родителей зависитъ выборъ супруговъ для своихъ дѣтей. До настоящаго времени якуты изслѣдованнаго г. Припузовымъ округа соблюдаютъ очередь при женитьбѣ сыновей: сначала женятъ старшаго, потомъ второго и т. д.; въ прежнее время этотъ обычай соблюдался и въ отношеніи къ дочерямъ: младшую дочь не выдавали замужъ раньше старшей; теперь очередь при выдачѣ замужъ дочерей не соблюдается.

Авторитетъ родительской власти настолько силенъ, что, несмотря на то, что браки заключаются помимо воли брачущихся, случаевъ тайныхъ браковъ безъ согласія и вѣдома родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ, если брачущіеся сироты, по словамъ изслѣдователя, не встрѣчается у якутовъ. Но воздѣйствіе христіанства сказалось однако уже въ томъ, что если брачущіеся не согласны на бракъ, они заявляютъ объ



этомъ при вѣнчаніи, совершаемомъ иногда значительно послѣ заключенія якутской свадьбы, [1]) которая справляется иногда до совершеннолѣтія, если калымъ внесенъ сполна. Уплата калыма вообще даетъ права жениху на невѣсту; поэтому въ случаѣ отказа отъ брака со стороны жениха, по взносѣ всего или части калыма, женихъ или его родители не имѣютъ права требовать возвращенія затраченной суммы; наоборотъ, если отказъ идетъ со стороны невѣсты, родители ея должны возмѣстить сторонѣ жениха всѣ расходы.

Не смотря на то, что въ вопросѣ о женитьбѣ сыновья находятся до настоящаго времени въ зависимости отъ родителей, ихъ положеніе значительно свободнѣе, чѣмъ положеніе дѣвушекъ. Овдовѣвшая дочь, возвращаясь въ родительскій домъ, снова подпадаетъ подъ власть отца: она совершенно также безправна, какъ и ея сестра—дѣвушка. Болѣе независимое положеніе сына объясняется прежде всего тѣмъ, что семья и родъ дорожатъ больше дѣтьми мужского пола, чѣмъ женскаго: рожденіе мальчика встрѣчается якутомъ бóльшей радостью, чѣмъ рожденіе дѣвочки. Якуты, не имѣющіе сыновей, презираются окружающими; ихъ зовутъ *хатырык-уота*, т. е. огонь отъ коры (?) Насколько якуты мало дорожатъ дѣвочками, доказывается и нормой, согласно которой и выхо-

---

[1]) О свадебныхъ обрядахъ г. Припузовъ сообщаетъ лишь очень краткія свѣдѣнія. Въ свадьбѣ выдающуюся роль играютъ родители молодыхъ. Если послѣдніе круглыя сироты, не имѣющія ни отца ни матери, мѣсто родителей заступаетъ тысяцкій; ему молодые обязаны оказывать то же уваженіе, какое оказывается при свадьбѣ родителямъ. Особыхъ обрядовъ при сватовствѣ, смотринахъ и рукобитьѣ у якутовъ, по словамъ г. Припузова, не бываетъ. При пріѣздѣ невѣсты въ домъ жениха соблюдается слѣдующее: свадебный поѣздъ долженъ подъѣхать къ юртѣ жениха непремѣнно раннимъ утромъ, при восходѣ солнца. Невѣста, если она принадлежитъ къ числу богатыхъ, ѣдетъ верхомъ на лошади, всегда свѣтлой масти. Къ недоуздку коня невѣсты прикрѣплена серебряная монета, которую невѣста даритъ тому изъ молодыхъ людей, который при остановкѣ у столба, служащаго для привязыванія коней, беретъ ея лошадь подъ уздцы и помогаетъ ей спуститься на землю. Свекоръ выходитъ на встрѣчу съ иконой и, въ то время какъ первый сватъ со стороны невѣсты держитъ икону, послѣдній благословляетъ ее своей иконой. Послѣ этого невѣста входитъ въ юрту, гдѣ происходитъ обрядъ жертвоприношенія домашнему очагу старѣйшимъ изъ родичей. Право увести невѣсту къ себѣ женихъ пріобрѣтаетъ лишь послѣ уплаты калыма, размѣръ котораго зависитъ отъ уговора и достатка родителей.



дящая вторично замужъ вдова должна оставить сыновей отъ перваго брака въ семьѣ мужа; дѣвочекъ же, какъ ненужный для семейной группы элементъ, она можетъ взять съ собой въ свою новую семью. Эта норма очевидно сравнительно недавняго происхожденія: она могла возникнуть лишь послѣ того, какъ вдовѣ стали разрѣшать вообще выходить замужъ внѣ предѣловъ группы мужа, и послѣ того, какъ калымъ началъ утрачивать свое значеніе покупной платы за невѣсту и возвращаться въ семью жениха въ качествѣ приданаго. Ничего не выигрывая отъ выдачи замужъ дочери, якутская семейно-хозяйственная группа естественно смотритъ на дочерей, какъ на совершенно лишній элементъ въ семьѣ, и не дорожитъ ими.

Патріархальный принципъ въ семьѣ якута находитъ себѣ выраженіе въ правѣ большака безконтрольно распоряжаться семейнымъ имуществомъ. При господствѣ обычая выдѣлять взрослыхъ женатыхъ сыновей, вслѣдствіе чего подъ главенствомъ большака оказываются только малолѣтніе и холостые, вполнѣ естественно, что большаку предоставляется право безъ согласія на то остальныхъ членовъ семьи отчуждать часть семейнаго имущества или увеличивать послѣднее путемъ покупокъ. Но будучи самостоятельнымъ распорядителемъ семейнаго имущества въ отношеніи къ членамъ своей семьи, большакъ находится однако подъ контролемъ рода. Большакъ долженъ изыскивать средства къ исправному платежу податей и исполненію повинностей; потому если онъ будетъ уличенъ въ мотовствѣ, родовое управленіе имѣетъ право смѣстить его. Кромѣ того большакъ, имѣя право отдавать въ аренду или закладывать доставшійся ему по надѣлу земельный участокъ, не можетъ безъ вѣдома родоначальниковъ обмѣнять его на другой.

Въ составъ семейнаго имущества входятъ и заработки не отдѣленнаго сына; но у послѣдняго можетъ быть и свое личное имущество: то, что сынъ получилъ въ качествѣ наслѣдства отъ дѣда или бабки, или то, что ему было подарено, составляетъ его личную собственность, распоряжаться которой отецъ не всегда можетъ безъ согласія сына: отецъ, напр., не можетъ отнять или отчуждать ее безъ согласія сына.

Якутъ по достиженіи совершеннолѣтія, если онъ женатъ, стремится отдѣлиться отъ отцовскаго хозяйства и завести собственное. Выдѣлъ сына зависитъ отъ воли отца, который имѣетъ право выдѣлить своего сына, даже при жизни дѣда, если отецъ является одновременно и распорядителемъ хозяйства. Хотя размѣръ доли сына опредѣляется отцомъ, но по взглядамъ якутовъ, лишить сына доли въ семейномъ имуществѣ отецъ можетъ только въ случаѣ оскорбительныхъ поступковъ сына въ отношеніи къ отцу или если сынъ самовольно выходитъ изъ семьи. Въ послѣднемъ случаѣ большакъ, будь то отецъ или другой, могутъ отпустить уходящаго безъ надѣла, предоставивъ ему взять съ собой только личное имущество и приданое жены..

Въ случаяхъ оскорбительныхъ поступковъ въ отношеніи къ отцу сынъ лишается права на семейное имущество, какъ безполезный или даже вредный членъ семейной общины; въ случаяхъ самовольнаго ухода осуществленіе его правъ на долю въ семейномъ имуществѣ терпитъ только отсрочку, такъ какъ онъ по смерти отца имѣетъ право получить свою долю.

Выдѣливъ разъ сына, отецъ уже не имѣетъ права снова взять обратно выдѣленное имущество. Такъ какъ выдѣлы совершаются обыкновенно по мѣрѣ достиженія совершеннолѣтія и женитьбы сыновей, то естественно, что семейный раздѣлъ при жизни отца происходитъ не единовременно. Выдѣляющійся членъ семьи устраиваетъ себѣ новую юрту и усадьбу. Такъ какъ лѣтніе выгоны и усадебныя мѣста не раздѣлены по числу душъ, якутъ можетъ поставить свою юрту на любомъ мѣстѣ участка. Дешевизна живыхъ и хозяйственныхъ построекъ якутовъ имѣетъ слѣдствіемъ, что они въ выдѣлъ не идутъ, такъ какъ постройка себѣ новой зимней и лѣтней юрты не сопряжена ни съ большимъ трудомъ ни съ затратами. Выдѣленный сынъ образуетъ свое хозяйство, совершенно самостоятельное; онъ прерываетъ всѣ имущественныя связи съ отцомъ и не выдѣленными еще братьями и по смерти отца не получаетъ доли при семейномъ раздѣлѣ.

Выдѣливъ *всѣхъ* сыновей своихъ, отецъ оставляетъ себѣ



извѣстный пай изъ общаго имущества, который передъ смертью онъ можетъ раздѣлить между будущими наслѣдниками, но можетъ, — и въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе новыхъ условій жизни якутовъ, — въ теоріи лишить прямыхъ наслѣдниковъ и передать *свой пай* другимъ лицамъ или завѣщать свое имущество на поминовеніе души или дѣла благотворительности. Ограниченія правъ завѣщателя будутъ изложены ниже.

Частые выдѣлы, составляющіе обычное явленіе въ якутской семьѣ, даютъ имущественнымъ отношеніямъ между родителями и дѣтьми опредѣленный отпечатокъ: власть отца надъ личностью сына прекращается съ выдѣломъ его, а къ выдѣлу стремится каждый якутъ, какъ только онъ женится или достигнетъ совершеннолѣтія. Такимъ образомъ, хотя въ теоріи правовые взгляды якутовъ отводятъ отцу значительную власть, эта послѣдняя на практикѣ осуществляется преимущественно лишь въ отношеніи къ малолѣтнимъ или холостымъ сыновьямъ, что въ значительной степени подтачиваетъ патріархальный характеръ якутской семьи.

Условія полукочевой жизни безусловно облегчаютъ семейные раздѣлы, и среди якутовъ можно наблюдать небезъинтересное явленіе: господство т. н. малой семьи въ обстановкѣ еще очень жизненныхъ слѣдовъ родового быта.

При наслѣдованіи или дѣлежѣ имущества послѣ смерти отца регулирующимъ принципомъ для опредѣленія долей выступаетъ кровное родство. Всѣ сыновья, не отдѣленные раньше, выступаютъ съ равными правами на семейное имущество. Племянникъ, сирота живущій въ семьѣ, если отецъ его не былъ выдѣленъ, имѣетъ право на свою отцовскую долю, т. е. получаетъ столько-же, сколько его дяди или двоюродные братья. Женщины, какъ уже выше было упомянуто, устраняются отъ наслѣдованія. Послѣ смерти отца семья обыкновенно распадается, и происходитъ дѣлежъ, который, по словамъ г. Припузова, не сопровождается никакими обрядами или символическими дѣйствіями: обыкновенно для производства раздѣла созываются ближайшіе родственники, которые и дѣлятъ имущество между наслѣдниками. Предварительной оцѣнки имущества не производится. Родичи стараются уравнять доли наслѣдниковъ, но «отцовская юрта и



домашнее хозяйство остаются при младшемъ сынѣ, если онъ не выдѣленъ, въ противномъ случаѣ передается тому, кому отецъ пожелаетъ».

Не все имущество однако подвергается раздѣлу: часть его остается въ общемъ владѣніи сонаслѣдниковъ (невода, оттороженные выгоны и т. п.). Кромѣ того, прежде чѣмъ приступить къ раздѣлу, изъ общаго имущества выдѣляется особая часть на покрытіе долговъ или податной недоимки. Естественно, что пріемышъ, [1]) принятый въ домъ, при отсутствіи родныхъ сыновей, является наслѣдникомъ всего движимаго и недвижимаго имущества пріемнаго отца, такъ какъ усыновленіе совершается обыкновенно въ цѣляхъ имѣть наслѣдника. Каково положеніе пріемышей при наличности сыновей наслѣдниковъ, равно и незаконныхъ дѣтей, которыя иногда усыновляются, г. Припузовъ не сообщаетъ.

Очевидно, подъ вліяніемъ русскихъ развились у якутовъ письменныя духовныя завѣщанія. Но права завѣщателя располагать своимъ имуществомъ ограничены интересами его рода, который можетъ признать въ извѣстныхъ случаяхъ завѣщаніе недѣйствительнымъ. Въ настоящее время завѣщанія дѣлаются якутами какъ словесныя, такъ и письменныя, и касаются вопроса о распредѣленіи имущества между наслѣдниками. Вообще, повидимому, якуты любятъ и любили и въ прежнее время дѣлать предъ смертью распоряженія. Когда якутъ почувствуетъ приближеніе смерти, пишетъ напр. г. Щукинъ, онъ сзываетъ наслѣдниковъ и завѣщаетъ имъ продолжать знакомство съ такимъ-то, остерегаться такого-то, мстить такому-то и такому-то; при этомъ онъ подробно излагаетъ причины, и наслѣдники не проронятъ, не забудутъ, ни

---

[1]) Родители пріемыша, отдавъ его въ чужую семью, иногда требуютъ его обратно; они обязаны въ этомъ случаѣ уплатить пріемному отцу всѣ расходы по воспитанію пріемыша. Подъ вліяніемъ русскихъ у якутовъ стало развиваться презрительное отношеніе къ незаконнорожденнымъ. Въ прежнее время, при свободѣ отношеній, незаконныя дѣти не отдѣлялись отъ законныхъ. Въ настоящее время относительно незаконныхъ дѣтей у якутовъ существуетъ даже особая поговорка: ночью родился, въ омутѣ крестился, роса его постель, туманъ одѣяло. Дѣти, родившіеся внѣ брака у сестры, живущей при братьяхъ по смерти отца, считаются по словамъ г. Приклонскаго (Три года въ Якутск. обл., 80) „полноправными и наслѣдуютъ въ части имущества, принадлежащаго ихъ матери“.



одного слова, а когда самимъ придется умирать, передадутъ завѣщаніе своимъ наслѣдникамъ (l. c. стр. 41). На этой почвѣ словесныхъ распоряженій на случай смерти легко было привиться заимствованному у русскихъ обычаю дѣлать письменныя завѣщанія. Современный якутъ съ одинаковымъ уваженіемъ относится и къ письменному и къ словесному завѣщанію. Для первыхъ считается вполнѣ достаточной подпись священника, при вторыхъ требуется присутствіе наслѣдниковъ и родственниковъ. Душеприказчиковъ якуты не знаютъ.

Права завѣщателя въ распоряженіи имуществомъ крайне ограничены: само завѣщаніе сводится скорѣе къ предупрежденію споровъ при дѣлежѣ имущества.

Именно это соображеніе считается кн. Костровымъ (Юр. об. якутовъ, стр. 286) одной изъ главныхъ причинъ развитія у якутовъ обычая дѣлать словесныя завѣщанія. «Каждый якутъ знаетъ хорошо, что если онъ умретъ, не распредѣливъ подробно своего имущества между членами семьи, то это породитъ между ними нескончаемыя и разорительныя тяжбы, а потому словесныя завѣщанія между якутами—дѣло совершенно обыкновенное. Чувствуя приближеніе смерти или просто находясь въ тяжкой болѣзни, якутъ предъ всѣми членами семьи распредѣляетъ подробно, какую часть и чтó именно изъ имущества слѣдуетъ отдать женѣ, сыновьямъ, дочерямъ, пріемышамъ. Говоря о скотѣ, онъ упоминаетъ даже масть его». Убѣжденіе, что душа умершаго 40 дней остается въ жилищѣ, заставляетъ наслѣдниковъ точно выполнить завѣщаніе, тѣмъ болѣе, что къ раздѣлу имущества послѣ смерти отца приступаютъ обыкновенно весьма скоро послѣ смерти послѣдняго и до извѣстной степени къ улучшенію положенія вдовы. Такъ, мужъ при смерти, если у него остаются малолѣтнія дѣти, можетъ назначить свою жену большухой, онъ можетъ выдѣлить ей пай изъ своего имущества, можетъ выразить желаніе, чтобы приданое жены было возвращено ей. Но умирающій не имѣетъ права назначить кого нибудь наслѣдникомъ помимо лицъ, являющихся наслѣдниками въ силу своего кровнаго родства съ завѣщателемъ. Онъ не можетъ напр. лишить своихъ сыновей наслѣдства въ пользу одного

изъ сыновей, хотя бы онъ распоряжался только благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а не родовымъ; даже въ случаяхъ, когда у завѣщателя нѣтъ дѣтей, онъ не можетъ передать не только родового, но и благопріобрѣтеннаго имущества своей женѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ завѣщаніе признается недѣйствительнымъ; лишенные наслѣдства сыновья въ пользу одного изъ своихъ братьевъ, родичи, въ ущербъ которымъ завѣщатель оставитъ имущество своей вдовѣ, будутъ предъявлять свои права, и Родовое Управленіе или Инородная Управа, вѣдающія дѣла по наслѣдству, отнимутъ завѣщанное у сына или вдовы, чтобы раздѣлить его между наслѣдниками. Однимъ словомъ, духовное завѣщаніе считается недѣйствительнымъ, если законные наслѣдники лишены наслѣдства; оно исполняется только въ томъ случаѣ, когда наслѣдники и родственники останутся довольны волей завѣщателя. Допуская въ теоріи свободу распоряженія своимъ имуществомъ со стороны завѣщателя, родъ на практикѣ ограничиваетъ ее до крайней степени въ интересахъ родовой группы, охраняя права законныхъ наслѣдниковъ, экономическое благосостояніе которыхъ не можетъ быть чуждымъ всей родовой единицѣ. Въ этомъ правѣ не признавать дѣйствительность завѣщанія, если оно по понятіямъ рода не удовлетворяетъ въ равной степени законныхъ наслѣдниковъ, слѣдуетъ видѣть яркій примѣръ жизненности родового быта, которымъ, несмотря на измѣнившіяся условія, проникнутъ строй жизни якутовъ.

Наконецъ, родъ ограждаетъ и интересы сиротъ: опекунами, по словамъ г. Припузова, могутъ быть только ближайшіе родственники опекаемаго. Но если лицо, дѣлающееся въ силу близости родственныхъ узъ опекуномъ, почему нибудь не внушаетъ довѣрія къ себѣ, отъ него требуютъ представленія одного или двухъ поручителей въ томъ, что имущество опекаемое останется въ цѣлости. Приплодъ отъ скота, составляющаго имущество опекаемаго, остается въ пользу опекуна и не долженъ быть отдаваемъ опекаемому по достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія.

Обиліемъ земли, обширностью угодій, равно и полукоче-



вымъ характеромъ жизни якутовъ объясняется широкое примѣненіе у нихъ права захвата и вольнаго пользованія на землю. Земли «не принадлежащей никому» еще много; въ отношеніи къ ней допускается захватъ, причемъ постановка кольевъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что данный участокъ земли или рыбное угодье захвачено лицомъ. Но приведеніе захваченной земли въ культивируемое состояніе своимъ трудомъ и средствами даетъ права владѣнія на нее занявшему. (Ср. Кн. Костровъ, З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. VIII, Оч. юр. быта якутовъ, 285 и сл.; также и Вруцевичъ въ З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. XVII, вып. II, стр. 14 — 15). То же право пріобрѣтаетъ лицо, если оно построило домъ на занятомъ участкѣ. Поэтому, если кто посѣетъ на чужой землѣ, онъ долженъ заплатить владѣльцу плату равную арендной за засѣянный участокъ; также если кто-либо построилъ-бы домъ на землѣ, захваченной другимъ, онъ обязанъ или снести его или также уплатить арендную плату. Владѣлецъ однако не вправѣ запретить кому бы то ни было пользоваться дорогами, ведущими черезъ его поле: послѣднее отгорожено и на проѣзжающемъ лежитъ обязанность закрывать ворота изгороди по проѣздѣ. Пустопорожніе участки занимаются якутами преимущественно съ цѣлями воздѣлывать землю подъ хлѣбопашество или сѣнокосъ, или наконецъ для эксплоатаціи рыбнаго угодья. Право владѣнія на эти участки, основанное на захватѣ и трудѣ, гарантируется общиной. Но это право не распространяется на воду и на лѣсные участки: они остаются въ пользованіи всѣхъ членовъ общины, и владѣлецъ не имѣетъ права запретить брать воду изъ озеръ и рѣкъ, находящихся въ его участкѣ, собирать ягоды, рубить лѣсъ или охотиться на дикихъ звѣрей и птицъ.

Владѣющій участкомъ можетъ обратить въ свою пользу всякое приращеніе, происшедшее отъ наноса песка или ила къ занятому имъ берегу рѣки, однако только до средины рѣки; поэтому острова напр., возникающіе до средины рѣки отъ занятаго берега, входятъ eo ipso въ составъ занятаго участка.

Пахатныя земли, расчищенныя и воздѣланныя усиліями семьи, занявшей участокъ, равно и земля, занятая подъ усадьбу, не идутъ обыкновенно въ передѣлъ. Это объясняется

какъ вложеннымъ на устройство ихъ трудомъ, равно и тѣмъ, что земледѣліе до настоящаго времени еще не играетъ главной роли въ экономическомъ бытѣ якутской общины, которая, при господствѣ скотоводческаго хозяйства, охотно разрѣшаетъ отдѣльнымъ членамъ своимъ захватывать пустопорожніе участки и безпрепятственно владѣть ими. Но въ отношеніи къ покосамъ, значеніе которыхъ для общины, благодаря скотоводческому хозяйству, весьма велико, якуты подъ вліяніемъ системы взиманія податей выработали другіе, болѣе правильные пріемы пользованія, чѣмъ основанные на захватѣ. Въ отношеніи къ части покосныхъ мѣстъ у якутовъ изслѣдованнаго г. Припузовымъ округа установились передѣлы, которые совершаются на основаніи общественныхъ приговоровъ черезъ 10 лѣтъ и больше. Определенныхъ сроковъ для передѣловъ повидимому не существуетъ. Покосы обыкновенно дѣлятся на 3 разряда, и соотвѣтственно съ этимъ раскладываются повинности и подати, лежащія на отдѣльныхъ семьяхъ. Наиболѣе полномочные хозяева имѣютъ покосы 1-го разряда — 40 возовъ; 2-й разрядъ, принадлежащій зажиточнымъ—20 возовъ, и наконецъ 3-й разрядъ—для бѣдныхъ—10 возовъ. Лишь тѣ, кто имѣютъ покосы 1-го разряда, могутъ быть избираемы на должность родоначальника. Община зорко смотритъ, чтобы каждый якутъ былъ исправнымъ плательщикомъ и отбывалъ повинности; для отбыванія послѣднихъ позволяется нанимать другое лицо. У неисправныхъ плательщиковъ податей община отбираетъ покосный участокъ или часть послѣдняго и отдаетъ его въ аренду для покрытія недоимокъ [1]).

---

[1]) Г. Припузовъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія относительно мѣстныхъ мѣръ у якутовъ. Хотя въ общемъ якуты знакомы съ русскими мѣрами, но одновременно пользуются и своими. Такъ окружность стоговъ или длина веревки опредѣляется ими маховыми саженями — *былас*; шкуры крупныхъ животныхъ измѣряются подошвами — *улмуіах;* небольшіе предметы (узда, топорище и пр.) измѣряются захватомъ руки—*ту-тум*, или разстояніемъ отъ большого пальца руки до средняго—*харыс*. Толщина жира на тушахъ мяса измѣряется пальцами—*илм*. Длина дороги опредѣляется единицею, равной приблизительно 10-ти верстамъ—*кёсь*, слово которое, по словамъ г. Припузова, употребляется для выраженія: „перекочевывать или переѣзжать съ одного мѣста на другое со всѣмъ скотомъ и домашней утварью“, или деннымъ переходомъ—*кундюк*. Время дня опредѣляется,



Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ настоящее время земельная община родичей замѣнилась у якутовъ сосѣдской общиной, на которую и перешли нѣкоторыя права, прежде принадлежавшія родичамъ.

Кромѣ захвата, труда, приращенія, источниками правъ на имущество якуты признаютъ еще находку, мѣну, куплю и дареніе.

Находка даетъ право лицу на найденную вещь лишь подъ условіемъ, если послѣдняя res nullius. Въ противномъ случаѣ онъ обязанъ возвратить ее собственнику. Нашедшій имѣетъ право на вознагражденіе, находящееся въ соотвѣтствіи со стоимостью найденной вещи и усиліями и расходами, произведенными на храненіе вещи. О пригульномъ скотѣ необходимо заявить лицамъ, живущимъ по близости и, если между ними не найдется собственника, дается знать своему родоначальнику. За утайку находки виновный присуждается 1) къ уплатѣ стоимости присвоенной вещи и 2) къ возмѣщенію расходовъ, произведенныхъ собственникомъ для отысканія ея.

Мѣна распространена у якутовъ, причемъ объектомъ мѣны могутъ быть и земельные участки; обмѣнъ послѣдними производится съ вѣдома родоначальниковъ и общества; о совершившемся обмѣнѣ участками дѣлается запись въ особой книгѣ, въ которой записываются всѣ якутскіе «покосы съ показаніемъ названія каждаго урочища, границъ даннаго участка и количества выкашиваемаго сѣна», равно и разряда къ которому участокъ отнесенъ.

Купля-продажа совершается у якутовъ словесно въ присутствіи свидѣтелей (одного или двухъ). Иногда купля-продажа смѣшивается съ мѣной, продавецъ уговаривается съ покупателемъ, чтобъ за пріобрѣтаемую послѣднимъ вещь онъ уплатилъ опредѣленными предметами. У якутовъ мы встрѣчаемъ широко распространенное правило, что при покупкѣ лошадей недоуздокъ идетъ покупателю, а при покупкѣ коровы

наконецъ, въ соотвѣтствіи съ кочевнымъ скотоводческимъ бытомъ, временемъ удоя коровъ и кобылъ, а болѣе короткая единица, на которую дѣлится день — время, потребное для свaренія въ горшкѣ пищи—*кюёсь-быстына*.



веревка. Это правило, по словамъ кн. Кострова, не соблюдается, если животныя продаются на убой (стр. 287). Встрѣчается и обычай выдачи задатка, причемъ если покупатель замѣтитъ по выдачѣ задатка, что покупаемый предметъ негоденъ, онъ имѣетъ право отказаться отъ пріобрѣтенія и потребовать обратно задатокъ. Въ случаяхъ, когда проданный предметъ окажется чужой собственностью, купившій долженъ указать продавца, иначе она отбирается отъ него и возвращается собственнику. Споры, возникаюшіе изъ купли-продажи, разбираются родоначальниками, причемъ послѣдніе, въ случаяхъ спора о количествѣ или качествѣ проданнаго имущества, обращаются къ рѣшенію посредниковъ.

Дареніе примѣняется преимущественно при свадьбѣ. Подарки, сдѣланные молодымъ, составляютъ личное имущество ихъ, которое и слѣдуетъ за ними при выдѣлѣ молодого изъ родительской семьи. Эти подарки даются молодымъ обыкновенно во время совершаемаго ими по истеченіи года послѣ свадьбы объѣзда родныхъ невѣсты, которые во время свадьбы получили подарки. Молодые везутъ съ собой водку и разные предметы угощенія. Подарокъ молодымъ по обычаю долженъ превышать полученный при свадьбѣ. Отдарки настолько въ настоящее время вошли въ обычай, что, по словамъ г. Припузова, если кто получитъ подарокъ и не отдаритъ, то подарокъ долженъ быть возвращенъ.

Долговыя обязательства обезпечиваются поручительствомъ или залогомъ скота. Поручитель получаетъ въ качествѣ вознагражденія или подарокъ или 2% съ суммы обязательства. Долгъ, заключенный подъ вліяніемъ обмана или въ нетрезвомъ состояніи, не признается дѣйствительнымъ. Даже если его заключитъ большакъ, то семья его можетъ требовать уничтоженія обязательства. Недѣйствительными считаются и карточные долги, все равно, былъ ли проигравшій трезвъ или нетрезвъ во время игры. Неисправный должникъ присуждается родоначальниками не только къ уплатѣ долга, но и къ уплатѣ % съ долга накопившихся за время, истекшее между срокомъ платежа и судоговореніемъ, равно и расходовъ, понесенныхъ кредиторомъ по вчинанію иска. Въ маловажныхъ случаяхъ родоначальники ограничиваются тѣмъ, что въ обез-

печеніе долга берутъ у неисправнаго должника лишнюю одежду.

Обычное право якутовъ вступаетъ въ настоящее время въ новый фазисъ развитія. Собрать подробныя свѣдѣнія объ остаткахъ древняго строя жизни якутовъ, отмѣтить видоизмѣненія архаичныхъ нормъ подъ вліяніемъ нарождающихся новыхъ условій и уловить процессъ зарожденія и развитія новыхъ основъ правового быта якутовъ должно составить ближайшую и необходимую задачу современныхъ изслѣдователей быта этой интересной народности.

Н. Харузинъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА МУЗЫКУ [1]).

Въ послѣднее время много говорятъ о русской музыкѣ, о русской музыкальной школѣ. Этотъ терминъ, конечно, хорошо извѣстенъ публикѣ.

Называя того или другого изъ нашихъ композиторовъ, говорятъ, что такой-то—несомнѣнный представитель русскаго направленія въ музыкѣ, а что въ такомъ-то, хотя и отличномъ музыкантѣ, русскаго ничего нѣтъ, и что пишетъ онъ по общепринятой манерѣ, независимо отъ того, пользуется онъ или нѣтъ русскими мотивами или сюжетами.

И дѣйствительно, чтобы принадлежать къ этой школѣ, нѣтъ надобности непремѣнно брать оперные сюжеты изъ русской жизни или писать музыку на русскіе мотивы, — нѣтъ, духъ этой школы сказывается въ общей манерѣ сочиненія, въ пріемахъ и вкусахъ композитора, — и это прекрасно чувствуется всякимъ внимательнымъ и чуткимъ слушателемъ. Такъ, къ русскому стилю несомнѣнно относятся многіе романсы Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, хотя написанные и не на русскіе сюжеты («пѣсня Маргариты» Глинки, «Паладинъ» Даргомыжскаго, прелестная «колыбельная» Чайковскаго), симфоническія поэмы Римскаго-Корсакова, квартетъ и симфоніи Бородина и мн. др. Наоборотъ, такой крупный талантъ, какъ Рубинштейнъ, напр., никогда не могъ освоиться съ русскимъ стилемъ; не могутъ осилить его и нѣкоторые изъ другихъ, живущихъ въ Россіи, композиторовъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы оперу «Дубровскій» Направника. Написана она на русскій сюжетъ, многіе мотивы

[1]) Читано 14 апр. 1898 г. въ публичномъ засѣданіи Этнограф. Отдѣла Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ея взяты изъ русскихъ пѣсенъ, а тѣмъ не менѣе русскаго въ этой оперѣ нѣтъ и слѣдовъ: ея русскіе мотивы кажутся намъ совсѣмъ не русскими, да и вся обработка ихъ совершенно не подходитъ къ стилю нашей музыки.

Не только у насъ, но и за границей, или вѣрнѣе, еще больше за границей, чѣмъ у насъ, признается русская музыка за отдѣльную, самостоятельную школу. На нее смотрятъ какъ на оригинальный и цѣнный вкладъ въ общеевропейскую музыкальную сокровищницу, и она пріобрѣтаетъ все большій и большій кругъ поклонниковъ и цѣнителей. Чѣмъ же русская музыка отличается отъ музыки западной? Что внесла она новаго? Чѣмъ подкупаетъ она иностранцевъ? На самомъ дѣлѣ наша музыка та же, что и на Западѣ, и по существу ничѣмъ не отличается отъ послѣдней. Стоитъ она на той же почвѣ и полностью восприняла въ себя весь богатый матеріалъ западнаго музыкальнаго искусства со всѣми тонкостями западной техники.

Основы у русской музыки тѣ-же, что и у западной, да другихъ и быть не могло. Какъ совершенное искусство, какъ продуктъ художественнаго творчества, облеченный въ наиболѣе совершенныя формы, европейская музыка, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, является единственно возможной. Русская школа отличается отъ другихъ музыкальныхъ школъ развѣ только своею молодостью. Народилась она, такъ сказать, на дняхъ, почти на нашихъ глазахъ. Возникла она лишь съ Глинкой. До него, хотя и встрѣчались рѣдкія попытки, притомъ попытки очень слабыя, создать нѣчто самостоятельное, русской музыки совсѣмъ не было. Но даже и при жизни Глинки и первое время послѣ его смерти русская музыка оставалась почти неизвѣстной за границей, а у насъ и вовсе не признавалась. Требованія на самостоятельное существованіе стала она заявлять только съ 60-хъ годовъ, одновременно съ подъемомъ всей русской жизни. Тогда то появился кружокъ молодыхъ и талантливыхъ музыкантовъ, въ насмѣшку прозванный «могучей кучкой», которые сознательно пошли по дорогѣ, указанной Глинкой, и явились зерномъ современной русской музыкальной школы. Полнаго же своего разцвѣта она достигла лишь въ самые послѣдніе годы,

когда нѣсколько поостылъ юношескій задоръ, свойственный всякому новому и живому начинанію, и явилось сознаніе необходимости серьезной и всесторонней подготовки. Только вооружившись всей силой музыкальнаго знанія, полностью овладѣвъ выработанною на западѣ техникой, русскіе композиторы могли выступить на новый путь, обогативъ музыку особенностями своего національнаго склада и внеся тѣ новшества, которыя отмѣтили ее своею особенною печатью.

Но внесеніе національныхъ чертъ въ искусство еще не особенная заслуга. Какъ и всякое искусство, музыка каждаго народа отмѣчена особенностями, свойственными его народному духу. Всякій образованный человѣкъ, даже не обладающій музыкальными знаніями, легко распознаетъ музыку нѣмецкую, французскую, итальянскую и т. д. Онъ прямо охарактеризуетъ нѣмецкую музыку глубокой, содержательной, ученой; французскую—элегантной, пикантной; итальянскую—пѣвучей, легко доступной; скандинавскую туманной, но полной задушевности; и русскому народу свойственны черты, выработанныя его исторіей и его народнымъ темпераментомъ, черты то безъисходной тоски, то неудержимой удали. Однако подобнаго рода общая, трудно опредѣлимая національная окраска, хотя и вноситъ разнообразіе въ искусство, не даетъ ничего существенно новаго. Сама по себѣ, одна такая и притомъ неизбѣжная окраска не могла-бы выдѣлить русскую музыку въ отдѣльную школу. Заслуга русскихъ композиторовъ въ томъ, что въ основу обще-европейской музыки они положили складъ своей народной пѣсни съ ея мелодическими и ритмическими особенностями; особенности же эти настолько своеобразны и значительны, что явились живымъ и богатымъ вкладомъ въ искусство.

Какъ извѣстно, русская музыка, продуктъ, такъ сказать, послѣднихъ дней; въ формѣ самостоятельнаго искусства она въ старину не существовала. Въ старой Руси то, что можно отнести къ области музыки, либо входило въ кругъ церковнаго обихода, либо сосредоточивалась въ рукахъ бродячихъ пѣвцовъ да скомороховъ. Положимъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ такъ было и на западѣ. Но разница въ томъ, что у насъ церковное пѣніе, перешедшее къ намъ изъ Византіи и

принявшее со временемъ національную окраску, на долгіе вѣка такъ и застыло въ разъ установленномъ складѣ; наши церковныя пѣснопѣнія, красивыя и очень характерныя сами по себѣ, остались незыблемыми въ своей первобытной простотѣ, не положивъ начала свободному, изъ себя развивающемуся искусству. Не то было на западѣ. Тамъ церковное пѣніе, въ основу котораго легли сходные съ нашими мотивы, подъ оживляющимъ вѣяніемъ эпохи возрожденія, быстро дало живые ростки; ростки эти мало по малу оплели основной церковный напѣвъ (cantus firmus) цѣлой паутиной контрапунктическихъ хитросплетеній и, наконецъ, освободившись отъ церковныхъ узъ, вышли на свою собственную дорогу, которая и привела къ современному музыкальному искусству. То-же случилось и со свѣтскимъ пѣніемъ. Подъ гнетомъ тѣхъ мертвящихъ условій, при которыхъ складывалась жизнь старой Россіи, изъ нашихъ скомороховъ никоимъ образомъ не могли выработаться менестрели и минезингеры запада.

При такомъ полномъ отсутствіи музыкальнаго искусства, вся музыка у насъ исключительно сосредоточивалась въ народной пѣснѣ. Мѣсто композиторовъ и музыкантовъ теоретиковъ у насъ занялъ народъ со своимъ непосредственнымъ творчествомъ. Не стѣсняемое никакимъ руководствомъ, не соблазняемое никакими прелестями изящнаго искусства, оно тѣмъ свободнѣе развивалось, выразившись въ пѣснѣ, равной которой по своеобразной, чарующей красотѣ нигдѣ не найти. Когда у насъ сознательнѣе стали относиться къ нашей жизни и къ нашей исторіи, когда принялись за записываніе и собираніе пѣсенъ, въ нихъ открыли неизсякаемый источникъ народнаго творчества. Богатство и разнообразіе пѣсенъ былинныхъ, обрядовыхъ, лирическихъ, плясовыхъ и пр. просто изумительны. Не удивительно, что народная пѣсня вдохновила нашихъ композиторовъ. Ея-то духъ они и внесли въ музыку, обогативъ послѣднюю мелодическими оборотами, гармоническими и даже контрапунктическими пріемами, заимствованными изъ пѣсеннаго склада. Этимъ они придали русской музыкѣ тотъ своеобразный характеръ, который столь обаятельно дѣйствуетъ на иностранцевъ.

Русская пѣсня, сама по себѣ, уже давно стала заинтересовывать общество не только у насъ, но и за границей; она даже непосредственно вдохновляла нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ музыкантовъ, и притомъ изъ наиболѣе выдающихся, какъ Бетховенъ, напр., или Россини.

Россини въ своемъ «Севильскомъ Цирульникѣ» воспользовался русской пѣснью, хотя-бы и солдатскаго пошиба (въ финальномъ тріо, а кромѣ того въ каватинѣ экономки доктора Бартоло, для которой онъ взялъ солдатскую пѣсню «Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить».). Бетховенъ же прибѣгъ къ нашей народной пѣснѣ въ своихъ самыхъ глубокихъ и совершенныхъ созданіяхъ, въ двухъ квартетахъ изъ серіи ор. 59, посвященной графу Разумовскому, а именно, въ финалѣ *F*-дурнаго квартета и въ тріо скерцо *E*-мольнаго. Мало того, въ тріо скерцо знаменитой 9-ой симфоніи тема—чисто русскаго пошиба.

Но это были все-же исключительныя явленія. Всю первую половину нынѣшняго столѣтія иностранной публикѣ нравились наши пѣсни въ неумѣлой передѣлкѣ записывателей и композиторовъ доглинкинскаго періода, людей рабски связанныхъ школьными предписаніями узкой музыкальной теоріи, да притомъ и мало искусившихся въ техникѣ. Это были по большей части тѣ псевдо-народные, жестокіе романсы, теперь по достоинству почти забытые, въ родѣ «Вотъ на пути село большое», «Красный Сарафанъ» и т. п., которыми услаждались еще наши бабушки. Дѣйствительнымъ же откровеніемъ для иностранцевъ духъ русской пѣсни явился только тогда, когда онъ предсталъ въ истинно художественныхъ формахъ, въ оправѣ высокой европейской техники. Только тогда русская музыка могла по заслугамъ занять подобающее ей мѣсто. Случилось-же это, повторяемъ, на нашихъ глазахъ. Еще недавно она обращала на себя вниманіе лишь отдѣльныхъ передовыхъ музыкантовъ Запада, какъ Листъ, Бюловъ; теперь-же она стала общимъ достояніемъ, и многіе изъ нашихъ композиторовъ, Бородинъ, напр., даже больше извѣстны и цѣнятся въ Германіи, чѣмъ у насъ. Многіе ли у насъ знаютъ хотя бы его симфоніи? а между тѣмъ онѣ не сходятъ съ концертнаго репертуара въ Германіи.

Какія-же это особенности духа русской пѣсни, которыя могли такъ воздѣйствовать на музыку и дать толчекъ къ образованію самостоятельной музыкальной школы?

Если внимательно прислушиваться къ пѣснѣ, какъ она поется въ народѣ, легко подмѣтить въ ней такіе ритмическіе пріемы, такія звуковыя соотношенія и обороты, которые записать бываетъ трудно, а иной разъ почти невозможно: они или съ трудомъ, или совсѣмъ не укладываются въ существующія музыкальныя формулы. Мало того, если въ народъ попадаетъ какой нибудь романсъ или сочиненная пѣсня, то и имъ неизбѣжно придаетъ онъ такой своеобразный обликъ, что подчасъ знакомый романсъ или пѣсня становятся для насъ совсѣмъ неузнаваемыми. Эти звуковыя соотношенія потому такъ чужды современной музыкѣ, что построены на тонахъ и интервалахъ, нынѣ въ послѣдней мало или вовсе неупотребительныхъ.

Народная пѣсня зиждется на звукорядѣ естественномъ, на естественномъ, натуральномъ тонѣ; музыка же наша—на звукорядѣ искусственномъ, на гаммѣ, и на тонахъ, подлаженныхъ къ этой гаммѣ. Такой особенный строй народной пѣсни придаетъ ей характеръ какъ-бы архаизма, нѣсколько чуждый намъ, но полный неизъяснимой прелести. Отъ русской пѣсни вѣетъ сѣдой стариной, ибо въ старину иной, кромѣ сходной по строю съ нашей народной пѣснью, музыки не было. Архаическій, первобытный складъ пѣсни не есть какая либо исключительная особенность русскаго народа; складъ этотъ свойственъ всѣмъ народамъ, стоящимъ на извѣстной степени культуры. По крайней мѣрѣ, такая пѣсня несомнѣнно была у всѣхъ европейскихъ народовъ, разумѣется, у каждаго изъ нихъ получившая свойственную ему національную окраску. Только на Западѣ она почти забыта, у насъ-же сохранилась полностью.

Подъ вліяніемъ культуры и постепеннаго развитія музыкальнаго искусства, пѣсня на Западѣ мало по малу исчезала, замѣняясь продуктами индивидуальнаго творчества. Чѣмъ выше культура народа, тѣмъ полнѣе исчезновеніе пѣсни. Въ Германіи, напр., народъ давно уже не поетъ своихъ пѣсенъ: онѣ имъ окончательно забыты. Нынѣшнія Volkslieder въ сущ-

ности— обыкновенные романсы или сочиненныя пѣсни, пользующіяся только въ народѣ большою популярностью. Въ замѣнъ настоящей народной пѣсни нѣмецкому народу стали вполнѣ доступны всѣ, даже высшія произведенія музыкальнаго искусства; пѣсня и романсъ Шуберта, оперная арія, квартетъ голосовой или струнный—теперь явленія, заурядныя въ нѣмецкой деревнѣ. Первобытная пѣсня еще сохранилась въ Европѣ только у народовъ, наименѣе затронутыхъ культурой, у славянъ, въ особенности въ Россіи, гдѣ она получила наибольшій разцвѣтъ; ее вы найдете и у болгаръ, и у сербовъ, и у поляковъ. Не трудно подмѣтить слѣды ея даже у славянъ, вполнѣ охваченныхъ европейской культурой, у чеховъ, у лужичанъ. Полнѣе сохранилась она и въ наиболѣе консервативныхъ пунктахъ Запада, въ Бретани, напр., у басковъ. Благодаря трудамъ французскаго музыканта и талантливаго собирателя старинныхъ пѣсенъ, Бурго Дюкудре, мы имѣемъ очень интересный сборникъ бретонскихъ пѣсенъ: ему-же мы обязаны и прекраснымъ сборникомъ новогреческихъ пѣсень, очевидно сложившихся подъ вліяніемъ славянъ и народовъ Востока.

Какъ мы уже сказали, строй, легшій въ основу народныхъ пѣсень, служилъ основаніемъ и для музыки древнихъ и среднихъ вѣковъ. Весь древне-классическій міръ другого строя не зналъ; въ древней же Греціи онъ былъ подвергнутъ солидной и обстоятельной теоретической обработкѣ. Музыка тамъ была построена на строгой и стройной системѣ, благодаря которой достигла возможнаго для древняго міра совершенства. Съ распространеніемъ христіанства этотъ строй и теоретическая его постановка перешли въ западную церковь и прекрасно сжились съ нею. Въ IV-мъ вѣкѣ св. Амвросій окончательно узаконилъ греческій строй для церковныхъ пѣснопѣній, а затѣмъ въ VI-мъ вѣкѣ папа Григорій Великій дополнилъ и развилъ въ духѣ греческой-же музыки совершенное св. Амвросіемъ. Такимъ образомъ греческіе лады: дорійскій, фригійскій, миксолидійскій, гиподорійскій и др., стали вмѣстѣ съ тѣмъ и церковными ладами; такими они слывутъ и понынѣ. Греческій строй и греческіе церковные напѣвы, черезъ Византію, перешли и въ нашъ церковный

обиходъ. Народъ скоро освоился съ ними, такъ какъ по существу они соотвѣтствовали складу, на которомъ сложилась и его собственная пѣсня. Церковные напѣвы даже оказали нѣкоторое вліяніе на народное творчество; по крайней мѣрѣ вліяніе это замѣтно отразилось на такъ называемыхъ духовныхъ стихахъ (Алексѣй, Божій человѣкъ; Егорій храбрый и пр.).

Чтобъ уяснить нѣсколько опредѣленнѣе, показать нагляднѣе характеръ русской пѣсни, ея строй и отличіе этого строя отъ строя современной музыки, необходимо затронуть, хотябы въ общихъ чертахъ, техническую сторону вопроса. Постараемся не выходить изъ области чисто элементарныхъ понятій, такъ какъ болѣе спеціальныя и точныя подробности едва-ли будутъ интересны и вразумительны для всякаго непосвященнаго.

Какъ извѣстно, строй современной намъ музыки основанъ на искусственныхъ тонахъ, а не натуральныхъ, какъ было прежде. Конечно, замѣна натуральныхъ тоновъ искусственными происходила постепенно, вызываемая развивающимися и все усложняющимися требованіями вкуса и слуховыхъ ощущеній; теорія, какъ всегда, только узаконила и упорядочила то, что само собой установилось практикой. Такое теоретическое установленіе совершилось сравнительно недавно, и наша музыка, которая стала теперь всеобщимъ достояніемъ и настолько сроднилась съ нами, что мы иной музыки и представить себѣ не можемъ,—на самомъ дѣлѣ явленіе очень молодое. Насчитываетъ она себѣ меньше двухъ столѣтій; слѣдовательно, возникла она лишь тогда, когда другія искусства давно уже достигли своего полнаго разцвѣта. Начало нашей музыки положилъ извѣстный французскій музыкантъ и ученый Рамо, дѣятельность котораго принадлежитъ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Онъ родился въ 1683 г., ум. въ 1764. Имъ впервые введенъ былъ выровненный, такъ называемый *темперованный* строй, сначала, въ видѣ опыта, не равномѣрно темперованный, а потомъ равномѣрный. Дѣло Рамо было довершено Себастіаномъ Бахомъ; сынъ же послѣдняго Эммануилъ Бахъ, первоклассный виртуозъ своего времени на клавирѣ, совсѣмъ уже не признавалъ иного строя, кромѣ темперованнаго. Произведенной реформой и

объясняется общее названіе фортепіанныхъ фугъ во всѣхъ тонахъ Себ. Баха, хорошо извѣстныхъ каждому піанисту: *Clavecin bien temperé* (*Wohltemperirtes Clavier*, вполнѣ темперованный клавиръ).

Въ основу новаго, темперованнаго строя положена нынѣшняя гамма, состоящая, какъ извѣстно, изъ 5-ти цѣлыхъ тоновъ и 2-хъ полутоновъ, размѣщенныхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ: 2 цѣлыхъ тона, 1 полутонъ, 3 цѣлыхъ и опять 1 полутонъ. При этомъ всѣ полутоны по всей музыкальной скалѣ установлены, въ противность естественному строю, совершенно одинаковые. Начальный тонъ гаммы названъ *тоникой*. Съ какого бы тона скалы тонику ни взять, гамма строится въ томъ-же разъ установленномъ порядкѣ. Отсюда всѣ гаммы, въ какомъ бы тонѣ онѣ ни были, являются вполнѣ одинаковыми. Главнымъ же новшествомъ было введеніе 7-ой ступени, такъ называемаго теперь *вводнаго* тона (*Leitton*, *note sensible*), котораго прежде совсѣмъ не существовало. Этотъ тонъ ведетъ изъ 7-ой ступени въ послѣднюю, въ 8-ую, которая въ свою очередь является тоникой, или 1-ой ступенью новой, слѣдующей по высотѣ, гаммы.—Рядомъ съ этой основной гаммой, въ которую вошли многіе изъ элементовъ стариннаго строя, установлена была еще одна производная, съ пониженной терціей; т. е. второй интервалъ, состоящій въ основной гаммѣ изъ цѣлаго тона, превращенъ въ полутонъ, а полутонъ, находившійся между третьей и четвертой ступенями, замѣненъ цѣлымъ тономъ. Первая гамма называется *мажорной*, а вторая — *минорной*. Но такъ какъ въ минорной гаммѣ явился между 7-ой и 8-ой ступенями вмѣсто полутона цѣлый тонъ, то, чтобы не лишить этой гаммы вводнаго тона, безъ чего наша гамма немыслима, вынуждены были повысить 7-ю ступень. Вслѣдствіе такого произвольнаго повышенія установился между 6-ю и 7-ю ступенями чрезмѣрный интервалъ въ $1^1/_2$ тона. Чтобы смягчить такой не совсѣмъ удобный для пѣнія промежутокъ, на ряду съ этой минорной гаммой, называемой гармонической, образовали еще другую—мелодическую, въ которой въ поступающемъ порядкѣ повышаютъ вмѣстѣ съ 7-ой и 6-ую ступень, а въ обратномъ порядкѣ обѣ эти ступени возстановляютъ въ

прежнемъ видѣ. Минорныя гаммы, какъ видите, имѣютъ особенно дѣланный, искусственный характеръ. Ничего подобнаго въ прежней музыкѣ не было; да и вообще различія между мажорнымъ ладомъ и минорнымъ не существовало.

Не смотря на такую искусственность современнаго музыкальнаго строя, темперація оказала громадную услугу. Она совершила полный переворотъ въ музыкѣ. Безъ нея мы до сихъ поръ еще сидѣли-бы исключительно на контрапунктическихъ ухищреніяхъ да на топорныхъ гармоническихъ ходахъ. Благодаря темпераціи, явилась несравненно большая свобода голосоведенія, вращавшагося по прежнимъ правиламъ въ очень тѣсныхъ рамкахъ; явилось все богатство, все разнообразіе гармоніи и модуляціи. Безъ нея не было бы у насъ ни Бетховена, ни Шумана, ни Шопена, ни Глинки,—словомъ, музыка не могла бы стать истиннымъ, вполнѣ свободнымъ искусствомъ и достигнуть настоящаго своего совершенства.

Тѣмъ не менѣе, темперація, принятая нашей музыкой, сама по себѣ—дѣло совершенно условное. Она въ прямой зависимости отъ болѣе или менѣе развитого вкуса, отъ тонкости эстетическихъ потребностей, отъ слуховыхъ ощущеній, вообще не отличающихся безусловной стойкостью. Условія эти могутъ измѣниться, съ ними измѣнятся и требованія, предъявляемыя нами музыкѣ.

Въ природѣ же темперованныхъ тоновъ нѣтъ. Въ естественномъ звукорядѣ, въ послѣдовательномъ рядѣ естественныхъ, такъ называемыхъ, натуральныхъ тоновъ нѣтъ вполнѣ одинаковыхъ полутоновъ, слѣдовательно не существуетъ нынѣ общепризнанныхъ гаммъ, не можетъ быть въ чистомъ видѣ ладовъ, называемыхъ мажоромъ и миноромъ.

Если-бы изъ такихъ натуральныхъ тоновъ мы попытались построить гамму, то вышло бы нѣчто неудобовоспринимаемое нашимъ слухомъ: многіе изъ интерваловъ звучали бы фальшиво, 7-го же, вводнаго тона, главнымъ образомъ характеризующаго гамму, не оказалось бы вовсе. Само собою, приспособивъ слухъ, не трудно брать голосомъ натуральные тоны, такъ какъ тонкій слухъ легко различаетъ оттѣнки темпераціи; можно ихъ дать также на скрипкѣ, напр., или на духовомъ мѣдномъ инструментѣ, валторнѣ, трубѣ; но для

другихъ инструментовъ, въ особенности клавишныхъ, какъ фортепіано, натуральные тоны совершенно невозможны.

А между тѣмъ нашъ народъ поетъ именно въ этихъ натуральныхъ тонахъ. Нѣтъ спора, и у него встрѣчаются пѣсни, которыя легко приспособить къ нашему мажорному строю, но въ большинствѣ онѣ совсѣмъ не выносятъ температіи. Во всякомъ случаѣ, на сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одной старинной, т. е. не дѣланной пѣсни, которую можно было бы втиснуть въ рамки такой искусственной гаммы, какъ минорная. Вопреки ходячему мнѣнію, будто общій характеръ нашихъ пѣсенъ минорный, на дѣлѣ народъ минора не знаетъ.

Какъ мы уже говорили, строй народной пѣсни по существу своему подходитъ къ строю, на которомъ развилась музыка классической древности.

Такъ какъ древне-греческая музыка была обоснована на строгой системѣ, логически и до тонкостей разработанной, то мы и воспользуемся ея теоретическими выводами для уясненія строя русской народной пѣсни. Древняя музыка была основана не на гаммѣ, какъ у насъ, а на четырезвучіи, на послѣдовательномъ рядѣ четырехъ тоновъ, на такъ называемомъ *тетрахордѣ*. Тогда какъ гаммы наши всѣ одинаковы, тетрахорды рѣдко сходны одинъ съ другимъ. Помимо неодинаковости натуральныхъ интерваловъ, происходитъ это и отъ неустойчиваго положенія въ тетрахордахъ полутоннаго интервала. Въ каждой гаммѣ полутоны обязательно находятся между 3-й и 4-й ступенями и между 7-й и 8-й; въ тетрахордахъ же положеніе полутоновъ мѣняется: полутонъ падаетъ то между 3-й и 4-й ступенями, то между 2-й и 3-й, то между 1-й и 2-й.

Въ самый разцвѣтъ греческой музыки было установлено много тетрахордовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ носили, повидимому, чисто теоретическій характеръ и едва-ли примѣнялись на практикѣ. Каждый тетрахордъ имѣлъ свой ладъ и носилъ особое названіе. Основными же изъ этихъ тетрахордовъ и ладовъ можно признать три: лидійскій, фригійскій и дорійскій (беремъ древнегреческія наименованія); въ первомъ изъ нихъ полутонъ падаетъ на послѣдній интервалъ,

въ третьемъ—на первый, а во второмъ находится по срединѣ.

Мы не станемъ входить въ дальнѣйшій разборъ древнегреческой музыкальной теоріи, чтобы не утруждать вниманіе сухими техническими подробностями; и сказаннаго будетъ достаточно для уясненія данныхъ, опредѣляющихъ особенности русской пѣсни. Добавимъ только, что изъ названныхъ тетрахордовъ, нѣкоторыхъ добавочныхъ и взаимныхъ комбинацій между ними строились звукоряды въ 7, 10 и больше тоновъ.

Какого характера была музыка, основанная на такихъ началахъ, мы можемъ до нѣкоторой степени судить по церковно-музыкальнымъ сочиненіямъ Запада Среднихъ Вѣковъ; но только до извѣстной степени, потому-что, за исключеніемъ теоретическихъ трактатовъ, мы не имѣемъ ни единаго достовѣрнаго образца музыкальнаго творчества классической древности.

Въ началѣ церковное пѣніе было унисонное. Со временемъ, подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, а главное, подъ вліяніемъ пѣвцовъ, унисонъ сталъ мало по малу нарушаться. Пѣвцы позволяли себѣ вольности; они то разукрашивали данную церковную мелодію (*cantus firmus*) фигураціями, то позволяли себѣ нѣсколько видоизмѣнять основную тему, не уклоняясь однако отъ общаго строя. На ряду съ *cantus firmus*, поручаемымъ всегда тенору, все большее и большее значеніе стали пріобрѣтать побочные голоса, изъ сочетанія которыхъ потомъ и развился контрапунктъ. Въ концѣ концовъ основной мотивъ совсѣмъ затеривался среди многоголосія, такъ что почти не улавливался слухомъ. Но какъ ни усложнялось бы голосоведеніе, какія многозвучія ни получались бы изъ совмѣстнаго веденія многихъ голосовъ, послѣдніе все-же не уклонялись отъ натуральнаго строя, а потому не переходили въ тѣ гибкія и свободно льющіяся гармоническія сочетанія, которыми такъ богата современная музыка. Настоящей гармоніи все-таки не было. Многіе гармоническіе ходы, которые представляются намъ столь естественными и благозвучными, какъ напр., ходы терціями и секстами, долго не допускались, такъ какъ парал-

лелизмъ терцій и секстъ, взятыхъ въ натуральныхъ, не приспособленныхъ, не темперованныхъ тонахъ, вызывалъ неудобовоспринимаемыя слухомъ сочетанія. Натуральностью строя древней музыки объясняется также тотъ странный на нашъ взглядъ фактъ, что мелодія не прямо изъ себя произвела гармонію, какъ казалось бы естественнымъ, а лишь черезъ посредство контрапункта, что контрапунктъ предшествовалъ гармоніи.

Все сказанное о греческой и средневѣковой церковной музыкѣ вполнѣ примѣнимо и къ нашей народной пѣснѣ. Нашъ народъ поетъ тоже въ натуральномъ строѣ, а потому модуляція въ пѣсняхъ совсѣмъ отсутствуетъ; гармонизаціи же онѣ поддаются съ большой натяжкой. По существу, если пѣсня поется многими заразъ, хоромъ, она должна пѣться въ унисонъ. Но хорошіе пѣвцы, вполнѣ освоившіеся съ пѣсеннымъ складомъ, позволяютъ себѣ вольности, дѣлаютъ украшенія, видоизмѣняютъ тему; вслѣдствіе этого голоса въ хорѣ раздваиваются, расходятся и въ итогѣ получается нѣчто вродѣ своеобразнаго контрапункта, который не нашелъ только своего теоретика, чтобъ привести все это въ систему, какъ было сдѣлано на западѣ относительно церковнаго пѣнія. Эти прикрасы и видоизмѣненія основного напѣва слывутъ въ народѣ *подголосками*, и терминъ этотъ былъ вполнѣ удачно зарегистрованъ покойнымъ Ю. Н. Мельгуновымъ. Подобно контрапункту западнаго строгаго стиля, и нашъ народный контрапунктъ, сколькими подголосками пѣсня ни украшалась бы, не вызываетъ однако безусловной необходимости гармонической конструкціи. Гармонія, порождаемая сочетаніями подголосковъ съ пѣсней, очень бѣдна и вращается въ довольно тѣсныхъ рамкахъ. Мало того, пѣсня никогда не поется разноголосно съ начала до конца; голоса расходятся только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ мѣстахъ пѣсни. Словно соблюдаются извѣстныя, установленныя правила, никѣмъ и нигдѣ, конечно, не формулированныя, но хорошо сознаваемыя пѣвцами. Внимательно прислушиваясь къ хоровымъ народнымъ пѣснямъ, нетрудно подмѣтить, что унисонъ является всегда обязательнымъ въ началѣ пѣсни, въ ея концѣ, а также и въ полузаключеніяхъ (полука-

дансахъ), если таковыя попадаются въ серединѣ пѣсни. Въ этихъ мѣстахъ пѣсни намъ, по крайней мѣрѣ, не доводилось слышать разноголосія. Кромѣ того, существуютъ пѣсни, которыя никакого разноголосія не допускаютъ и поются по большей части однимъ лицомъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ своеобразенъ строй народной пѣсни и какъ сильно уклоняется онъ отъ общепринятаго въ музыкѣ. Но на ряду съ этимъ пѣсня отличается и другими особенностями, не менѣе важными, особенностями ритмическаго свойства. Пѣсенный напѣвъ всегда тѣсно и неразрывно связанъ съ текстомъ; одинъ безъ другого совершенно не мыслимъ. Слѣдя за всѣми оборотами поэтической пѣсенной рѣчи, напѣвъ сливается съ нею во едино и воспринимаетъ въ себя все разнообразіе, всю гибкость ея поворотовъ. На первый взглядъ получается словно безграничная, ни въ какія рамки не укладывающаяся вольность конструкціи. Но это только на первый взглядъ. Дѣйствительно, многія пѣсни вовсе нельзя подвести подъ общеустановленныя ритмическія правила, нельзя ихъ втиснуть въ общепризнанныя тактовыя дѣленія. Слѣдуетъ-ли изъ этого, однако, чтобы народныя пѣсни были совершенно безформенны? Узаконенная въ нашей музыкѣ ритмика вовсе не представляетъ собой чего либо незыблемаго, абсолютнаго, чтобы искать въ ней безусловно вѣрной мѣрки. Эта ритмика такъ-же условна, какъ сама музыка, какъ условны музыкальныя теоретическія правила и законы. Не слѣдуетъ забывать, что долгое время музыка не знала дѣленія на такты, что такого дѣленія не знаетъ и наше церковное обиходное пѣніе. Если отнестись къ пѣснѣ безъ предвзятыхъ теоретическихъ взглядовъ, не трудно прійти къ заключенію, что въ ней всегда соблюдается размѣръ, хотя размѣръ подчасъ и своеобразный. Разчленяя пѣсни, мы найдемъ въ нихъ не только своеобразіе ритмовъ, но и необычайное ихъ разнообразіе. Такого богатства ритмовъ совершенно лишено современное наше музыкальное искусство. Нѣкоторые ритмы русской народной пѣсни употреблялись, однако, древнегреческой музыкой и даже получили теоретическое обоснованіе; но они въ значительной степени утрачены нашей музыкой, выросшей подъ вліяніемъ танцоваль-

ныхъ формъ и развившейся на почвѣ округленныхъ, строго соразмѣренныхъ періодовъ.

Въ пѣсняхъ встрѣчаются, кромѣ обычныхъ размѣровъ въ $\frac{2}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{4}$, еще такіе, которые происходятъ отъ соединенія тактовъ, какъ четныхъ съ четными, нечетныхъ съ нечетными, такъ въ особенности четныхъ съ нечетными. Мы имѣемъ пѣсенные ритмы въ $\frac{5}{4}$ $(\frac{2}{4}+\frac{3}{4})$, $\frac{7}{4}$ $(\frac{3}{4}+\frac{4}{4}$, или $\frac{2}{4}+\frac{3}{4}+\frac{2}{4})$, $\frac{9}{4}$ (разбитый не на три равныя трехдольныя части, какъ у насъ принято считать, а напр. на $\frac{4}{4}+\frac{5}{4}$) и т. д. Эти ритмы мало по малу стали входить теперь и въ русскую музыку, въ которой ритмъ, напр., въ $\frac{5}{4}$ получилъ полное право гражданства. Этотъ послѣдній попадается даже въ иностранной музыкѣ, но крайне рѣдко, какъ исключеніе, да и то почти всегда замаскированный чередованіемъ тактовъ двудольнаго съ трехдольнымъ. У насъ онъ введенъ былъ Глинкой (женскій хоръ «Разгулялася, разливалася» изъ оп. «Жизнь за Царя», хоръ «Лель таинственный» въ оп. «Русланъ и Людмила») и теперь употребляется не только очень часто, но подчасъ и злоупотребляется. Въ ходу въ русской музыкѣ и другіе народные сложные ритмы, а Римскій Корсаковъ въ оперѣ «Снѣгурочка» прибѣгнулъ даже къ размѣру въ $\frac{11}{4}$: въ этомъ размѣрѣ написанъ заключительный хоръ (обращеніе къ богу Ярилѣ), отъ котораго вѣетъ глубокой, языческой стариной. Но какъ-бы ни были ритмически богаты русскія пѣсни, въ нихъ совершенно отсутствуютъ танцовальные, вальсовые и маршеобразные ритмы, столь излюбленные западной музыкой. Насколько намъ извѣстно, не попадается въ старинныхъ пѣсняхъ и столь обычный въ музыкѣ размѣръ въ $\frac{6}{8}$.

Мы старались по возможности избѣгать слишкомъ большихъ теоретическихъ подробностей, не выходя изъ сферы самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по музыкѣ, если и не общеизвѣстныхъ, то общедоступныхъ. Если намъ удалось въ общихъ чертахъ охарактеризовать особенности строя русской пѣсни, тогда не трудно представить себѣ ту важную роль, какую ей суждено играть, разъ она умѣлой и талантливой рукой внесена въ область музыкальнаго искусства. Само собою разумѣется, пѣсня не могла внести въ нашу музыку свой естественный строй, для котораго мы не имѣемъ даже

соотвѣтственныхъ знаковъ; но благодаря вытекающимъ изъ этого строя пріемамъ, связаннымъ съ нимъ оборотамъ мелодическимъ, гармоническимъ, контрапунктическимъ, ритмическимъ, она влила свѣжую, живую струю въ нѣсколько устарѣлыя, ставшія узко условными формы Запада. Подъ ея-то здоровымъ вліяніемъ и возникла русская школа, которая въ свою очередь являлась какъ-бы музыкальнымъ откровеніемъ для Запада.

Таково высокое художественное значеніе русской народной пѣсни. Тѣмъ серьезнѣе должны быть заботы сберечь и изучить ее.

Нельзя не признать, что по этой части, т. е., по части записыванія и изученія пѣсень, сдѣлано у насъ не мало. Русской пѣснью стали интересоваться уже издавна: мы имѣемъ старинные, очень цѣнные и интересные сборники, какъ напр., сборники конца прошлаго столѣтія Кирши Данилова и чеха Ив. Прача. Теперь такихъ сборниковъ накопилось много. Перечислять ихъ всѣхъ не будемъ; назовемъ только нѣкоторые изъ послѣднихъ и наиболѣе интересныхъ: Балакирева, Римскаго—Корсакова, Мельгунова, Лопатина и Прокунина, Пальчикова, Экспедиціи Имп. Русск. Географич. Общества.

Дѣло записывателя—трудъ далеко не изъ легкихъ. Кромѣ массы терпѣнія и выдержки, оно требуетъ хорошаго музыкальнаго слуха, тонкаго художественнаго чутья, не мало свѣдѣній и опыта, чтобы умѣть распознать старую, настоящую пѣсню отъ дѣланной, отъ сочиненнаго романса, вошедшаго въ крестьянскій обиходъ и передѣланнаго на пѣсенный ладъ; кромѣ того, необходимо умѣть оріентироваться въ своеобразныхъ ладахъ пѣсни, различать натуральный тонъ отъ просто фальшиваго. Была пора, а именно, въ половинѣ нашего столѣтія, когда на дѣло смотрѣли проще, когда собиратели, ничто-же сумняшеся, прямо втискивали пѣсни въ готовыя и всѣми признаваемыя за единственно вѣрныя гармоническія и ритмическія трафаретки, искажая тѣмъ пѣсни до неузнаваемости. То, что представлялось имъ непонятнымъ, они просто приписывали крестьянской грубости и неумѣлости пѣвцовъ, а потому смѣло исправляли не подходящіе подъ

общія правила пѣсенные обороты. Къ счастью, такая манера записыванія пѣсень прошла. Новѣйшіе собиратели брались за дѣло вполнѣ серьезно и осмысленно. Всѣ поименованные мною сборники отличаются очень крупными достоинствами и являются весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу музыкальную сокровищницу.

Но какъ-бы ни были высоки художественныя и научныя свойства записывателя пѣсень, его индивидуальныя черты, его вкусы, его воззрѣнія, выборъ варіантовъ не могутъ не вліять на самый способъ записыванія и на подборъ пѣсень. На нихъ будетъ лежать его субъективная окраска, а тѣмъ самымъ будетъ болѣе или менѣе страдать и самая запись. Иные сборники видимо составлены исключительно подъ вліяніемъ вкуса ихъ составителя. Такъ Балакиревъ преимущественно заботился о музыкальной красотѣ записываемыхъ имъ пѣсень; и дѣйствительно, составленный имъ сборникъ—единственный въ своемъ родѣ по художественности пѣсень. Къ сожалѣнію, въ сборникѣ пѣсень не много, всего 40. Къ каждой изъ нихъ сдѣлано отлично написанное сопровожденіе, но только не всегда оно подходитъ къ духу пѣсень. Чудесная, напр., пѣсня «Не было вѣтру», если пѣть ее съ аккомпанементомъ, получаетъ какой-то церковный характеръ, благодаря ходамъ аккордовъ древнегреческаго фригійскаго строя. Въ противоположность Балакиреву, Мельгуновъ мало заботился о качественномъ подборѣ пѣсень, зато все его вниманіе было обращено на характерность мелодическихъ оборотовъ, и въ особенности на ритмику. Вообще собирателямъ слѣдуетъ воздерживаться отъ гармонизаціи пѣсень, всегда насильственной, а если и прибѣгать къ фортепіанному сопровожденію, то для этого лучше всего пользоваться подголосками, по примѣру Мельгунова и Прокунина. Кромѣ всего сказаннаго, запись пѣсень затрудняется еще натуральнымъ строемъ многихъ изъ нихъ, для котораго наша нотная система не всегда имѣетъ соотвѣтственные знаки.

Всѣ перечисленные недочеты, неизбѣжные при всякой записи, само собою устраняются, если возможно замѣнить записывателя какимъ либо точнымъ инструментомъ, который воспринималъ бы и передавалъ звуковыя волны, какъ этой

дѣлаетъ фотографическій аппаратъ со свѣтовыми. Именно, такая счастливая мысль и пришла на умъ г-жѣ Е. Э. Паприцъ—Линевой, которая для записыванія пѣсень прибѣгла къ содѣйствію фонографа, или графофона. Результатъ оказался самый благопріятный. Положимъ, фонографъ пока—инструментъ далеко еще не совершенный. Кромѣ того, подобно фотографіи, которая нарушаетъ стройность перспективы, слишкомъ выдвигая первый планъ, и фонографъ отчетливо передаетъ только ближайшіе звуки, звуки же болѣе отдаленные получаются въ немъ неясно.. Но къ этому послѣднему свойству фонографа практика скоро научитъ примѣняться. Во всякомъ случаѣ, какими несовершенствами фонографъ ни отличался бы, инструментъ этотъ будетъ записывать всегда безусловно объективно во всѣхъ отношеніяхъ, исключая развѣ только выбора самыхъ пѣсенъ для записи.

Можно смѣло предсказать большую будущность фонографу въ дѣлѣ записыванія пѣсень, а незамѣнимое содѣйствіе его любителямъ и цѣнителямъ русской старины и народнаго музыкальнаго творчества является нынѣ какъ нельзя болѣе во время. Хотя мы имѣемъ уже много сборниковъ, хотя записана цѣлая уйма пѣсень, но не всякая запись удачна, а главное, много остается еще записать какъ въ самой Россіи и въ необъятной, по этой части совсѣмъ почти не затронутой Сибири, такъ и по инородческимъ окраинамъ; а музыка нашихъ инородцевъ интересна не только сама по себѣ, но и по ея вліянію, и вліянію мѣстами несомнѣнному, на русскую пѣсню.*) Въ настоящее время записываніе пѣсень тѣмъ настоятельнѣе, что народная пѣсня, подъ все усиливающимся напоромъ культуры, быстро исчезаетъ съ лица русской земли. Къ сожалѣнію, исчезновеніе это—фактъ неизбѣжный и неустранимый. Естественною силою вещей народная музыка должна уступить мѣсто музыкѣ художественной, и народное собирательное творчество должно замѣниться единоличнымъ творчествомъ музыкантовъ-художниковъ. Задержать этотъ процессъ такъ-же не-

*) На этихъ дняхъ въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ напечатанъ интересный и обстоятельный сборникъ С. Г. Рыбакова пѣсень Уральскихъ мусульманъ, главнымъ образомъ татаръ и башкиръ, дающій цѣнный матеріалъ по этому вопросу.



возможно, какъ немыслимо задержать ходъ культурнаго развитія народа.

Но если нельзя предупредить исчезновеніе пѣсни въ народѣ, то тѣмъ необходимѣе торопиться собрать и сохранить по возможности все, что создано въ этой области народнымъ духомъ. Было бы преступленіемъ допустить безслѣдно погибнуть хоть единому перлу изъ этой богатой сокровищницы. Всѣ тѣ, кто потрудятся въ дѣлѣ собиранія и записыванія пѣсень, принесутъ не только громадную пользу этнографической наукѣ, но и сослужатъ великую службу искусству. Они укрѣпятъ фундаментъ русской музыки, которая выросла изъ русской пѣсни и, вдохновленная ею, явилась нынѣ передъ лицомъ всего образованнаго міра, какъ новая, многообѣщающая школа, какъ синтезъ народнаго творчества и современнаго музыкальнаго искусства.

П. Бларамбергъ.

МАЛОРУССКОЕ ВЕСИЛЬЕ.

2. *Обряды и пѣсни Черниговской губ.* (*Продолженіе* *).

а) г. Березна. (Запис. Толстенко).

Когда сосватають дѣвушку, то назначается день «заручинъ». На заручины собираются близкіе родственники и подруги невѣсты. Гостямъ подають ужинъ; дѣвушки поють:

1. Заручена Настенька (имя невѣсты), да заручена,
Заложыла билу руку на заруки.
— Била моя рученька у батеньки,
Да не буде така у свекорка.
—А якъ будешъ ты, Настенько, да добрійше,
Буде твоя рученька щей билише.

Наканунѣ свадьбы къ невѣстѣ собираются дружки, и она ходить съ ними по родственникамъ и знакомымъ просить къ себѣ на свадьбу. Дружки дорогою поють:

2. Тыхая риченька вода,
Хорошая у Иванки хода;
Хоть помаленьку шовъ,
Да соби Настечку нашовъ;
Хоть помаленьку ступавъ,
Да соби Настечку взявъ.

—

3. Нызомъ, нызомъ, коныченьку, нызомъ,
Да прыпала дориженька пыломъ;
Подъ Иванкомъ кинь вороненькій,
Перескочывъ биръ зелененькій.

—

4. Яблоня—ябловына, сухая верховына;
Полюбыла Настенька чужого семъянына,
Якого чужого,—Иванка молодого.

—

5. Усю ничиньку не спала,
Да витренька прохала,
Щобъ тыхій Дунай не стинувъ,
Молодый Иванко не втонувъ.

—

6. Ой полемъ—пóлекомъ,
Йихавъ Иванъ конекомъ,
Вырызавъ зъ биризки тры ризки,
Ударывъ конека подъ нижки:
Бижи, бижи, конеку, хутенько,
До моеи Настечки скоренько.

—

7. Щò Иванко думае-гадае,
А Настечка надогадъ знае;
Да вывила коня вороного,
Да вынисла сиделечко:
Сидлай коня, мое серденько,
Да йидь же ты на Вкрайиночку,
Зовы всю свою родыночку,
Богатую и убогую,
Блызькую и далекую, —
Зъ богатою медъ выно пыть,
А зъ убогою поговорыть.

---

*) См. „Этногр. Обозр." XXXIV, 95.

Возвращаясь домой, дружки поютъ:

8. Ой матюнко-утко,
Поворачуйся хутко:
Се жъ твое дытя иде,
Симсотъ дружокъ вид .
Симсотъ и чотыры,
Да вси чорнобрывы.

Вечеромъ передъ свадьбою дѣвушки «вьютъ вильце», украшаютъ его цвѣтными лоскутками, калиною, барвинкомъ. Вильце вьютъ старшія дружки и меньшая сестра невѣсты, если есть; невѣста сидитъ у стола и плачетъ. Дѣвушки поютъ:

9. Благословы, Боже,
И отецъ и маты,
Своему дытяты
Се вьилечко звыты,
Сей домъ звеселыты,
Се вьильце початы,
Сей домъ звелычаты.

—

10. Ой вылиты, соколу, зъ-подъ бору
Да вынисы калынонъку червону;
Ужежъ тая калынонька да здрила,
Да Настыци на вьильце поспила.

—

11. Ой колы мы Настыци вьильце вылы,
У лузи калынонъку выломалы,
А въ городѣ барвиночку выщыпалы,
А изъ дерева елыны—
То нашій Настыци княгыни.

—

12. Вси луги сходылы,
Трёхъ зильевъ досталы:
Руты—мъяты,
И барвинку крыщаты,
И калыновы витки,
Щобъ любылыся дитки.

—

13. Рясне наше вьилечко—
Золоты верхы,
Срибны лысточки,
Шовковы квиточки—
Безъ сонечка сяютъ,
А безъ витра мáютъ.

—

14. Густая пшинычевька на новыни,
Высоки стогы на гумни,—
Выше вьилечка на столи.

—

15. Ой попе, попе Гордію!
Не звоны рано въ ныдилю,
Позвоны рано въ суботу,
Поробы дивчатамъ роботу,
Ныхай ни шіютъ, ни прядутъ,
Ныхай Настыци вьильце вьютъ.

—

Въ воскресенье дрýжки собираются къ невѣстѣ, одѣваютъ ее къ вѣнцу; заплетая косу, поютъ:

16. Ишла Настичка до виньця,
Да просыла у матюнки гребеньця,
Росчисаты косыньку до виньця.

Когда привезутъ жениха, то невѣста сидитъ на лавкѣ съ закрытымъ лицомъ, плачетъ, прощается съ подругами, родной семьей, дѣвичествомъ. Родители благословляютъ молодыхъ. Идутъ въ церковь. На дорогѣ дрýжки поютъ:

17. Ой попе, попе, оче нашъ,
Очыны церковку протывъ насъ;
Ой винчай, винчай, не дорожы,
Возьмы хусточку, руки въяжы.

Возвращаясь послѣ вѣнчанія:

18. Ой ни дякуемъ попу,
А дякуемъ поповычу,
Що винъ винчавъ,
Не дорого взявъ:
Повтора золотого
За князя молодого.

19. Ой матюнко моя,
Теперъ я ни твоя,
Теперъ я того пана,
Зъ кимъ повинчана.

—

20. Выйды, матко, зъ викомъ
Встричать свойихъ дитокъ,
Первого да роженого,
А другого да суженого,
Роженою да Настичку,
А суженого да Иванку.

—

21. Выйды, матюнко, противъ насъ,
Вытай кубочки у всихъ насъ,
Да пытай Настичку, чы твоя.
Ужс жъ я, матюнко, не твоя,—
Молодому Иванку вичная.

—

У воротъ молодой стоятъ паробки и не пускаютъ молодого во дворъ, требуя выкупа за то, что они уступаютъ ему дѣвушку. Молодой даетъ имъ денегъ; они пропускаютъ его и поютъ:

22. Кременю, кременю,
Ой дай мини огню
Засвитыты, запалыты
Трехмастну свичку
Къ ясному мисячку.

На порогѣ молодыхъ благословляетъ хлѣбомъ-солью мать; молодая садится за столъ; дру́жки поютъ:

23. Шла Настичка на базаръ.
Стричавъ йійи Господь самъ,
Зъ долею щаслывою,
Зъ доброю годыною.
Ище тыйи да гордыйи
Да зовычки,
Молодого Иванка
Да сестрычки.

—

24. Прыляжъ, прыляжъ, Настичко,
Ко столочку,
Пусты, пусты голосочокъ
По дворочку;
Ныхай чуе и зачуе
Весь ридъ и прыридъ.

—

25. Не стый, затю, да за пличыма,
Да не лупай очыма,
Погляды въ кишеню,
Да вымы грошей жменю,
Да посыпъ на тарилочку
За Настичку дивочку.

—

Во время пѣнія молодой стоитъ, а молодая сидитъ съ закрытымъ лицомъ. Когда поютъ послѣднюю (№ 25) пѣсню, молодой вынимаетъ деньги и кладетъ на тарелку. Это — продажа молодой. Послѣ этого молодой садится возлѣ нея за столъ; дружки снимаютъ съ него шапку и поютъ:

26. Благословы, Боже, зъ молодого
шапку знять!
Ой дай, матко, голку
И ныточку шовку,
Прышыемо квитку
Зъ зеленымъ барвинкомъ
Къ бобровый шапци,
Къ червоный китайци.

—

27. Чы не стыдно вамъ, бояре,
Шо вашъ молодый безъ шапки,
Безъ червоной китайки,
Безъ своей Настички дивки?

Молодому къ шапкѣ собираются пришивать «квитку». Старшая дружка торгуется съ боярами за квитку.

Ст. Дружка: Господа бояре, чы вы прыйи́халы горо́да поглядить, чы товару покупыть?

Бояре: Прыйихалы и горо́ду поглядить, и товару покупыть; покажить же намъ вашъ товаръ.

Дружка: Ваши очы ни въ кармани, а нашъ товаръ ни въ мишку.

Бояре: Дайте намъ ёго въ руки.

Дружка: Нашъ товаръ по рукамъ не ходыть; мы самы якъ купляли, намъ въ руки не давалы.

Бояре: А що вашъ товаръ стóйить?

Др.: Нашъ товаръ стойить трыдцять тысячъ.

Бояре: Може за двадцать девять можно?

Др.: И то грóшы, да мало. Мы за нымъ выйиздылы и Сосныцю, и Лохвыцю, и Роменъ, да все въ одынъ день. Прывезлы ёго изъ Москвы подъ скломъ, щобъ ни помъять; винъ на всю хату такъ сяе, що и свитла не треба.

Начинается торгъ. Когда купля совершится, пришиваютъ квитку къ шапкѣ и поютъ:

28. Що на Иванку шапка,
А на шапци квитка,
На квитки роса,—
То Настичина краса.

Старшій бояринъ начинаетъ рѣзать коровай—большой пшеничный хлѣбъ, и раздаетъ его гостямъ, объясняя, что онъ продалъ одному купцу товаръ, а купецъ далъ ему гостинца за добрый товаръ. Дружки поютъ:

29. Даръ иде, даръ иде одъ Настички молодойи,
Одъ йийи матки старойи.

—

30. Дружокъ коровай крóйить,
А за нымъ жинка ходыть,
Семеро дитокъ водыть,
Уси зъ кошелямы,—
Весь коровай побралы.

31. Чы не бачышъ, дружко,
Що бояре коровай крадуть
То въ михъ, то въ кишеню—
Диткамъ на вечеру,
То въ впхи, то въ рукавычки—
Дивкамъ на вечернычки.

—

Послѣ раздачи коровая идетъ раздача подарковъ боярамъ и близкимъ родственникамъ; отцу молодого—поясъ, матери—платокъ; чѣмъ дальше родство, тѣмъ подарокъ долженъ быть менѣе цѣннымъ. Одинаковый подарокъ для близкаго и далекаго родственника считается оскорбленіемъ для перваго. Дрýжки поютъ:

32. Не дывуйтеся, боярочки,
На короткіи подарочки:
Нывка маленька—не вродыла,
Матка старенька—не вробыла,
А я молоденька не знала,
Що подарочки треба,

—

33. У саду елына
Нызько гилья похилыла.
Подъ тоею да елыною
Настичка стояла (2),
Гостей частовала:
Гости мойи да любымыйи,
Вы пыйть и гуляйте,
Хоть мене да не забырайте,
Бо я въ матоньки одна,
Якъ та пчилонька въ меду.

—

34. Ой не думай, Настичко,
Не думай,—
Брысты тоби тры риченьки
И тыхій Дунай.
— Ой я тыйи тры риченьки
Перебреду,
А тыхого Дунаю
Не буду,

Матерыны роскиошоньки
Да не забуду,
А свекровы роскишоньки
Давно бачу,
Походывши по роскошамъ,
Заплачу.
—

35. Ой зацвила калынонька на помости;
Прыйихалы, мій батеньку, до насъ гости;
Сховай мене, мій батеньку, у комору
Щобъ не взялы мене гости зъ собою.
— Не такъ воны, дытя мое, прыйихалы,
Щобъ безъ тебе молодойи поийихалы.
—

36. Що Настичка сыриточка,
А Иванко панъ;
Шукай соби такойи,
Якій бо ты самъ.
Ой выходывъ и выйиздывъ
Уси городá,
Да не знайшовъ такойи,
Якъ ты молода;
Выходывъ и выйиздывъ
Увесь свитъ,
Да не знайшовъ такойи,
Якъ ты, розовъ цвитъ.
—

Подается обѣдъ: пироги съ кашею или морковью, борщъ съ мясомъ, лапша... Обѣдъ тянется до позднято вечера. Дѣвушки за столомъ не сидятъ долго, а идутъ танцовать на дворъ, если тепло, или въ клуню; въ хатѣ - тѣсно. Дружки поютъ:

37. Йижте, бояре, а я не хочу;
Я зъ вамы молодая пойиду поскачу;
Йе въ мене черевычки невелычки,
Йе въ мене повивки золотыйи;
Йижте, бояре молодыйи!
Тая земля кореныстая,
Тая семья наровыстая;
По той земли ходыть будемъ,
А семейку наровыть будемъ
Старому и малому,
Иванку молодому.
—

38. Ой якъ тоби, матюнко, да не жаль буде,
Якъ мене, Настички, да не буде;
Не будуть подруженьки забигаты,
Не будуть кватырочки очыняты,
Не будуть да Настички вызываты.—
—

39. Ни жалуешъ мене, матюнко,
Що мене молодую замужъ оддаешъ
Въ далекую землю, въ велыкую семъю;
—

40. Ой чысала Настичка лёнъ, лёнъ, лёнъ,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ, вонъ.
На що було браты,
Якъ вонъ выгоняты?
Наймите цымбалы,
Щобъ за намы гралы;
Наймите дудочки,
Проведите дружечки.
—

Приданое доставляютъ молодому иногда еще въ субботу, но чаще въ воскресенье, въ день свадьбы.

Послѣ обѣда старшій братъ молодой ведетъ бояръ въ комору, гдѣ стоитъ приданое, показываетъ его и проситъ отвезти молодому. Бояре сначала не соглашаются везти подъ тѣмъ предлогомъ, что братъ, быть можетъ, утаилъ часть приданаго. Потомъ укладываютъ его на возы и поютъ:

41. Що ты, свáте, думаешъ-гадаешъ?
Чы ты насъ надарять маешъ,
Чы ты насъ выгонять маешъ?
—

42. Оддай, свате, наше,
Да ныхай воно пляше;
Оддай, свате, дивку,
Оддай и постильку,
И молювану скрыню,
Ще й кохану дытыну.
—

Когда приданое привезутъ въ домъ молодого, на крыльцо выходитъ его мать и потчуетъ бояръ водкой, а они поютъ:

43. Выйды, матюнко, погляды,
Що тоби бояре прывезлы:
Скрыню и перыну,
И кохану дытыну.

44. Прыйихалы на подворыще,
Закидалы все коморыще
Скрынькамы, да перынкамы,
Клубкамы, да почынкамы.

Сложивъ приданое, бояре ѣдутъ за молодою и дорогою поютъ:

45. Иванка маты родыла,
Сонечкомъ обгородыла,
Мисячкомъ подперезала,
Якъ за Настичкой выпроважала.

46. Ой йидь же, мій сыночку,
Йидь, моя родыночка,
Йидь, мое роженее,
За своею суженою.

Родители благословляютъ молодую; она плачетъ и причитываетъ; дру́жки поютъ:

47. Ой чого сыдышъ, Настичко,
Чому ни дякуешъ матци свойій?
Уже кони запряжены,
Подъ крыльце подвезены.

—

48. Иде матюнка ззаду,
Дивка Настичка зъ посаду:
— Дякую тоби, моя матюнко,
За твое погулянье,
Що въ тебе гуляла,
Важкого дила не знала,
Русу косоньку чисала,
Все до церкови ходыла,
Соби Иванка полюбыла.

49. Сидай, Настичко, на возы,
Покидай матчины наровы;
Що первый наровъ—умыванье,
А другый наровъ—вытыранье,
А третій наровъ—вечернычки,
Ныхай гуляють сестрычки.

—

50. Ой колесцемъ, сонечко, колесцемъ!
Сій мене, матюнко, овесцемъ,
Щобъ сей овесъ рясенъ бувъ,
Щобъ сей пойиздъ веселъ бувъ.

—

Когда молодую везутъ къ свекрови, то дорогою поютъ:

51. Политы, ласточко, до моего свекорка,
Да скажы звисточко(-чку?),
Що ведемъ нивисточку,
Да скажы другую,
Що ведемъ молодую.

На другой день мать приходитъ навѣщать свою дочь,—«застилать столы»; дру́жки поютъ:

52. Прыходыла маты
Столывъ застилаты,
Дочки одвидаты,—
Чы велыке дило робыла,
Чы вельмы свекруси годыла.

—

53. Слава Богу, сына оженыла,
Нивистки дождала;
Сюда да туда нивистку пошлю,
А сама упередъ пойду.
Нивисточка иде,
Якъ пава плыве,
А свекруха бижыть,
Подъ сю земля дрыжыть.

б) С. Плоское, Нѣжинскаго у.

Невѣста съ дру́жками ходитъ по селу „клыкать на весилье“ Дружки дорогою поютъ:

1. Ой не гайся, Ганочко, не гайся,
Въ чырвоныйи чоботочки обувайся,
За дружечкамы шатайся;
Уже пузненько, смеркае,—
Въ тебе дружечокъ немае.

2. А рутая мяточка, жовтый цвитъ.
Журылася Ганочка, що Иванка нить.
Послала бъ пысьмо,—не вмію,
Послала бъ послы,—не смію,
Пошла бъ я сама,—забаруся,
На половыны дороги вернуся,
А таки я Иванка дождуся.

—

3. Метена улочка деркачемъ;
Пойихала Ганочка зъ паничемъ,
А не такъ зъ паничемъ, якъ зъ мужыкомъ,
Прывъязаны ручeньки рушныкомъ.

—

4. Ой на що ты, Ганочко, повповала,
Що ты соби Иванка сподобала,
Чы на ёго худубоньку, чы на гроши,
Чы на ёго молодого, що хороши.

—

5. Ходыла Ганочка по полю
Да выла выночокъ зъ куколю,
Да прохала батенька прозьбою.
Ой не просы, донечко, не просы,
До вечора выночокъ поносы,
А въ вечери дружечкамъ оддасы.

—

6. Ой ишлы дружечки горою
Да й клыкалы Ганочку зъ собою:
— Иды, иды, Ганочко, за намы,
Дамо тоби выночокъ зъ перамы.
— А я того выночка не зношу,
Полюбыла Иванка, якъ душу.

в) С. Березанка, Нѣжинскаго у.

(Записано Ал. Вербицкой отъ Ѳеодоры Онищенко).

Утромъ того дня, когда думаютъ свататься, отецъ паробка идетъ къ родственникамъ или сосѣдямъ *просить въ старосты*. Обязанность старосты—подробно разузнать объ имуществѣ и семьѣ дѣвушки, которую думаютъ сватать. Старосты приходятъ вечеромъ къ жениху. Его отецъ беретъ отъ матери хлѣбъ и соль и отдаетъ старостамъ со словами: «Нехай вамъ Богъ помагае хорошую да добрую засвататы».— Старосты съ этимъ хлѣбомъ идутъ по селу *сватать*—выбирать невѣсту. Входя въ хату, старшій староста здравствуется: «Вечоръ добрый!» —«Добре здоровье»,—отвѣчаютъ хозяева.—«Мы чулы, шо у васъ есть овечка на прóдажъ; такъ може продасте намъ на новее хазяйство, да такъ якъбы недорого». — «Якъ понравыцця, торгуйте; мы люде зговорчывы и дорожыцця не любымо». Старшій староста отдаетъ хлѣбъ отцу, или матери, или старшему брату, вообще старшему члену въ семьѣ, – со словами: «Благословить торговать!» — «Нехай вамъ Богъ и уси святы помагають». Послѣ этого уже прямо приступаютъ къ дѣлу. Дѣвка однако не даетъ сейчасъ своего согласія, хотя бы и раньше уже дала слово парню; она долго отговаривается, что у нея мало одежи, нѣтъ подушекъ, что она не умѣетъ еще работать и т. п.; въ это время она стоитъ у печи и царапаетъ пальцемъ глину. Наконецъ, если дѣвушка согласна, то она прячется гдѣнибудь на огородѣ или во дворѣ, а паробокъ ищетъ ее. Старосты обмѣниваются послѣ этого съ хозяевами хлѣбомъ; паробокъ и дѣвушка цѣлуютъ родителей послѣдней въ руку, а остальныхъ членовъ семейства—въ щеку. Хозяева предлагаютъ старостамъ закуску; молодые идутъ за водкой и «пьютъ сватаньне». Если сватовство не состоится, то хлѣбомъ не обмѣниваются.

Послѣ сватанья родители невѣсты прiѣзжаютъ съ хлѣбомъ къ своему будущему зятю *на рóзгляды*: ходятъ по огородамъ, хлѣвамъ, амбарамъ; осматриваютъ будущее хозяйство дочери, разспрашиваютъ сосѣдей, какого характера женихъ, сватъ, сваха, «дивера и зовыци» (братья и сестры жениха). Если этотъ осмотръ дастъ удовлетворительный результатъ, то гости мѣняются съ хозяевами хлѣбомъ; въ противномъ случаѣ забираютъ свой.

Недѣли черезъ двѣ женихъ со своими родственниками и старостами ѣдетъ къ невѣстѣ *за хустками*. Невѣста даритъ всѣмъ присутствующимъ платки, при чемъ цѣлуетъ каждаго; женихъ кладетъ ей на тарелку нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Послѣ раздачи хустокъ, женихъ и невѣста просятъ всѣхъ за столъ и пьютъ *заручины*. Бабы поютъ:

1. Ой заручена Марусечка, заручена,
Заложыла билу руку да за руку.
Биленька моя рученька ще й билійша;
Склоныла головку щей нызше.

Старосты во все горло кричатъ: „Нехай Богъ помагае молодымъ дитямъ жыть-пожывать да добра нажывать!“ Затѣмъ закусываютъ, назначаютъ день свадьбы и расходятся.

Начиная съ этого времени и до «весилья», невѣста носитъ въ косѣ ленты, на головѣ — «квитку» (сдѣланный изъ ленты цвѣтокъ), приколотую къ платку; она шьетъ жениху бѣлье, а себѣ «очипки».

Въ назначенное воскресенье женихъ является къ невѣстѣ, чтобы итти вѣнчаться. Невѣстѣ надѣваютъ на голову цвѣтокъ, волоса заплетаютъ въ одну косу; невѣсту и старшую дружку подпоясываютъ рушниками и выпроваживаютъ молодыхъ въ церковь, благословивъ ихъ и обсыпавъ житомъ или овсомъ, чтобы богатыми были. Платки вязать руки и подъ ноги, а также вѣнчальныя свѣчи невѣста отдаетъ старшей дружкѣ, которая держитъ надъ нею вѣнецъ; шапку жениха беретъ старшiй бояринъ; онъ же держитъ вѣнецъ надъ женихомъ. Послѣ вѣнчанья мать невѣсты встрѣчаетъ дома молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, желаетъ имъ счастья и благополучiя. Послѣ закуски молодой съ бояриномъ уѣзжаютъ домой.

Наканунѣ свадьбы молодой проситъ къ себѣ родственниковъ, сосѣдей, товарищей, дѣвокъ, съ которыми гулялъ на вечерницахъ, нанимаетъ музыку и устраиваетъ вечеринку. Это послѣднiй, прощальный вечеръ жениха; гости стараются повеселѣе провести его: танцуютъ, играютъ, поютъ жениху:

2. Да въ синечкахъ голубець гуде,
У свитлоньку голосочокъ иде,
А тамъ Иванко умываеця,
Съ батькомъ распоряжаеця.
„Батеньку мый, порадныку,
Да порадь мене, мый батенько,
Скильки мыни бояръ браты?“
— Ой сыночку мый, челядыночку,
Беры свою всю родыночку,
Блызькую и далекую,
Убогую и богатую.
Шо багата—все пыты, гуляты.
А убога—порядки давалы.



Если женихъ сирота, то ему поютъ:

3. Зеленая да дубривонько,
Чого въ тоби да дубъя много,
А одросточка да не отъ одного?
Хотя бъ мыни хотя гыленька,
Була бъ мыни вся порадонька.
Чого въ тобе, козаченько,
Да батькивъ много,
Да рыдного да не одного,
Порадоньки да не отъ кого?

Затѣмъ *убираютъ шаблю:* берутъ большой хлѣбъ, украшенный пряниками, конфектами, втыкаютъ въ средину хлѣба саблю, навѣшиваютъ ленты, пряники, конфекты, яблоки, груши, орѣхи, шишки, бублики и подносятъ жениху.

Невѣста, собравши дружекъ, возвращается домой; мать подпоясываетъ ее и старшую дружку рушникомъ. Невѣста беретъ отъ матери хлѣбъ въ хусткѣ, отдаетъ дружкѣ и идетъ по селу приглашать на весильле. Войдя въ хату, невѣста снимаетъ хустку съ хлѣба и подаетъ его хозяину со словами: „Просывъ батько, просыла маты, прошу и я пожаловать на хлибъ, на сыль, на весильле"; затѣмъ, перецѣловавшись со всѣми присутствующими, беретъ свой хлѣбъ, отдаетъ дружкѣ и идетъ съ нею въ слѣдующую хату, а остальныя дружки ходятъ по селу съ пѣснями:

4. Да рядочкомъ, дружечки, рядочкомъ
По-пидъ вишневымъ садочкомъ,
Щыпайте руту зелененьку,
Утыкайте Марусечку молоденьку.

—

5. Ой не гайся, Марусечко, не гайся,
Въ чирвоны чоботочки убирайся,
Топчи вороги подъ ноги,
Шобъ перестали брехаты.

—

6. Не вій, витру, съ поля,
Повій, витру, да долыною
За нашою да княгинёю,
Розмай косу русу по колосочку,
Роспусты да по волосочку.

—

7. У своеи Марусечки у дружкахъ булы,
Руту мъяту зелененьку выщыпалы,
Хрещаты барвиночокъ вырizалы,
Да поверхъ калыны—ялыны
Для своеи Марусечки княгини;
А Иванкивъ кинь вороненькій
Перескочывъ хмиль зелененькій.

—

8. Оце тоби, Марусечко, за тее,
Шо у тебе серденько гордее;
А не плеты кисеньки втрое,
Да заплеты у дробушки,
Уже жъ тоби не ходыть по дружки.

9. Ой що жъ то на мори синіе,
Шо жъ то межъ нами леніе (леліе?)?
Мы свою Марусечку обквитовалы,
Шобъ люде не позналы.

—

10. Шо суха рыбка не треця;
А багаты—ныхто ве шлеця,
А убоги—ныхто не сміе,
Такъ моя руса коса марніе.

—

11. Шо на мори щука рыба грала,
А Марусечка удывлялася,
Якъ рыбочка паровалася;
Черезъ тее удывляньечко
Потеряла дивованьечко.

—

12. Брязнулы ключи,
Изъ-за моря йдучи;
Гукнулы дружечки,
За молодою идучи.

—

13. Мы у своеи Марусечки у дружкахъ булы,
Мы въ еи руту мъяту выщыпалы,
Хрещаты барвиночокъ вырizалы,
Да уси лужечки выходылы,
Чырвону калыночку выламалы,
Да два пуки хмелю нарвалы,
Да тры лоты шовку змоталы,
Да поверхъ дерева стоялы,
Да поверхъ дерева ялыны.
Десь наша иде Марусечка княгиня?

14 Зеленая руточка, жовты цвитъ;
Чогось мого мыленького довго нитъ;
Посылала бъ послы,—не смію;
Посылала бъ пысьма,—не вмію,
Сама бъ пошла, боюся,
Въ половини доршжечки вернуся.

15. Зятю мый мылы,
Куплю тоби да кожухъ билы,
Комниръ бобровы,
Зятю мый чорнобрывы,
А комниръ бобровесеньки,
Затю мый молодесеньки.

Невѣста, пригласивъ гостей, возвращается домой; передъ дворомъ дружки поютъ:

16. Ой матюнко-утко,
Ворóчайся худко:
Сонечко нызенько,
Дружечки блызенько,
Сонечко у Бога,
Дружечки въ порога.

Въ хатѣ невѣста подноситъ дружкамъ по чаркѣ водки и проситъ за столъ. Подается закуска: говядина съ капустой, сметана, супъ. Затѣмъ всѣ расходятся; невѣста со старшей дружкой ложится спать въ амбарѣ.

На другой день утромъ невѣста идетъ къ своей крестной матери, отцу, родственникамъ за благословеніемъ— вступить въ чужую семью. Дружки лѣпятъ коровай, украшаютъ его покупными шишками, пряниками, рожками, орѣхами, конфектами, изюмомъ и поютъ:

17. Ой мы коровай липилы,
До Дунаю по водыцю ходылы;
Ой пойду я до Дунаю,
Стану да подумаю,
Де мыни водыцю браты,
Съ кимъ мыни коровай дбаты.

—

18 У Кіеви да кіяночки,
У городи да городяночки,
У сели да селяночки—
Хорошіи коровайнычки.

—

19. Пичъ наша регоче,
Короваю хоче;
А припечокъ дмеця,
За шишки береця.

—

20 Коровайныци пъяны
Нашъ коровай сбгалы.

Коровай сажаютъ въ печь; хлѣбную дѣжу поднимаютъ на рукахъ, чтобы высокій выросъ коровай, и поютъ:

21. Дижу носять на рукахъ,
Пичъ стоить на стовбахъ.

Женихъ утромъ собираетъ поѣздъ: 2 или 3 дружковъ изъ женатыхъ мужчинъ, столько же бояръ изъ числа своихъ холостыхъ товарищей, нѣсколькихъ молодыхъ женщинъ приглашаетъ въ свахи, въ «свитылки» проситъ дѣвушекъ, своихъ родственницъ; въ число поѣзжанъ входятъ еще старосты, возница и музыканты.

Со всѣмъ поѣздомъ женихъ отправляется къ невѣстѣ. Свитылки пришиваютъ поѣзжанамъ къ шапкамъ или платкамъ квитки: мать жениха набрасываетъ на себя кожухъ и шапку, выноситъ дѣжу во дворъ, обводитъ вокругъ нея сына, а свитылки поютъ:

22. Найихалы швачки изъ Ольхова
Квитокъ да прышываты,
По сто рубливъ браты.

—

23. Козаченька маты родыла,
Мисяцомъ обгородыла,
Сонечкомъ подперезала,
До дивчины выпровожала:

Йидь, сыну, у дорогу,
Да не бийся некого,
Не темнои ночи,
Богъ тоби да на помочи.

Мать обсыпаетъ сына деньгами, овсомъ, грушами, сѣмечками, беретъ кожухомъ лошадь за поводъ и выводитъ со двора, а старшей свитылкѣ отдаетъ убранную шаблю. Сынъ, поцѣловавшись съ родителями, садится на возъ съ поѣздомъ; свитылки поютъ:

24. Вылитае сокиленько зъ саду,
Сокиленько да до галочки
А Иванко да до Марочки.
Чы не моя Марусечка дружечокъ веде.

—

25. Силы нашп да пойихалы
Сирымъ воломъ да коровою
Широкою да дорогою,
Калыновымъ мостомъ—
До Марусечки просто.
Наши кони да буланыи,
Сани—мулёваныи.
Йидемо да гукаемо,
Тры дворы да мынаемо,
У четверты зайизжаемо,
Да Марусечку забираемо.

—

26. Ой полемъ—полечкомъ
Да йихавъ козакъ конычкомъ,
Да скинувъ шапочку, махае,
Не старшого боярына гукае:
Ой цытте, братци, не гукайте, шось идé,

—

27. Да йихавъ козаченько
Черезъ двиръ,
Да ударывъ шабелькою
Да объ чистокилъ:
— Да чы тутъ дивчынонька,
Чы немае,
Чы зъ инчымы козакамы гуляе?—
Летивъ сокиленько
Черезъ садъ,
Да ударывъ шабелькою
Да объ выноградъ:
А чы тутъ моя зазуленька,
Чы немае,
Чы зъ инчымы соколамы летае.

—

28. Раступпите вороги
Зъ-подъ князевойи дороги,—
Мы коныченьки розженемъ,
Васъ подъ ниженьки подобъемъ.

Люди, стоящіе у воротъ двора невѣсты, не пускаютъ жениха во дворъ. Свитылки поютъ:

29. Яка наша сваночка пышна:
Протывъ нашого зятя не вышла;
Десь у еи да чобитъ немае,
А кожуха да добувае;
Мы кожуха да добудемо,
У чобóти да обуемо.

30. Докиль мы стоятымемо,
Сыру землю да топкатымемо
Подъ новымы да воротямы
Ныжкамы да чоботямы,
Золотымы да подковкамы?

Мать невѣсты выноситъ изъ хаты дижу, хлѣбъ и водку; хлѣбъ и водку она отдаетъ старостамъ, чтобы тѣ отдали ихъ въ видѣ выкупа за въѣздъ людямъ, стерегущимъ ворота; послѣдніе ломаютъ хлѣбъ на куски и отдаютъ собакамъ, водку выпиваютъ, бутылки забрасываютъ и отворяютъ ворота.

Невѣста съ покрытою платкомъ головою сидитъ съ дружками на пóкути за столомъ, на которомъ стоитъ изукрашенный коровай. Дружки поютъ:

31. Преклоны, Марусечко, голывку къ столу,
Да пусты голосокъ по двору,
Да нехай почуе рыдъ, прырыдъ,
Гордыи зовыци, щей рыдныи сестрыци;
Рыдныи сестрыци зачуютъ — заплачуть,
Гордыи зовыци зачуютъ—заскачуть.

Мать подноситъ зятю водки, осыпаетъ его овсомъ, брызгаетъ на него водой, выходитъ съ дружками въ сѣни, угощаетъ ихъ водкой и перевязываетъ ихъ рушниками черезъ плечо. — Поѣзжане входятъ въ сѣни; свитыляки поютъ:

32. Пусты, свато(sic), въ хату;
Тутъ насъ да немножечко—
Всихъ да шестерочко,
Да симсотъ бояръ кинныхъ,
Три братика рыдныхъ.

33. Пусты, свато, въ хату,
Мы жъ тоби не докучимо,
Хусточки пересушимо,
Барылечка поспорожняемо.

Старшая сестра невѣсты выноситъ изъ хаты паляницу, вѣнчальныя свѣчи, обмѣнивается ими со свахами, цѣлуется и поетъ:

34. Просимо бояръ до хаты,
Годи травыци топкаты
Ныжкамы да чобиткамы,
Золотымы да подкивкамы.

Поѣзжане хотятъ войти въ хату, но двери запираются. Старшій дружко беретъ въ одну руку хустку, другою начертаетъ крестъ на дверяхъ и трижды проситъ благословенія „розрубать дверы“; только за третьимъ разомъ братъ невѣсты отвѣчаетъ изъ хаты: „звольте!“.

Поѣздъ входитъ въ хату; дружки поютъ:

35. Ой шо-жъ то за ворона
Стоитъ у порога?
Хоче вона летиты,
Коло Маруси систы.

Дружко беретъ конецъ платка, другой конецъ подаетъ жениху и заводитъ его за столъ. Дружки продолжаютъ:

36. Не наступай, Лытва:
Буде зъ намы бытва,
Будемъ быты, воёваты,
Марусечки не даваты.

Братъ невѣсты сидитъ съ нею рядомъ и не отдаетъ мѣста безъ выкупа. Дружки поютъ:

37. Ой братику да нависныку,
Сядь ты да на крислыку,
Не продавай сестрыци
За рубъ, за чотыры,
За два золотыи:
Будуть тоби грошы слыня,
Буде тоби сестра мыла.

38. Не стый, зятю, за плечима,
Да не лупай очима,
Заглянь у кишеню,
Да вымы грошей жменю,
Да посыпъ на тарилку,
Выкупы соби Марусю дивку.

Дружко даетъ брату деньги и рюмку водки, затѣмъ выгоняетъ его палкой, а на его мѣсто заводитъ жениха. Дружки поютъ:

39. А не седы, Марусечко, зъ-бока,—
Це жъ тоби да не зъ-урока;
Прысунься блызенько,
Поцилуйся хорошенько.

Мать вноситъ платки; дружки поютъ:

40. Чому бояръ не даруете?
Це боярамы да гордуете;
А давайте дары за дары,
Зъ коморы до хаты,
Да бояръ дароваты.

Мать подаетъ хустку жениху; онъ кладетъ на тарелку нѣсколько монетъ; затѣмъ хустки раздаются всѣмъ поѣзжанамъ, на шаблю, которую свитылка отдаетъ дружкѣ. Свитылки поютъ:

41. А спасибо (sic) тоби, ненько моя,
Що ты рано вставала,
Мене рано побуждала,
Шобъ подарки пряла,
Боярамъ даровала.

—

42. Казалы, що Маруся не пряха,
А еи матюнка невдаха,
А еи сестрыця не билыця,—
А вона рано вставала,
А вона тоненько напряла,
А еи матюнка выткала,
А еи сестрыця побилыла
И хорошенько бояръ подарыла.

Дружка обвязываетъ хусткою шаблю, обводитъ ею вокругъ головъ новобрачныхъ, ставитъ возлѣ снопа, поставленнаго раньше подъ образами, и снимаетъ платокъ съ головы невѣсты. Сестра невѣсты пришиваетъ квитку къ шапкѣ молодого; свитылки поютъ:

43. Ой дай, матюнко, голку,
Щей ныточку шовку
Прышыты квиточку
Хрещатому да барвиночку.

Сестра невѣсты, прышивъ квитку, бросаетъ шапку на голову жениху, а дружки ловятъ; если онѣ поймаютъ шапку, то сестра должна угостить ихъ водкой, а если она наброситъ на жениха шапку, то послѣдній даетъ ей деньги и подноситъ водки. Затѣмъ приглашаютъ всѣхъ за столъ; дружки поютъ:

44. Тыхо, бояре, сидайте,
Пылу не сбывайте:
Наша Маруся пава,
Шобъ пыломъ не прыпала.

Подаютъ закуску: капусту, юшку (супъ), кашу, сметану, кисель, вареники, пампушки. Дружки поютъ:

45. Вы бояре да чужесторонци,
Не тягайте да по повный ложци,
Оглянътесь на Бога,
Найидайтесь дома.

—

46. Йижте, бояре, капусту;
Наша капуста не густа,
Наша Маруся садыла,
Ще й полывала,

47. А зъ-за горы гуска летила,
Съ перцемъ капуста кипила,
Хоть съ перцемъ—не съ перцемъ,
Просимо съ щирымъ серцемъ.

—

48. Наленула мушка,
Поставлена юшка,
Съ перцамы да зъ инберцамы,
Зъ дорогимы да прыправамы.

Послѣ закуски дружкѝ и дру́жки, бояре и свитылки, женихъ и невѣста выходятъ во дворъ или сѣни, гдѣ играетъ музыка. Начинаются танцы, послѣ которыхъ всѣ входятъ въ хату; дружко подаетъ конецъ платка новобрачнымъ и заводитъ ихъ за столъ ужинать. На ужинъ подается холодное, жареный гусь, каша, мясо. Дружки поютъ:

49. Старша свитылка нима,
Десь вона да муку йила;
Дать же йий пива пить,
Шобъ умила говорыть.

—

50. Старша свитылка якъ сова,
Да на йий сорочка не своя,
Да сорочка сестрына;
Прышла сестрыця, торкае:
Скидай сорочку—смеркае.

51. Старши бояринъ якъ болванъ,
Вытрещивъ очи, якъ баранъ;
Шо на ёму свита
Соломою шита,
Шо на ёму каптанъ
Соломою напханъ,
Крутенемъ подперезався,
У бояре прыбрався.

Свитылки въ свою очередь поютъ:

52. Улыци тисны,—
Пугубилы писни;
Вы, дружки, паганы,
Не давайте доганы.

—

53. А мы роду не такивского,
А мы роду короливского;
Вы, дружки, паганы,
Не давайте доганы.

54. Старшая дружка—стужка,
Товста, якъ кадушка;
Другая да коробочка,
Трейтяя да колодочка,
Четверта не проста—
Прышла прямо зъ проса.

Дружки отвѣчаютъ:

55. А бояре йилы, йилы,
Цилого да вола иззилы;
На столи—да не кришечки,
Подъ столомъ—да не кисточки;
Столы поломаны
И кисточки поглоданы.

—

56. Свитылочки йилы, йилы,
Цилого голубонька ззилы;
На столи—да не кришечки... и т. д.

Если свитылки понравятся дружкамъ, то послѣднія вмѣсто предыдущаго номера поютъ:

57. Свитылочки йилы, йилы
Голубонька да не ззилы;
На столи да повнюсенько,
Подъ столомъ да чистюсенько.

Свитылки поютъ:

58. Нашъ батенько рыболовъ,—
Наловывъ рыбы и лелюги (рыба)
Брешете, дружечки, брехухи.

—

59. У нашого батенька
Вышневенькій садокъ,
А въ тому садочку
Крыныченька,
Въ тый крыныченци
Рыба тарань;
Брешете, дружечки,
Чыстая дрянь!

Дружки поютъ:

60. Старша свитылка
Стойить у порога,
Ротъ роззявыла,
Руки розставыла,
Хоче полетиты,
На покути систы.

Свитылки:

61. Тоби маты казала,
Шобъ рота не роззявляла.
Бо велыки зубы—
Висять черезъ губы.

Дружки:

62. А на хати зилье, зилье,
А у хати весилье,
А на двори бояре,
Якъ макъ зацвитае.

—

63. А не седы, Марусечко, не седы,
Да погляны въ оконечко,
Чы высоко сонечко,
Чы багато бояръ на земли,
Чы хороши Иванко на кони?

7

— Ой хороши, матюнко,
Кращи всихъ,
Склонывъ голывоньку
Ныжше всихъ.

64. Да велыки двиръ,
Невелыки збиръ,—
Да немае родыны,
Нема половыны.

Если у невѣсты нѣтъ матери, то дружки поютъ:

65. Ой посылай зазуленьку въ садъ,
Да немае зазуленьки зъ саду;
Да немае матери зъ раю,
Да матюнки на пораду.

Въ концѣ ужина дружóкъ беретъ со стола коровай, рѣжетъ его и подноситъ всѣмъ присутствующимъ; тѣ выбрасываютъ монеты на тарелку и даютъ обѣщаніе подарить впослѣдствіи новобрачнымъ овцу, корову, поросенка и т. п.—Дружки поютъ въ это время:

66. Тоби, дружко, не дружковаты,
Тоби, дружко, череду пасты
Зъ рябою да собакою.
Зъ велыкою да ломакою.

—

67. Дружко коровай несе,
Ажъ вилечкамы трясе;
Хоть тресы, не тресы,—
На стилъ коровай несы.

—

68. Дружко бигае пиля (=биля) хаты;
Де мыни шатромъ статы—
Чы въ синяхъ, чы въ хати?
Де мыни коровай краяты?

—

69. Поглядае дружко скоса,
Чы немае на печи проса,
Колыбъ мыни якъ утикты,
Шобъ не загадалы товкты.

—

70. Ой дывыся, дружко,
Шо твоя жена да робыть!
По семеро да дитей водыть,
Все съ кошелямы,—
Весь коровай забралы.

Послѣ раздачи коровая, новобрачныхъ вмѣстѣ съ поѣзжанами выпроваживаютъ въ домъ молодого. Дружки поютъ:

71. Велыка щербына,
Де стояла скрыня;
Ще бильша буде,
Якъ Маруси не буде.

—

72. Выгрибай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочки жаль, жаль;
Накидай, маты, дрова,
Оставайся здорова;
Накидай, маты, трискн,
Дожидайся невистки.

73. Вышла маты у комору,—
Скрыни немае;
Вышла маты у сини,—
Перыны немае;
Вышла маты у свитлыцю,—
Дытыны немае;
Вышла маты за ворота,—
Дорога;
По тый дорози калына:
Туда повезена моя дытына.

Дружки укладываютъ на возы имущество молодой; свитылки поютъ:

74. Ой сидай, Маруся, на возы,
Покидай батьковы наровы:
Ой первый нарывъ—умыванье,
А други нарывъ—прыбиранье,
А третій нарывъ—гулянье.

Дружки прощаются съ молодою и расходятся по домамъ; свитылки поютъ:

75. Брала Марусечка лёнъ, лёнъ,
Выгоняла дружечокъ, вонъ, вонъ.

Дружки поютъ:

76. Прощай, прощай, Марусечко,
Сестриця наша:
Уже жъ мы не твои,
Ты не наша.

На пути къ молодому свитылки поютъ:

77. Ой де вы, бояре, бувалы,
Шо вы выдалы?
А мы бувалы у лиску,
Уловилы плыску,
Чорную да чубатую,
Хорошую да богатую.

—

78. Ой пропивци Березанци,
Пропилы Марусю на горильци.
У вишневому саду
На солодкомъ меду.

79 Гудуть бочки, гудуть,
Изъ погреба не йдуть;
Дивчинонька плаче—
Одъ батька не хоче.

—

80. Гарчалы дружечки, гарчалы.
А свитылочки мовчалы,
Схватилы дивчиноньку, помчалы.

Мать молодого выходитъ навстрѣчу съ «вíкомъ» (крышкой отъ дѣжи) въ рукахъ; на крышкѣ лежитъ рожь, которою мать осыпаетъ новобрачныхъ и сыплетъ имъ за спину. Свитылки поютъ:

81. Выды, маты, зъ викомъ,
Мы до тебе зъ хлибомъ,
Зъ золотою да лелиткою,
Зъ молодою да невисткою,

82. Тоби, маты, хаты не топиты,
Тоби, маты, дижи не миситы,
Тоби, маты, хаты не месты,
Тоби да порядки весты.

Молодые, войдя въ хату, кланяются родителямъ, которые сидятъ на «ослóнѣ» (скамьѣ) около печки; затѣмъ садятся за столъ; свитылки поютъ:

83. Пошло сонце по задвиречку,
Марусечка по застыльечку.
Покиль сонечко зайде,
Маруся за стылъ зайде.

Затѣмъ свитылки прощаются съ молодыми и уходятъ. Послѣ закуски свахи уводятъ молодыхъ въ амбаръ спать, а сами въ хатѣ пьютъ, танцуютъ по лавкамъ, столамъ, бьютъ миски, горшки, ломаютъ ложки. Часа черезъ два идутъ въ амбаръ, убираютъ молодой волосы, надѣваютъ очипокъ, шапку и цѣлуются съ нею. Молодые остаются въ амбарѣ, а бабы гуляютъ.

На слѣдующій день молодой даетъ боярамъ бутылку красной водки, буханець хлѣба, перевязанный калиной, и посылаетъ ихъ къ родителямъ своей жены просить ихъ въ гости. Мать встрѣчаетъ бояръ, угощаетъ, беретъ водку и буханець и передаетъ отъ себя тоже водку и буханець. Дружко въ это время несетъ курицу, красную водку и буханець съ калиною къ священнику, и проситъ его пожаловать въ церковь, куда свахи приводятъ молодыхъ, причемъ молодая покрыта намиткою. Дружки вѣшаютъ у воротъ на высокомъ шестѣ красную запаску, — „корогву“. Бабы, надѣвая на молодую намитку, поютъ:

84. Ой пойду я у лугъ по калыну,
Да й вырву я калынову витку,
Да й застромлю за билу намитку,
Шобъ мыни ягодъ не подавиты,
Шобъ мыни родыночки не прогнивиты;
Шо у мене ридъ ридненьки,
А у мене не ридна маты,—
Шобъ не выгналы зъ хаты.

Возвращаясь изъ церкви, свахи возлѣ двора поютъ:

85. Прыведена тетерочка,
Не вчора—теперечка;
А не кишкайте, не полохкайте,
Нехай вона тутъ прывыкае,
Да до дому не тикае.

Послѣ обѣда свахи подносятъ всѣмъ булку съ медомъ.

Подруги молодой несутъ ей снидать (завтракать). При входѣ въ хату онѣ поютъ:

86. Весело, Маруся, весело,
Мы тоби снидать несемо;
У тебе маты не своя,
Вона тоби снидать не дала

Послѣ закуски дружки расходятся.—Вечеромъ пріѣзжаетъ «перéзва» — родственники молодой. Возлѣ двора бабы поютъ:

87. Знаты, Марусечко, знаты,
А въ который хати:
Черчыкомъ да осіяна,
Калыною да отыкана.

Мать молодого выноситъ семь пироговъ, а отецъ водку, приглашаютъ въ хату, угощаютъ, раздаютъ коровай. Бабы поютъ:

88. Шо у поли да овесъ ясенъ,
На столи коровай красенъ:
Шишки золотыи
Столы обломылы.

За коровай гости отдариваютъ молодую холстомъ. Уѣзжая, перезва поетъ:

89 Мы въ свата булы,
Да горилочку пылы,
Горилочку солоденькую
За Марусю молоденькую.

90. А въ нашого свата
Зъ вербы, зъ лозы хата,
Да зъ билои березы,—
Да пойидемо тверезы.

Въ субботу новобрачныхъ приглашаетъ къ родителямъ молодой ея братъ. Вообще всю недѣлю послѣ свадьбы къ молодымъ собираются родственники, пьютъ, закусываютъ, гуляютъ; музыки при этомъ не бываетъ.

г) С. Алтыновка, Кролевецк. у.

(Записано г. Волошинской).

Недѣли за двѣ до свадьбы устраиваются *хустки*: къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ съ отцомъ и двумя сватами; родители невѣсты и гости, пріѣхавшіе съ женихомъ, садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой кладутъ три поклона передъ образами, трижды низко кланяются родителямъ невѣсты, сидящимъ съ хлѣбомъ - солью подъ образами, затѣмъ женихъ садится за столъ, а невѣста подноситъ ему первому на деревянной тарелкѣ лучшую хустку. Подруги невѣсты поютъ:

1. Заручена Марусенька, заручена;
Положыла бьилу руку дей на скамью.
— «Бьила моя да рученька у батенька!
Ой чи буде вона така у свекорка?»

— Ой екъ будешь, да Марусе, покырненька,
Буде твоя да ученька да биленька;

А екъ будешь, да Марусе, якова́,
На колочку нагаечка да готова.

Передъ свадьбою дружки *вьютъ вильце*, т. е. маленькую сосенку украшаютъ цвѣтами и цвѣтною бумагою; при этомъ поютъ:

2. Да ходыла да (имя невѣсты) да по саду,
Выламала тры квиточки зъ выноградy,
Понесла ихъ до батенька на пораду.
—Порадь мене, мый батенько, молодую!—
„Не поражу, дитя мое, не поражу,
Рушничками бьилы ручки перевьяжу".

—Да не жалуй, дитя мое, выновыхъ (виноградныхъ) квитъ,
Да пожалуй, дитя мое, молодыхъ литъ:
Выновыи да квиточки не зведуцця,
Батеньковы роскошеньки да минуцця.

3. Да ходыла да (имя) по городу,
Да садыла садъ-выноградъ изъ прыходу,
Да забула воротечекъ зачыныты,
Да мусыла да батенька попросыты:
„Да зачыны воротечка, мый батеньку,
Да не пускай да (имя жениха) да молодця,
Екъ прыйнде да(имя) изъ боярми,
Да вытопче садъ-выноградъ да ногами,
Хрещатый барвиночокъ конивъ копытами".

4 Екъ бы жъ я знала, екъ бы мъ вьидала,
Колы, сватаньне буде: чи въ суботочку,
Чи въ недилечку, чи рано въ понедилокъ;
Одчиныла бъ я одъ горыдечка новыи ворытечка,
Да впустыла бъ я, да вогнала бъ я вороне стадечко:
Нехай вытопчуть, нехай выломнять шевлію да руточку
Мойму батеньку да на жалощи,
Дивчатамъ на радощи.

Когда молодой собирается ѣхать за молодою, то свитылки «*вьютъ шаблю*», т. е. украшаютъ саблю вѣнкомъ изъ калины, барвинка, колосьевъ пшеницы и звѣробоя, повязываютъ ее хусткой и прикрѣпляютъ къ ней зажженную восковую свѣчку. Въ это время онѣ поютъ:

5. Шо за синьми, синьми за ориховыми,
Ой тамъ (имя жениха) коныка сидлае,
Коныка сидлае, бояръ научае:
„Не купуйте, брацци, дивчатамъ персныкывъ,
Покупуйте, брацци, пудковы пудъ кони,
Пудковы золоты пудъ кони вороны,
И пойидемо мы боромъ шумнянымъ
Зъ звономъ звонянымъ;
Быръ буде шумниты, звынъ буде звоныты;
Екъ учуе тестенька,—намъ буде честонька;
Екъ учуе дивонька,—намъ рада буде:
Собираться буде.

Молодой садится на повозку съ старшимъ бояриномъ и старшей

свитылкой; мать его обѣгаетъ вокругъ повозки съ вилами въ рукахъ и въ вывороченномъ кожухѣ; свитылки поютъ:

6. Маты (имя жен.) породыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зыркою пудперезала,
Въ дорыженьку выпровожала.

Когда молодой подъѣдетъ къ воротамъ молодой, ея дружки поютъ:

7. Брязнуло колокольце на колочку,
Топнулы конычѣньки на мосточку;
Выгляны (имя нев.) у кватырочку,
Чи высоко сонце на неби,
Чи хорошъ (имя жен.) на кони?
—Хорошъ, матусю, краще всихъ,
Пудымае шапочку выше всихъ,
Приклоняется ныжже всихъ.—

Поѣзжане входятъ въ хату; всѣ усаживаются за столъ; дружки поютъ:

8. Чи мы тобьи, да (имя нев.), не казалы,
Шо не ходы да по воду да по броду,
Да не слухай голубонькивъ, що рано гудуть:
Воны тебе молодую де й израдять,
Одъ батенька до свекорка переманять.

Дружкó разрѣзываетъ коровай; дружки поютъ:

9. Дружко коровай крае,
Золотый ножикъ мае,
Стрибную да тарилочку,
Гарную бере дивочку.

Когда молодой увозитъ къ себѣ жену, дружки поютъ:

10. Загребай, маты, жаръ, жаръ,
Колы тобьи дочки жаль, жаль;
Кидай у пичъ дрова,
Оставайся здорова.

Нѣжинъ.
1890 г., декабрь.

А. Н. Малинка.

КЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА. [1])

III. „Царь Максимиліанъ“ [2]).

Дѣйствующія лица:

Царь Максимиліанъ.
Адольфъ, его сынъ.
Богиня (Венера).
Аника, воинъ.
Мамай, король.
Марецъ, рыцарь.
Звѣзда, рыцарь, братъ (?) Богини.
Бормуилъ, рыцарь.
Племянникъ кор. Мамая.
Посланникъ магометанскій.
Скороходъ-фельдмаршалъ.
2 Пажа.
Казакъ.
Гусаръ.
Докторъ.
Портной.
Кузнецъ.
Старикъ.
Смерть.

Скороходъ (*выходитъ*). Смирно, господа, прибылъ скороходъ-фельдмаршалъ сюда. Извините меня въ томъ, что я въ платьѣ худомъ; есть у меня дома мундиръ—77 дыръ, 32 заплатки, съ меня взятки гладки. Прощайте, господа, сейчасъ придетъ его высочество сюда.

Адольфъ (*входитъ*) здорово, братцы!

Всѣ. Здравія желаемъ, ваше императорское высочество!

Царь (*выходитъ*). Здорово дѣти!

Всѣ. Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Царь. Хорошо, дѣти!

Всѣ. Ради стараться, в. и. в.

Царь. Прошелъ я и покорилъ я Австрію, Азію, Америку, Европу. Былъ я у шведскаго короля, отбилъ у него всѣ столичные города, взялъ я Питеръ, взялъ я Ригу, взялъ я славный городъ Кронштадтъ, оттуда я прибылъ въ Варшаву, скинулъ съ себя скиперть и державу, всю римскую честь и славу и золотую корону (*отдаетъ корону пажамъ*). Дѣти, за кого вы меня признаете: за царя русскаго или за короля прусскаго, или за Наполеона французскаго?

---

[1]) См. Этногр. Об. XXXVI.

[2]) Записано въ апрѣлѣ 1891 г.; мѣсто записи неизвѣстно. Доставлено Этнографическому Отдѣлу проф. А. Н. Веселовскимъ.

Всѣ. За царя русскаго.

Царь. Но я ни царь русскій, ни Наполеонъ французскій, и ни король прусскій,—я изъ западныхъ странъ, вашъ истинный царь Максиміанъ. Дѣти, для кого сей честный тронъ такъ виликолѣпно вооруженъ?

Всѣ. Не можемъ знать, в. и. в.

Царь. Не для-ли меня, грознаго царя Максимиліана?

Всѣ. А можетъ быть.

Царь. Сяду я на трону и буду судить по закону. Дѣти, сколько въ году дней?

Всѣ. Триста шестьдесятъ пять дней.

Царь. Въ моей золотой порфирѣ триста шестьдесятъ пять орловъ, и всѣ они золотые; если въ который день я неправильно разсужу, то занеси меня тотъ орле за синее море и брось мой трупъ въ морскую пучину, пущай злодѣй таскаетъ кручину.

Царь. Скороходъ-федьмаршалъ, явись предъ трономъ грознаго царя Максимиліана!

Скороходъ (*подходитъ къ царю*). О великій повеликій (повелитель?) великихъ лицъ царь Максимиліанъ, почто вѣрнаго скорохода призываете, или какое дѣло повелѣваете? [1]).

Царь. Поди приведи мнѣ двухъ вѣрныхъ пажъ.

Пажи. (*Подходятъ къ царю*). Здравія желаемъ, в. и. в.. Почто вѣрныхъ пажъ призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Подите, сходите въ старые чертоги, принесите мнѣ оттуда скиперть и державу, всю римскую честь и славу и золотую корону.

Пажи (*несутъ къ царю корону на рукахъ и поютъ*). Мы къ царю идемъ, златъ вѣнецъ ему несемъ, на головушку надѣнемъ, на высокій тронъ взойдемъ. Какъ на этой высотѣ сидитъ царь Максимиліанъ, мы защитнички его, мы впередъ къ нему идемъ мы, впередъ къ нему идемъ и кричимъ ему ура, ура, ура! (*Когда пажи подойдутъ къ царю, то одинъ говоритъ*). Вотъ твоя скиперть и держава, вся римская честь и слава и золотая корона.

Царь (*призываетъ скорохода и говоритъ*). Приведи всѣхъ придворныхъ рыцарей.

Рыцари (*подходятъ и одинъ изъ нихъ говоритъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.! почто придворныхъ рыцарей призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь (*велитъ пѣть «Боже царя храни», затѣмъ надѣваетъ корону и говоритъ*). Принялъ царь корону не для русскаго народу, но для иностранныхъ князей и для сильныхъ и могучихъ богатырей, и садится на трону. (*Призываетъ скорохода, какъ выше, и говоритъ*). Приведи мнѣ магометанскаго посланника.

---

1) Каждый разъ скороходъ вызывается одною и тою же стереотипною фразою и отвѣчаетъ всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Посланникъ (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.! Почто магометанскаго посла призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Поди, сходи въ дерзкое царство, къ дерзкой богинѣ, снеси ей отъ меня перстень и пакетъ и проси у ней отвѣтъ, что желаетъ она замужъ, или нѣтъ?

Посланникъ (*подходитъ къ богинѣ*). Прими, прими, дерзкая богиня, отъ царя Максимиліана перстень и пакетъ и дай ему отвѣтъ, что желаешь за него замужъ, или нѣтъ?

Богиня. Я желать желаю, только подвергаю его дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ.

Посланникъ (*подходитъ къ царю*). Она желать желаетъ, только подвергаетъ васъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ.

Царь (*призываетъ скорохода и приказываетъ привести «всѣхъ придворныхъ рыцарей». Рыцари подходятъ и говорятъ, какъ выше: Царь говоритъ*). Дѣти, вы знаете, я овдовѣлъ, а вы у меня осиротѣли. Хочу я жениться на дерзкой богинѣ; она желать желаетъ, только подвергаетъ насъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ. Повѣруйте?

Всѣ. Вѣруемъ!

Царь. Божитесь?

Всѣ. Божимся!

Адольфъ (*подбѣгаетъ къ трону, бросаетъ саблю и говоритъ сердито*). Не божусь я, не клянусь я отцовскимъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ; отдалюся я въ пустыню, тамъ я буду жить одинъ. (*Поётъ:*) Скроюсь, скроюсь я молодчикъ, отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ; отдалюся я въ пустыню, тамъ я буду жить одинъ. (*Уходитъ*).

Царь (*черезъ скорохода требуетъ къ себѣ магометанскаго посланника. Посланникъ подходитъ къ царю и говоритъ, какъ выше. Царь говоритъ посланнику*). Поди разыщи мнѣ непокорнаго сына Адольфу.

Посланникъ (*обойдя кругомъ, подходитъ къ царю*). Былъ въ Парижѣ—много ближе, былъ въ Италіи—много далѣе, былъ въ Адестѣ верстъ за двѣстѣ—и то не могъ его найти.

Царь. Ищи, ищи хорошеньче!

Посланникъ (*опять обойдя кругомъ, говоритъ*). Былъ я въ городѣ Клину, одѣлилъ всѣхъ бабъ по блину, а красныхъ дѣвушекъ по толстой лепешкѣ—и то не могъ его найти.

Царь. Ищи, ищи хорошеньче, а то дамъ пятьдесятъ, мало—сто, пропадетъ твоя магометанская служба ни во что.

Посланникъ (*опять обойдетъ кругомъ и говоритъ*). Былъ я въ городѣ Костромѣ, одѣлилъ всѣхъ бабъ по сарафану а красныхъ дѣвушекъ по платью; онѣ могли его найти, только нельзя его взять.

Царь. Какъ такъ нельзя его взять?

Посланникъ. Да очень велика шайка разбойниковъ.

Царь. Да развѣ у меня войска мало? Возьми полкъ, мало — два, мало—три, только сына приведи. (*Въ это время всѣ становятся на двѣ стороны*).

Посланникъ (*подходитъ и спрашиваетъ*). Адольфа здѣсь?

Кто-нибудь (*отвѣчаетъ*). Здѣсь!

Посланникъ. А можно взять?

Кто-нибудь (*отвѣчаетъ*) Нельзя.

Посланникъ. Кровь прольемъ, а Адольфу возьмемъ. (*Беретъ Адольфа и ведетъ къ отцу*).

Адольфъ (*подходитъ къ отцу, падаетъ на колѣна и говоритъ*). О, дражающій родитель, всему міру покоритель! почто непокорнаго сына призываешь или какое дѣло повелѣваешь?

Царь. Сынъ, гдѣ-ты по сеё время пропадалъ?

Адольфъ. На матушкѣ на Волгѣ катался, да съ разбойничками знался.

Царь. Да развѣ дозволяется царскому сыну на матушкѣ на Волгѣ кататься да съ разбойничками знаться? Сынъ, а велика ли была ваша шаичка?

Адольфъ. Триста шестьдесятъ пять человѣкъ.

Царь. А велика ли ваша лодочка?

Адольфъ. Одинъ конецъ въ Кострому, другой въ Астрахань.

Царь. О, видывать-то я не видывалъ, и слыхивать-то я не слыхивалъ. Сынъ, я тебѣ все это прощаю, но вновь начинаю. Ты знаешь, я овдовѣлъ, а ты у меня осиротѣлъ: хочу я жениться на дерзкой богинѣ; она желаетъ итти за меня замужъ, только подвергаетъ насъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ. Повѣруй, вотъ тебѣ сей честный тронъ, и золотая корона.

Адольфъ. На твою тропу посадить тётку Матрёну, а твою корону надѣть на рыжую корову, а твою красавицу богиню посадить её на сивую кобылу, да заставить маленькихъ мальчишекъ каменьями пробрать, чтобы она христіанскую вѣру не нарушала, да чтобъ отца съ сыномъ не разлучала.

Царь. О, сынъ дерзкій, Адольфъ мерзкій, посажу я тебя въ темную темницу, гдѣ сидѣли князья да бояре за измѣнъ Москвы, которые продали Москву за три бочки песку; дамъ тебѣ фунтъ хлѣба, да стаканъ воды. (*Призываетъ скорохода*). Сведи моего непокорнаго сына Адольфу въ темную темницу, гдѣ сидѣли князья да бояре за измѣнъ Москвы, которые продали Москву за три бочки песку, дай ему стаканъ воды да фунтъ хлѣба. (*Скороходъ уводитъ Адольфа. Царь опять призываетъ скорохода*). Приведи мнѣ гусарика молодца.

Гусаръ (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.!

Царь. Гусаръ, гдѣ-ты по сеё время пропадалъ?

Гусаръ. За Уралами стоялъ, ваше царство защищалъ.

Царь. А ну-ка докажи свое геройство!

Гусаръ. (*ходитъ и говоритъ*). По царскому дозволенію саблю наголо обнажу, всю гусарскую храбрость окажу. [1])

Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру.
Здѣсь человѣка держать,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ (водкѣ).
Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядятъ хозяинъ да хозяйка.
Небось не выманишь за дверь
Ее ни честью ни нагайкой.
То ли дѣло городъ Кіевъ? Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Вина—хоть пару поддавай,
А молодицы, молодушки—
Ей, ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой;
Однимъ, однимъ нехороши...

Царь. А чѣмъ же, разскажи, служивой?

Гусаръ. Ну, слушайте! Около Днѣпра стоялъ нашъ полкъ. А на мое счастливое моленье попала хозяйка, да добрая,—такъ добра, такъ хороша! Бывало напоитъ накормитъ, да сорковушку винца приготовитъ.

Вотъ съ ней и подружился я.
Живемъ согласно, такъ что любо.
Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо.
Напьюсь—уложитъ и сама
Опохмѣлиться приготовитъ.
Мигну бывало ей: кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.
Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ, я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать! врагъ попуталъ, видно.
Зачѣмъ бы ей,—сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя!
Куда ее лукавый носитъ?
Я сталъ присматривать за ней,
Разъ я лежу, глаза прищуря,—
А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря,—
И слышу: кумушка моя
Съ печи очень тихо прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки скляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
Раздѣлась до нага, потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ,
Взвилась въ трубу и улизнула.
Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!
И съ печки слѣзъ, и вижу—склянка.
Понюхалъ—кисло: что-за дрянь?
Плеснулъ я на полъ—что за чудо!
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу, худо.
Гляжу, подъ лавкой дремлетъ котъ,
И на него я брызнулъ склянкой.
Какъ фыркнетъ онъ! Я—брысь!—и вотъ
И онъ туда-же за лаханкой.
Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало!

---

[1]) Дальше слѣдуютъ съ нѣкоторыми искаженіями стихи изъ Пушкинскаго „Гусара“. *Ред.*

И все—горшки, скамьи, столы—
Маршъ-маршъ все въ печку поскакало.
Кой чертъ,—подумалъ я теперь:
И мы попробуемъ, и духомъ
Всю склянку выпилъ. Вѣрь, не вѣрь,
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

Лечу, кричу: эй, вы, звѣзды лѣвѣе, а ты мѣсяцъ правѣе, а то вѣдь задавлю!
Гляжу—гора; на той горѣ,
Кипятъ котлы, поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ,
Да мою Маруську забавляютъ.

Вдругъ меня моя Маруся увидала.—Ты, пострѣлъ, зачѣмъ сюда поспѣлъ? Вотъ тебѣ грязная кочерга, поѣзжай домой.—Какъ, я гусаръ присяжный, да поѣду тебѣ на кочергѣ грязной? да я не буду мундира марать! А если ты для меня и хороша и добра, осѣдлай ворона коня: шея дугой, грива волной, я сѣлъ-бы гусарикъ да поѣхалъ домой. Гляжу, выводитъ мнѣ Маруська коня: шея дугой, грива волной, я сѣлъ гусарикъ и поѣхалъ домой. Пріѣзжаю домой, думалъ я на добромъ конѣ, гляжу—на трехногой скамьѣ. Конченъ, конченъ дальній путь, дай гусару воздохнуть! (*Поется пѣсня*).

«Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимой,
Сладко было воздохнуть мнѣ съ подружкой милой.
—Долго въ грусти я ждала казака младова,
Чуть забрезжилась луна съ неба голубова»...

Царь (*кричитъ*: «*смирно!*» *и говоритъ Гусару*). Гусаръ, а видно роду-то не простого.

Гусаръ. Такъ точно.

Царь Какого-же?

Гусаръ. Дворянскаго рода, собачьяго завода, благороднаго каменьщика, пастуховъ сынъ,

Царь. Хорошаго ты роду.

Царь (*подзываетъ скорохода*). Приведи мнѣ непокорнаго сына Адольфу.

Адольфъ (*подходитъ*). О, дражающій родитель, всему міру покоритель! почто непокорнаго сына призываешь, или какое дѣло повелѣваешь?

Царь. Сынъ, хорошо-ли было тебѣ въ темной темницѣ?

Адольфъ. Хорошо.

Царь. Повѣруй! вотъ тебѣ сей честный тронъ и золотая корона.

Адольфъ. Не вѣрую! Я твои боги терзаю подъ ноги, въ грязь втопчу, въ огонь мечу, но вѣровать не хочу.

Царь. О сынъ дерзкій, Адольфъ мерзкій! Скую я тебя съ головы до самыхъ ногъ. (*Подзываетъ скорохода*). Приведи мнѣ кузнеца молодца.

Кузнецъ (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.! почто кузнеца молодца призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Скуй моего непокорнаго сына Адольфу съ головы до самыхъ ногъ. (*Сковываютъ*).

Адольфъ. (*Скованный поетъ*).

«Скованъ, скованъ я молодчикъ съ головы до самыхъ ногъ.	Съ горя ноженьки не ходятъ, на свѣтъ глазки не глядятъ».

Царь. Смирно! (*Подзываетъ скорохода*). Приведи мнѣ казака молодца!

Казакъ (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.! почто казака призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Казакъ, гдѣ ты по сіе время пропадалъ?

Казакъ. За Уралами стоялъ, ваше царство защищалъ.

Царь. А ну-ка докажи свое геройство!

Казакъ (*ходитъ кругомъ*). По царскому дозволенію саблю наголо обнажу и казацкую должность покажу. Назадъ тому 33 года какой я былъ славный воевода! Кудри на мнѣ вились, усы мои веревкой крутились, борода на мнѣ рдѣла и вся казацкая кровь кипѣла. Вотъ моя мощная рука, 15 лѣтъ она ни на комъ не была, била она горшки и плошки и то терпѣли эти большія казацкія окошки.

Царь. Казакъ не слыхалъ-ли чего новенькаго?

Казакъ. Вѣсточку.

Царь. Какую?

Казакъ. Новую пѣсенку. (*Поютъ пѣсню*).

За Ураломъ за рѣкой казаки гуляютъ.
Ей, ей, ей гуляй, казаки гуляютъ.
Хоть по шапкамъ тумаки, но живутъ богато.
Ей, ей, ей гуляй, но живутъ богато.
Они ночи мало спятъ, въ полѣ разъѣзжаютъ.
Ее, ей, ей гуляй, въ полѣ разъѣзжаютъ.

Казакъ (*кричитъ*). Смирно!

Царь (*подзываетъ скорохода*). Приведи мнѣ непокорнаго сына Адольфу.

Адольфъ (*подходитъ, падаетъ на колѣни*). О, дражающій родитель, всему міру покоритель! почто непокорнаго сына призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Сынъ, хорошо-ли было тебѣ скованному?

Адольфъ. Хорошо.

Царь. Повѣруй, вотъ тебѣ сей честный тронъ и золотая корона.

Адольфъ. Вѣрую.

Царь (*призываетъ скорохода и велитъ привести всѣхъ придворныхъ рыцарей. Рыцари подходятъ и одинъ говоритъ, какъ сказано выше. Царь къ рыцарямъ*). Спойте «Ты рябинушка».

(*Царь съ Адольфой расхаживаютъ, всѣ поютъ*).

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты кудрявая, моложавая,
Ты когда взошла, когда выросла?...
(*Царь садится на мѣсто*).

Адольфъ (*бросаетъ саблю и говоритъ*). Не божусь я, не клянусь отцовскимъ дерзкимъ богамъ и золотымъ статуямъ.

Царь. О, сынъ дерзкій, Адольфъ мерзкій! выведу я тебя въ чистое

поле, срублю твою буйную голову съ праваго плеча на лѣву сторону. (*Къ скороходу*). Приведи мнѣ рыцаря Бормуила!

Бормуилъ (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в! почто рыцаря Бормуила призываете, или какое дѣло повелѣваете?.

Царь. Выведи моего непокорнаго сына Адольфа въ чистое поле, сруби ему буйную голову съ праваго плеча на лѣву сторону.

Бормуилъ. Еще подумаю. (*Пройдясь подходитъ къ царю*). Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать, чтобы царскому сыну голову срубать. Я самъ собой не дорожу, но за любимаго Адольфу здѣсь на мѣстѣ свою голову положу.

Царь. Ты кому служишь, мнѣ или ему?

Бормуилъ. Вамъ.

Царь. Ну, такъ и дѣлай!

Бормуилъ (*подходитъ къ Адольфу*). Папаша приказалъ васъ казнить.

Адольфъ. О, другъ мой, рыцарь Бормуилъ! неужели твоя правая рука поднимется на мою буйную голову?

Бормуилъ. Когда ты царю былъ милъ, тогда и я тебя любилъ: куда ни пойду—все къ тебѣ зайду, куда ни поѣду—все къ тебѣ заѣду. Ты знаешь, что царское слово не измѣняется и третья вина не прощается.

Адольфъ. Поди попроси прощенья.

Бормуилъ (*подходитъ къ царю*). Вашъ сынъ проситъ прощенья.

Царь. Казни, казни, а то самъ будешь казненъ.

Бормуилъ (*къ Адольфу*). Велѣлъ казнить.

Адольфъ. Ну, дай съ народомъ проститься. (*Поетъ*)

Простите всѣ друзья мои, товарищи, на вѣки разстаюсь,
Надъ моей буйной головушкой держатъ вострый мечъ,
Хотятъ срубить мою головушку съ моихъ могучихъ плечъ.
Посмотрите, люди добрые, какъ прольется кровь рѣкой.

(*Подходитъ къ царю и падаетъ на колѣни*).

Ты прости, прости, родитель, прости, радость, дорогой!
Ты повѣровалъ богинѣ, а я вѣрую кресту,
А я вѣрую кресту, да во слезахъ тебя прошу:
Пожалѣй, отецъ-родитель, свою милую дитю!

Царь (*къ Бормуилу*). Казни, казни, а то самъ будешь казненъ!

Адольфъ (*встаетъ и обращается къ народу*). Прощай востокъ, прощай западъ, прощай сѣверъ, прощай югъ, прощайте всѣ цари, царицы, прощай вы, красныя дѣвицы, прощайте весь народъ любитель, прощай и ты, отецъ-губитель.

Бормуилъ (*снимаетъ съ него шапку*). Вотъ я рыцарь Бормуилъ царскому сыну голову срубилъ. Вотъ я здѣсь хожу, съ честью и славой во гробъ положу. Однажды шелъ я горами лѣсами и крутыми бере-

гами. Гляжу, подъ ракитой лежитъ нашъ царевичъ убитый. Ахъ, какъ жалостно, господа! Изъ его бѣлаго кафтана течетъ благородная кровь его. Посмотрите, господа, какое правосудіе у царя: единственный былъ сынъ, и того съ міру сжилъ. Нѣтъ, не хочу я здѣсь быть, не хочу этому гордому царю служить. О, ржавое желѣзо, пронзи грудь мою до самаго сердца! (*Закалывается*).

Царь (*къ скороходу*). Приведи мнѣ старика землекопателя.

Старикъ (*ъдетъ къ царю и, какъ только можетъ, чудитъ*). Здраствуй, царь Максиміанъ! почто старика призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Вотъ, старикъ, убери это тѣло, чтобы сверхъ земли не тлѣло, чтобы червь тѣлю не точилъ и воронъ костей не уносилъ.

Старикъ (*убираетъ и подходитъ къ царю*). Вотъ, батюшка-царь, теперь зима, а не лѣто.

Царь. Ну, что же?

Старикъ. Теперь сшить-бы мнѣ тулупъ на гагачьемъ мѣху.

Царь (*скороходу*). Приведи мнѣ шведца-портного.

Портной (*подходитъ*). Здравія желаемъ, в. и. в.! почто шведца призываете, или какое дѣло повелѣваете?

Царь. Вотъ, сшей старику тулупъ на мѣху.

Портной. Вотъ я портной Пѣшка, шью очень крѣпко, шью, точаю, головой качаю, всѣ двери примѣчаю, сопли сморкаю, въ карманъ кладу—это нитки вощать. День съ иглой, ночь съ уздой, день точаю, а ночь лошадей отправляю. Жили мы въ городѣ Каширѣ, всѣмъ новые горшки пошили, а старыми подметки подбивали—тѣмъ и хлѣбъ добывали. Старикъ, что шить?

Старикъ. Тулупъ на гагачьемъ мѣху.

Портной (*мъряетъ*). Я воротники шить не стану, но мальчиковъ заставлю. (*Раза три ударяетъ старика*).

Старикъ (*подходитъ къ царю*). Вотъ, батюшка, тулупъ-то сшили, да человѣка утащили.

Царь. Ну что же теперь тебѣ?

Старикъ. Доктора.

Царь (*скороходу*). Приведи мнѣ придворнаго доктора. (*Докторъ подходитъ съ обычной фразой къ царю. Царь къ нему*). Вотъ вылѣчи мнѣ этого старика.

Докторъ. Вотъ я докторъ-лѣкарь, изъ подъ Каменнаго моста аптекарь; я такъ славно лѣчу—изъ угла въ уголъ мечу; чирьи вырѣзаю, а болячки вставляю, а этихъ стариковъ на разумъ наставляю. Ко мнѣ приходятъ на ногахъ, а я отправляю на дровняхъ; ко мнѣ пріѣзжаютъ на дрожкахъ, а я отправляю на рогожкахъ, а этого старика живьемъ въ землю закопаю. Старикъ, говори, что болитъ?

Старикъ. Голова.

Докторъ. Болитъ твоя голова—остричь ее догола, четвертнымъ полѣномъ пріударить, и заживетъ твоя голова. Еще что болитъ?

Старикъ. Бокъ.

Докторъ. Болитъ твой бокъ 29-й годъ; онъ неизлѣчимый. Еще что болитъ?

Старикъ. Ноги.

Докторъ. Болятъ твои ноги—отрубить ихъ на порогѣ, деревяшки приставить да поплясать заставить.

Царь (*встаетъ, прохаживается*). Хочу я видѣть рыцарское штурмованіе.

Рыцарское штурмованіе.

Сначала поютъ пѣсню: „Я вечоръ въ лужкахъ гуляла".

Богиня (*выходитъ и тихо говоритъ, прохаживаясь*).

Вотъ я, дерзкая богиня, по чистымъ полямъ ходила; по чистымъ полямъ ходила, всѣ я земли покорила; одна мнѣ земля не покорна—Марцево поле. Вознесусь я, вознесусь на синее море, съ синяго моря на Марцево поле; если ко мнѣ Марецъ явится, то моему мечу покорится, а если онъ не явится, то колѣну преклонится.

Марецъ (*выходитъ и говоритъ сердито*). Фу-фу, Боже мой! что я слышу предъ тобой? въ незапной сторонѣ молонье сверкаетъ, въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ какая-то мерзкая дѣвченка гуляетъ; гулять-то она гуляетъ, да меня храбраго рыцаря урекаетъ. Но если я ее найду, то сейчасъ ей голову снесу; а если не найду, то самъ себя рѣшу. (*Подходитъ къ богинѣ; она падаетъ на колѣна*). Не ты-ли, мерзкая дѣвченка, въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ гуляешь? Гулять-то гуляешь, да пѣсенки распѣваешь, еще меня храбраго рыцаря урекаешь! (*Отходитъ въ сторону*).

Звѣзда (*выходитъ и говоритъ*). Однажды я вышелъ на парадное крыльцо прохладиться, и слышу—за синими морями, за темными лѣсами младецкій свистъ и дѣвичій посвистъ. Осѣдлалъ я своего ворона коня и помчался я туда; примчался я туда, сердце во мнѣ кипитъ, и кровь моя горитъ, сестра моя Венера передъ кѣмъ-то на колѣнахъ стоитъ. (*Подходитъ къ богинѣ*). Скажи, скажи, сестра Венера, передъ кѣмъ на колѣнахъ стоишь?

Богиня. Такъ богамъ угодно.

Звѣзда. Какъ такъ богамъ угодно? Скажи, не утайся, меня храбраго рыцаря не убойся, защищу, защищу за невинную кровь твою, за алую красоту.

Богиня. Передъ Марцемъ.

Звѣзда (*подходитъ къ Марцу*). Что ты есть за Марецъ? что ты есть за храбрый воинъ? Напалъ въ полѣ на дѣвицу, какъ волкъ на лисицу, и терзаешь ее, какъ ястребъ птицу.

Марецъ. А ты что ей—сватъ, или братъ, или родственникъ какой?

Звѣзда. Я не братъ, и не сватъ, и не родственникъ какой. Хочу съ тобой биться, рубиться, на острыя сабли сходиться. (*Они сходятся, и Марецъ побиваетъ Звѣзду*.

Марецъ (*къ богинѣ*). Ну вотъ, мерзкая дѣвченка, я и твоего защитника побѣдилъ. Вотъ какъ вознесу свой булатный мечъ, покатится твоя дурная башка съ плечъ. (*Побиваетъ богиню, опять ходитъ и говоритъ*). Отрада мнѣ: 17 лѣтъ супротивника мнѣ нигдѣ нѣтъ, только есть какой-то супротивникъ за три-девять земель въ три-десятомъ государствѣ, какой-то народился тамъ Аника-воинъ. Но хоша онъ и народился, да на ноги не становился; хоша и на ноги становился, да на коня не садился; хоша и на коня садился, да съ могучими богатырями не сходился, да и такъ сказать его воронъ и костей сюда не занесетъ.

Аника (*входитъ*). Меня не воронъ кости заноситъ, меня добрый конь сюда завозитъ.

Марецъ. А ты, пострѣлъ, зачѣмъ сюда поспѣлъ! аль злой смерти захотѣлъ?

Аника. Что ты есть за Марецъ, что ты есть за храбрый воинъ? По бѣлу ты свѣту таскаешься, да мной Аникой помыкаешься; если хочешь воевать, изволь въ чистое поле выѣзжать. (*Они сходятся, и Аника побиваетъ Марца*).

Мамай (*выходитъ*). Сѣверъ югъ съ восточныхъ странъ прилеталъ сизой орелъ съ черными усами и потрясалъ онъ всѣми землями. Въ эту ночь на небѣ звѣзда сіяла, и та на землю упала. Но кто её могъ поднять кромѣ меня, короля Мамая? Я король Мамай, другъ солнцу, лунѣ братъ, блестящей звѣздѣ зять, всѣмъ царямъ я царь, всѣмъ королямъ король, мое благовѣрное султанское величество. Разсержусь я, распалюсь, въ Римскую имперію заберусь, всѣ города огнемъ пожгу, а самого негодяя живьемъ въ плѣнъ возьму. Гдѣ здѣсь мой возлюбленный племянничекъ?

Племянникъ (*подходитъ*). Здѣсь, здѣсь, дяденька, являюсь предъ тобой, какъ рыцарь предъ твоей головой.

Мамай. Поди снеси царю Максиміану первое письмо, скажи ему, чтобы онъ дань платилъ, да злато-серебро возилъ, а то разобьемъ, разскидаемъ, сами златомъ завладаемъ.

Племянникъ (*подходитъ къ царю*). Страшись, трепещись, прегрозный царь Максиміанъ! Пишетъ тебѣ король Мамай первое письмо, чтобъ дань платилъ, да злато-серебро возами возилъ.

Царь. Скажи своему королю Мамаю, что у меня для первой встрѣчи есть пуля, бомба и картеча.

Племянникъ (*подходитъ къ Мамаю*). Дяденька, я ему все подробно разсказалъ, онъ мнѣ на это грубо отвѣчалъ: скажи, говоритъ, своему королю Мамаю, что у меня для первой встрѣчи есть пуля, бомба и картеча.

Мамай. Поди снеси злодѣю вторичное письмо; развѣ онъ не знаетъ про короля Мамая, какая про него честь и слава: съ кѣмъ ни сойдется — земля и небо трясется, на воды встанетъ —

воды кипятъ, отъ моихъ могучихъ плечъ дома и башни къ облакамъ летятъ.

Племянникъ *(подходитъ къ царю)*. Страшись, трепещись, прегрозный царь Максимиліанъ! пишетъ тебѣ король Мамай вторичное письмо; развѣ ты не знаешь про короля Мамая, какая про него честь и слава: съ кѣмъ ни сойдется—земля и небо трясется, на воды встанетъ—воды кипятъ, отъ его могучихъ рукъ дома и башни къ облакамъ летятъ.

Царь. Скажи своему королю Мамаю: я вамъ обѣимъ бока и ребры переломаю.

Племянникъ. Дяденька, я ему все подробно разсказалъ, онъ мнѣ на это грубо отвѣчалъ: скажи своему королю Мамаю, что я вамъ обоимъ бока и ребры переломаю.

Мамай *(племяннику)*. Встань къ сторонѣ. (*Самъ опять ходитъ и говоритъ*). Вострепещись по всей вселенной воздухъ, огонь и вода, ужахнись ты, царь надменный, что рѣшитъ тебя судьба. Иль ты гордости не знаешь, что я готовлю для тебя? Я готовлю для тебя острый мечъ-кладенецъ, сдѣлаю съ тобою кровавый бой, тогда ты скажешь, что король Мамай не шутилъ съ тобой. Гдѣ здѣсь мой возлюбленный племянникъ?

Племянникъ *(подходитъ)*. Здѣсь, здѣсь, дяденька, являюсь предъ тобой, какъ рыцарь предъ твоей головой.

Мамай. Снеси злодѣю третье письмо, чтобъ онъ въ чисто поле выѣзжалъ, или защитника за себя искалъ. *(Племянникъ передаетъ царю письмо)*.

Царь Максим. *(племяннику Мамая)*. О, черный арабъ, самъ и чертъ тебѣ не радъ. (*Встаетъ и прохаживается кругомъ*). О, боги мои, боги, боги-магометы! неужели въ моей имперіи защитника за меня не найдется?

Аника *(подходитъ къ царю)*. Защищу, защищу, в. и. в.! Тогда наше царство покорится, когда шлемъ долой свалится; тогда наше царство покорится, когда голова долой свалится. (*Поетъ*).

Прости, прости, страна родная! простите, вѣрные друзья!
Благослови ты, мать родная: иду на смерть карать врага.
Быть можетъ, утренней зарею мнѣ рыцарь черепъ раскроитъ....

Мамай. Раскрою, раскрою, рас—скрою!

Аника *(продолжаетъ пѣть)*. Прольетъ онъ кровь мою рѣкою, прольетъ онъ алою рѣкой.

Мамай. Пролью, пролью, прр-олью!

Аника *(поетъ)*. Прольетъ онъ алою рѣкою, и воздымится къ небесамъ.

Мамай. Воздымлю, воздымлю, возз-дымлю!

Аника. Растворитесь вы, врата златыя, опущусь я за стѣны городскія; иду я короля Мамая карать; карать я его не стану, но злой смертью награжу.

Мамай. Эхъ, молодой человѣкъ! не совѣтовалъ бы я тебѣ съ нами богатырями сражаться. Тебѣ бы только въ деревнѣ пребывать да съ дѣвушками играть.

Аника. Стой, герой, хвалиться собой! У меня есть пастушокъ— и тотъ сразится съ тобой.

(Сходятся три раза, потомъ Аника обращается къ царю и бросаетъ саблю). Эко ржавое желѣзо, и человѣческаго мяса не сѣчетъ! У того у храбраго рыцаря нигдѣ и капли крови не течётъ.

Царь (*встаетъ*). Вотъ тебѣ дербеновской стали мечъ; твой мечъ не рубитъ, не сѣчетъ, но этотъ прямо въ ретивое сердце злодѣю пойдетъ. (*Отдаетъ свою саблю Аникѣ*).

Аника (*беретъ саблю и обращается къ королю Мамаю).* Получилъ я отъ царя Максимиліана дербеновской стали мечъ; мой мечъ не рубитъ, не сѣчетъ, но этотъ прямо въ ретивое сердце пойдетъ.

Мамай. Сходись, злодѣй, на сбрую латную, на копье булатное, на палецъ боевой, на смертный поединокъ со мной. (*Они сходятся, и Аника побиваетъ Мамая и снимаетъ съ него шапку*).

Аника *(подходитъ къ царю).* Прими, прими голову короля Мамая отъ защитника Царь-града.

Царь. Хвала, хвала тебѣ герою!

Всѣ *(поютъ).* Хвала, хвала тебѣ герою, что градъ Антонъ(?) спасенъ тобой.

Аника *(ходитъ)*. Въ эту пору, въ этотъ часъ, хоть бы смерть явилась сейчасъ, и той бы голову срубилъ.

Смерть (*подползаетъ къ нему; онъ обращается къ ней*). А ты что за старуха, мякинное твое брюхо, изъ подъ винной бочки шлюха?

Смерть. Я не старая старуха, а я смерть твоя.

Аника. Я и смерти не боюсь; вотъ какъ вознесу свой булатный мечъ, покатится твоя дурная башка съ плечъ.

Смерть. У меня есть ножи и пилы, подточу твои жилы.

Аника (*падаетъ на колѣна*). О, мати моя, смерть, дай мнѣ житья на одинъ годъ!

Смерть. Не дамъ и на мѣсяцъ.

Аника. Дай хоть на мѣсяцъ.

Смерть. Не дамъ и на недѣлю.

Аника. Дай хоть на одинъ день.

Смерть. Не дамъ и на часъ.

Аника. Ну, дай хоть съ народомъ проститься.

Смерть. Ну, прощайся да поскорѣе, оставь пятакъ на табакъ.

Аника. Прощай востокъ, прощай западъ, прощай сѣверъ, прощай югъ, прощайте всѣ цари, царицы, прощайте вы, красны дѣвицы! Когда я съ вами жилъ сердечно, теперь ложусь въ гробъ и безконечно. (*Падаетъ; ему поютъ пѣсню*).

„Померла наша надежда, съ ней скончалася любовь"...

Аника (*вскакиваетъ и кричитъ*). Былъ я въ адѣ, всѣ черти меня ради и вамъ велѣли приходить да тамъ трубы выводить.

(*Двое подбѣгаютъ къ царю и говорятъ*). Что-ты есть за царь за невѣжа! судишь ты, на боку лежа. Намъ нужно такого царя, чтобъ на матушкѣ на Волгѣ катался, да съ разбойничками знался. (*Сталкиваютъ царя съ трона*).

Запис. В. Костинъ.

СМѢСЬ.

Къ вопросу о времени возникновенія хлыстовщины.

Въ исторіи русской культуры однимъ изъ крупныхъ событій является образованіе различныхъ религіозныхъ сектъ; въ средніе вѣка русской образованности—только возникновеніемъ сектъ и ересей можемъ мы измѣрить и опредѣлить извѣстное умственное движеніе посреди почти двухвѣкового застоя. Однако вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ сектъ, не смотря на усилія многочисленныхъ изслѣдователей, остается не рѣшеннымъ, хотя нельзя сказать, чтобы изслѣдованія были поверхностны и опирались на скудный матеріалъ. Что касается, напримѣръ, христовщины или хлыстовщины и скопчества, то уже значительное количество матеріаловъ, коими располагали, напр., г. Добротворскій и г. Реутскій, показываетъ, насколько цѣнны эти изслѣдованія уже въ силу своей строго документальной обоснованности. Но если мы попробуемъ поискать, гдѣ и когда въ точности зародились эти религіозныя секты, то натолкнемся на рядъ противоположныхъ другъ другу мнѣній.

Первое мнѣніе, которое высказано было Добротворскимъ [1]), Мельниковымъ [2]), Рудаковымъ [3]), къ которому присоединяется и Реутскій [4]), относитъ возникновеніе хлыстовщины къ сравнительно недавнему прошлому — къ XVII вѣку, и объясняетъ появленіе ея вліяніемъ западно-европейскихъ мистическихъ сектъ, преимущественно квакеровъ.

Второе мнѣніе принадлежитъ Н. Барсову [5]) и раздѣляется Рождественскимъ [6]); оно заключается въ утвержденіи, что секты хлыстовщина и скопчество суть самобытныя явленія русской жизни.

---

[1]) Проф. Добротворскій „Люди Божьи", изслѣдованіе. 1869.
[2]) Мельниковъ. Тайныя секты. Р. Вѣстн. 1868. № 3.
[3]) Прот. Рудаковъ. Исторія правосл. церкви СПБ. 1866 г.
[4]) Реутскій. Люди Божьи и скопцы. М. 1872.
[5]) Н. Барсовъ, Русскій простонародный мистицизмъ. СПБ. 1869 г.
[6]) Свящ. Арс. Рождественскій. Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. М. 1882 г.

Щаповъ [1]) выводитъ хлыстовщину изъ языческихъ воззрѣній древности, сохранившихся подъ внѣшнимъ видомъ христіанства.

Какъ бы то ни было— вопросъ о происхожденіи хлыстовщины потребуетъ пересмотра съ появленіемъ новыхъ матеріаловъ. Полагаемъ, что едва-ли справедливо пренебрегать указаніями на сходство хлыстовщины съ богомильствомъ, но нельзя всецѣло возводить ее въ такую сѣдую древность, когда нѣкоторыя документальныя данныя, какъ кажется, могутъ пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ и склонить насъ въ пользу перваго взгляда, имѣющаго за собою, если не ошибаемся, большинство мнѣній изслѣдователей.

Вспомнимъ нѣкоторыя подробности о возникновеніи хлыстовщины. Хотя по указанію г. Барсова легенда хлыстовъ возводитъ образованіе секты ко времени Дмитрія Донского [2]), однако болѣе достовѣрными являются данныя уже XVII вѣка. По нимъ въ 1645 г. во Влад. губ. Муромск. у., въ Стародубской волости, на гору Городину сошелъ съ неба на огненной колесницѣ, окруженный ангелами, «Богъ Саваоѳъ» Данила Филипычъ — основатель секты. «Сынъ» его—«Христосъ» родился по преданію отъ 100-лѣтней старухи въ 1616 г.; въ 1649 г. онъ получилъ «божество» отъ Данилы Филипыча и сталъ его помощникомъ [3]). Нѣсколько разъ онъ подвергался задержанію со стороны властей и пыткѣ, но благополучно избавлялся.

Основными признаками секты являются безбрачіе, пляска и пророчествованіе, а засимъ—въ противорѣчіе съ первымъ—свальный грѣхъ. Добротворскій, ссылаясь на соч. Haxthausen'a [4]), разсказываетъ слѣдующее, сообщенное скопцами (разграниченіе хлыстовъ и скопцовъ, даваемое свящ. Рождественскимъ, не мѣшаетъ въ данномъ случаѣ). „Во время моленія *Люди Божіи* сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водой, 15-ти или 16-ти лѣтнюю дѣвицу, которую успѣли склонить къ оскопленію разными обѣщаніями. Когда дѣвица усядется въ чанѣ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ (лѣвый) и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченіе крови. Во время этой страшной операціи даютъ ей въ руки икону св. Духа, чтобы она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда кончится это гнусное людоѣдство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и всё собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: „поплясохомъ, погорохомъ (?) на Сіонскую гору“. Пляска дѣлается живѣе и живѣе и скоро переходитъ

---

[1]) Дѣло. 1867 г. № 10, стр. 336, 348.
[2]) Назв. соч., стр. 23.
[3]) Добротворскій, стр. 9.
[4]) Études sur la situation intérieur, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron de Haxthausen. 1847 г. Hanowre. v. I, c. IX.



въ истое бѣшенство; безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ въ язычествѣ"... Дитя, родившееся отъ такого общаго, свальнаго грѣха, считается родившимся отъ Бога.

Таково свидѣтельство, сообщаемое Haxthausen'омъ, подтверждаемое и другими документальными данными, хотя о. Рождественскій и отрицаетъ свальный грѣхъ у скопцовъ, указывая на ихъ воззрѣнія на чистоту, въ противоположность хлыстамъ [1]).

Мы напомнили объ этомъ съ тою цѣлью, чтобы при дальнѣйшемъ читатель имѣлъ въ виду три главные пункта хлыстовско-скопческаго радѣнія: пророчества въ пляскѣ, свальный грѣхъ и обоготвореніе плодовъ его.

Окончательное мнѣніе Добротворскаго, указавшаго на возможный путь переноса ученія—сношенія югозападной Руси съ Европой, таково:... „если фактически нельзя указать опредѣленнаго мѣста и времени, гдѣ и когда заимствованы главныя основы ереси людей божіихъ отъ западныхъ мистиковъ, то по крайней мѣрѣ *болѣе чѣмъ съ вѣроятностью.... можно утверждать, что ересь людей божіихъ проникла въ Россію чрезъ югозападныя страны отъ западныхъ мистиковъ, что ихъ ученіе съ развитіемъ западнаго мистицизма дополнялось и у насъ, не измѣняя своего основнаго характера и принимая только мѣстныя черты по соображеніямъ пророковъ людей божіихъ*" [2]).

Мнѣніе Добротворскаго теперь должно получить еще большую цѣнность: факты, какіе мы имѣемъ, и извѣстія о протестантской и вообще иноземной пропагандѣ въ Москвѣ [3]) пополняются новымъ матеріаломъ, извлеченнымъ нами изъ рукописи *начала XVII вѣка*, находящейся въ Архивѣ Св. Синода въ г. СПБ. Рукопись эта № 326 въ 4-ку написана мелкимъ красивымъ полууставомъ и содержитъ въ себѣ „Просвѣтитель" Іос. Волоцкаго, Зерцало богословія, книги мудреца Маркуса о десяти сивиллахъ и рядъ мелкихъ статей, между которыми на л. 326 об. читаемъ статью о еретикахъ—безъ особаго заглавія.

Въ виду представляемаго ею интереса приводимъ ее цѣликомъ, не сохраняя во всей точности, вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, ея палеографическихъ особенностей, не имѣющихъ въ данномъ случаѣ для насъ особеннаго значенія.

«Во градѣ Медиоламѣ безумніи людіе печитающе (sic) Моісеовы книги перваго закона и нашедше слово еже бѣ раститеся, плодитеся і наполните землю, і единъ безумникъ замыслилъ, а къ его мысли многія же человѣцы мужи і жены і дѣти ихъ пристали, і начаша сходитися і молитися бѣсосоставною молитвою въ ночи, і попъ ихъ

---

[1]) Рождественскій, назв. соч. стр. 11.
[2]) Добротворскій, назв. соч., стр. 31.
[3]) См. дѣло Кульмина 1689 года.

облечется въ скверную свою одежду і повелитъ свѣщи вжечь, і моляся погаситъ свѣчи і завопитъ: роститеся, плодитеся і наполните землю, такъ вамъ Богъ приказалъ.

Мужи жъ і отроки, возбѣснѣвше и разсвирѣпѣвше, і поимше кто жъ по прилучаю жену или дѣвицу, блудъ творяху безстудно. і съ того паденія зачнется дѣтищъ у жены или у дѣвицы, і они повѣдаютъ попу своему, попъ ж(е) пишетъ число дни (л. 327), і имена ихъ, і егда родится отроча, і принесутъ его на тожъ мѣсто, гдѣ сходятся на скверную свою молитву і на смѣшеніе, і тамъ попы ихъ, огнь складше, сожгутъ дѣтищъ тотъ, і попелъ его згребутъ, і носятъ вмѣсто мощей. і какъ новой попъ въ ихъ вѣрѣ станетъ, і даютъ ему того пепела пити в' винѣ, і прочихъ безумниковъ пріобщаютъ къ своей скверности тѣмъ ж(е) пепеломъ, благочестивіи жъ, видѣвше злую ихъ скверну, развратиша вѣру ихъ, і сонмища ихъ сожегоша, і ихъ в' заточеніе разослаша».

Весьма вѣроятнымъ представляется намъ, что эта или подобныя ей статьи, являвшіяся уже въ началѣ XVII вѣка, предупредили ту пропаганду сектантскихъ мистическихъ идей, о которыхъ говорятъ изслѣдователи. Правда, въ статьѣ мы не находимъ полнаго совпаденія съ тѣмъ, что читали въ свидѣтельствахъ новѣйшихъ очевидцевъ хлыстовскихъ радѣній. Но въ произведеніи противника и обличителя, все таки, сохранились основныя черты секты, къ которымъ надо еще причислить кощунственное причащеніе, совершаемое по образцу христіанъ, католиковъ и православныхъ. У насъ хлыстовщина могла принять иную, мѣстную окраску, но общаго сходства съ тѣмъ, что знаемъ мы и знали наши предки о Миланскихъ еретикахъ, отрицать нельзя.

В. Перетцъ.

Замѣтки по народной медицинѣ якутовъ и иркутянъ.

1. *Проказа, нервныя болѣзни, ревматизмъ и пр.*

Самая страшная болѣзнь въ Якутской области — проказа, издавна существующая между якутами. Особенно она распространена въ Вилюйскомъ округѣ. Понятно, что якуты старались и стараются найти способъ лѣченія этой болѣзни, по словамъ однихъ—заразительной, а по словамъ другихъ—незаразительной. Способъ этотъ, о которомъ такъ много говорили органы печати въ Сибири и Евр. Россіи, будто бы найденъ и заключается въ травѣ, извѣстной у якутовъ подъ именемъ *кучукты*, у русскихъ крестьянъ каменной полыни, горной полыни и наконецъ чернобыльника. Трава эта растетъ на высокихъ мѣстахъ кустами, съ довольно острымъ запахомъ, сѣмена точно такія

же, какія имѣетъ обыкновенно полынь, цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ, цвѣтъ желтый. По Кауфману, это—herba artemisia arborescens.

По отзывамъ якутовъ Вилюйскаго округа, кучукта нисколько не облегчаетъ страданій прокаженныхъ, употребляющихъ ее въ отварѣ. Непрокаженными она употребляется при головныхъ боляхъ и давленіи подъ ложечкой, когда засорится желудокъ, при глистахъ, какъ средство палліативное, и даже при параличѣ. Страдающіе головными болями кладутъ только что сорванную душистую кучукту, ложась спать, подъ подушку, причемъ у однихъ она прекращаетъ боли, у другихъ же усиливаетъ. Но такъ какъ кучукта, несомнѣнно, при нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ и при разстройствѣ органовъ пищеваренія, какъ и всякое горькое средство, регулируетъ пищевареніе и уничтожаетъ боли, то по всей вѣроятности признана якутами полезной и при лѣченіи проказы безсознательно, потому что смѣло можно отнести ее къ палліативнымъ средствамъ, чего не отрицаютъ сами якуты.

Причиной заболѣванья проказой, по словамъ якутовъ, служитъ дурная озерная вода, употребляемая для питья, и маленькая рыбка «мукду», напоминающая наши снѣтки, которую они ѣдятъ съ потрохами, когда она подвергается разложенію. Насколько такое объясненіе правдоподобно, я не берусь судить. Заболѣвшіе проказой изгоняются изъ наслеговъ въ отведенныя для нихъ мѣста, гдѣ всѣ одержимые этою страшной болѣзнью живутъ по десяти и болѣе лѣтъ, подвергаясь при жизни разложенію, и производятъ даже потомство. Врачебной помощью прокаженные не пользуются; все же необходимое для поддержанія жизни получаютъ отъ общины на опредѣленномъ мѣстѣ, куда имъ приносятъ родственники пищу и проч., не видаясь съ больными.

Другой способъ лѣченія проказы, мною записанный со словъ якутскаго врача К. В. Н—ова, заключается въ слѣдующемъ: $^1/_4$ hydrargyrum crudum растворяется въ $^3/_4$ acidum nitricum; когда ртуть растворится, образуя осадокъ, прибавляется немного hidrat. sulfurat. rubrum, и полученная такимъ образомъ смѣсь фильтруется сквозь толченое стекло, для того чтобы осадокъ ртути, разрушительно дѣйствующій на организмъ, остался на немъ; послѣ этого на стаканъ отвара сальсапарея вливается 1 капля профильтрованной смѣси и дается больному въ первый день; во второй вливаются уже 2 капли на стаканъ, въ 3-й три капли и т. д., продолжая увеличивать до 9 дня. Послѣ этого, если больной не излѣчится, даютъ ему отдохнуть; пріемъ раствора уменьшаютъ постепенно до 1 капли, и будто бы прокаженный излѣчивается окончательно.

Въ замѣткѣ, помѣщенной въ № 1 „Этнографическаго Обозрѣнія“ за 1892 г. въ отдѣлѣ смѣси, о способахъ лѣченія у якутовъ Олекминскаго округа, мной не опредѣлена одна трава, относящаяся къ семейству хвощей, употребляющаяся, какъ потогонное, при лѣченіи обыкновеннаго и сифилитическаго ревматизма и нервныхъ болѣзней.

Изучая народную медицину иркутскихъ подгородныхъ крестьянъ, я нашелъ, что эта же трава и почти при лѣченіи тѣхъ же болѣзней употребляется и здѣсь. Она у мѣстныхъ жителей извѣстна подъ именемъ дерябы (ephedra). Ephedra растетъ около Иркутска, въ дер. Смоленщинѣ, на высокомъ берегу Иркута, гдѣ обнаженъ юрскій песчаникъ. Н. И. Витковскій, бывшій консерваторъ музея В.-Сиб. Отдѣла И. Р. Географ. Общ., страдавшій головными болями, вытекавшими, вѣроятно, изъ нервнаго разстройства и приращенія оболочки мозга къ черепу, какъ установлено судебно-медицинскимъ актомъ, передавалъ мнѣ, что онъ спасался отъ головной болѣзни дерябой (ephedra), и что никакія средства, предлагавшіяся научной медициной, не дѣйствовали, вродѣ Kal. bromat., Tinct. valerian., Chloral. hydrat. и т. п. наркотическія средства. Ephedra, какъ лѣкарство, весьма распространена не только въ окрестностяхъ Иркутска, но и въ самомъ городѣ. Она даже продается мѣстными торговками на базарѣ отъ 30 до 50 к. за фунтъ.

Второе общераспространенное лѣкарство, употребляющееся якутами отъ 40 болѣзней, это каменный хаокъ, а у иркутянъ—енисейская ярь, употребляющаяся при головныхъ боляхъ, поносахъ, какъ вяжущее средство, и при гноящихся ранахъ, какъ дезинфекцирующее, а также употребляютъ ее внутрь при головныхъ боляхъ.

Третье иркутское народное средство, имѣющее во всемъ сходство съ якутскимъ,—это лѣченіе ревматизма при помощи горячихъ ваннъ съ почками тальника. Почки собираютъ, высыпаютъ въ какой либо большой ушатъ, или ванну, обвариваютъ ихъ кипяткомъ, и когда вода остынетъ настолько, что организмъ больного можетъ выносить температуру воды, кладутъ его въ эту ванну и сверху покрываютъ чѣмъ либо, для того чтобы больной не только потѣлъ лучше, но чтобы и вдыхалъ пары такой ванны. Открываютъ ванну и освобождаютъ больного отъ нея тогда, когда онъ начнетъ усиленно просить и умолять на всѣ лады лѣкарей, чтобы позволили «отпустить душу на покаянье», потому что приходитъ конецъ жизни. Но лѣкаря стараются уговорить, успокоить и требуютъ повременить чуточку. Наконецъ, больной, потерявъ всякое терпѣнье, обзываетъ своихъ друзей идолами, аспидами, душегубами проклятыми, антихристами и вообще говоритъ все то, что полагается говорить русскому человѣку въ подобныхъ случаяхъ, и вотъ послѣ этого больного извлекаютъ изъ ванны, кладутъ его въ постель и укрываютъ плотно, чтобы онъ не могъ простудиться. Это повторяется нѣсколько разъ, или вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока больной не почувствуетъ себя хорошо.

М. Овчинниковъ.

2. Животныя средства лѣченія у якутовъ.

Хотя принято думать, что у якутовъ радикальное лѣченіе отъ болѣзней состоитъ въ удаленіи демона, грызущаго больного, посредствомъ

приношенія ему разныхъ жертвъ черезъ шамана, но надо замѣтить что это практикуется при болѣе серьезныхъ болѣзняхъ, когда самъ больной и окружающіе его лица убѣждены, что болѣзнь происходитъ отъ демона. Шамана призываютъ: 1) когда больной заболѣетъ той болѣзнію, отъ которой его предки вылѣчивались при содѣйствіи шамана, и 2) когда человѣкъ заболѣетъ, при благополучномъ состояніи здоровья окружающей среды, такой болѣзнью, которая прежде не была извѣстна въ этой мѣстности и причина заболѣванія остается необъяснимой. При эпидемическихъ и заразныхъ болѣзняхъ якуты шамана не зовутъ; только въ народныхъ преданіяхъ остались воспоминанія о знаменитыхъ шаманахъ, которые удаляли эти болѣзни.

Но отъ нѣкоторыхъ болѣзней якуты лѣчатся своими средствами, и главнымъ образомъ у нихъ практикуется животное лѣченіе. Мнѣ удалось записать нѣкоторые рецепты этого лѣченія, которые и сообщаю во всей ихъ первобытной формѣ.

1) При перемежающейся лихорадкѣ слѣдуетъ пить уху изъ болотныхъ лягушекъ.

2) Венерическую болѣзнь лѣчатъ муравьинымъ отваромъ, который дается внутрь.

3) При накожныхъ сыпяхъ, пораженныя мѣста обкладываютъ чешуею карасей, кожею тайменя, или стерляди. Якутъ Октемскій Никита Еремѣевъ былъ одержимъ крупной сыпью, покрывшей правую сторону его шеи. Онъ свою болѣзнь называлъ „жагыл-ымынах“— крылатая сыпь, и считалъ ее посланною ему божествомъ орла. За что это божество его наказало—не знаетъ. Лѣченіе: надо собрать изъ девяти юртъ девять ложекъ сметаны, смѣшать съ сажей, мазать больное мѣсто, или же прикладывать вышесказанныя средства.

4) Отъ чахотки помогаетъ масло семи черныхъ коровъ, которое дается для внутренняго употребленія, по одной чайной чашкѣ, утромъ и вечеромъ.

5) Также проглатываютъ отъ чахотки небольшую живую лягушку.

6) Отъ слѣпоты, нужно поймать въ лѣсу птицу «кукша» и нести ее домой такъ, чтобы это видѣлъ самецъ ея и слѣдовалъ за нею. Помѣстить ее на дворѣ на высокомъ мѣстѣ, выкалывать у ней глаза по три утра, при чемъ каждый разъ она будетъ получать зрѣніе. Послѣднія ея слезы, полученныя изъ глазъ, надо собрать и пускать по одной каплѣ слѣпому въ глаза, черезъ это у него возвращается зрѣніе, а сама птица послѣ третьяго укола слѣпнетъ навсегда. Якуты говорятъ, что зрѣніе самкѣ возвращаетъ самецъ, но какимъ способомъ онъ это дѣлаетъ, они не знаютъ

Яица этой птицы пьютъ чахоточные при восходѣ и закатѣ солнца, и отваръ гнѣзда ея рекомендуется также отъ этой болѣзни.

7) При потерѣ крови рекомендуется пить свѣжую кровь скотины.

8) При золотухѣ пораженныя мѣста мажутъ кровью дятла.

9) Для заживленія раны, полученной отъ остраго орудія, слѣдуетъ рану завернуть въ теплое коровье масло. Также рекомендуется всыпать въ рану порошокъ изъ волчьяго языка.

10) При обжогахъ слѣдуетъ пораженныя мѣста обвязать свѣжей собачьей шкурой, или скотскимъ жиромъ; мыть кислымъ молокомъ; мазать сливочнымъ масломъ, смѣшаннымъ съ жжеными перьями вороны.

11) Если кого укуситъ собака, то слѣдуетъ достать отъ нея клокъ шерсти, которою окурить рану, и остатокъ приложить къ ранѣ и забинтовать.

12) Конскіе глаза рекомендуются для примочки при отмораживаніи.

13) Макса (печень) налима употребляется въ томъ же случаѣ, какъ наружная мазь.

14) Жиръ, вынутый изъ колѣнъ задней ноги скотины, высушенный на воздухѣ въ тѣни, употребляется какъ мазь, смягчающая кожу рукъ и ногъ отъ загара.

15) Мозгъ позвоночнаго столба скотины употребляется, какъ натяжной пластырь, при чирьяхъ и нарывахъ.

16) Когда стрѣляетъ въ ухо, то нужно туда влить свѣжій головной мозгъ карася.

17) Свѣжій собачій мозговой жиръ пускаютъ каплями въ глаза, при гнойномъ воспаленіи ихъ. Отъ этой же болѣзни помогаетъ, если пустить въ глаза внутренность червяковъ, употребляемыхъ для удочекъ.

18) При остромъ воспаленіи глазъ, нужно по солнцу обойти на дворѣ три раза коновязный столбъ и смотрѣть на восходъ и заходъ солнца черезъ глазныя впадины собачьяго черепа.

19) Брюшная железа коровы (*ноор*) употребляется при появленіи на человѣкѣ головной проказы (*можун*). Пораженную часть обкладываютъ этимъ въ сыромъ видѣ. Существуетъ повѣрье, что кто ѣстъ коровій *ноор*, у того подошвы гніютъ.

20) Безоар - сата, по вѣрованію якутовъ, имѣетъ свойство въ лѣтній зной производить сильный холодный вѣтеръ, или раннею весной заморозки.

21) Когда не отдѣляется мѣстечко ребенка, то даютъ родильницѣ порошокъ изъ кости тигра, или льва.

22) Мѣстечко недоноска медвѣдицы высушивается и затѣмъ въ порошкахъ дается больной, при сильномъ кровотеченіи послѣ родовъ.

23) Если у кого приключится зубная боль, или флюсъ, то нужно потереть снаружи щеки медвѣжьимъ языкомъ.

Н. П. Приклонскій.

1896 г., 13 ноября.
Улахъ-Анская ст. Якутск. окр.

Этюды въ области финскихъ сказокъ

(Финско-славянскія параллели).

Въ послѣднее время, послѣ того какъ начали признавать также за народными сказками научное значеніе, вниманіе все болѣе и болѣе обращалось на этотъ родъ народнаго творчества. Матеріала собрано и издано въ разныхъ странахъ такъ много, что можно подобрать даже большое количество варіантовъ сказокъ, болѣе распространенныхъ у разныхъ народовъ. Но значительное затрудненіе для изслѣдователя, занимающагося сравнительнымъ изученіемъ народныхъ сказокъ, составляетъ большое число языковъ, на которыхъ сборники изданы, особенно если принять во вниманіе еще и то, что въ нихъ часто употребляется нарѣчіе разсказщиковъ. Мало доступными остаются въ особенности сборники мелкихъ народовъ, если только не переведутъ ихъ на какой-нибудь изъ болѣе извѣстныхъ языковъ.

Цѣль предпринятой нами работы—дать русскимъ, интересующимся народными сказками, возможность познакомиться съ мало извѣстными сказками финскаго народа, которыя уже вслѣдствіе богатства собраннаго матеріала могутъ имѣть значеніе въ сравнительномъ изслѣдованіи. Этотъ опытъ не имѣетъ въ виду представить что-либо полное и законченное, а будетъ носить лишь частичный характеръ. Останавливаясь пока на нѣкоторыхъ образцахъ сказокъ, мы въ то же время не ставимъ себѣ пока задачею давать ученыя изслѣдованія въ области избранныхъ сюжетовъ. Мы приведемъ въ сокращеніи по одному варіанту каждой сказки изъ выбранныхъ нами для примѣра, прилагая къ нему, составленный на основаніи остальныхъ варіантовъ, краткій обзоръ главныхъ особенностей, разныхъ формъ, въ которыхъ сказка встрѣчается. Наконецъ, мы дадимъ для изслѣдователя списокъ знакомыхъ намъ славянскихъ варіантовъ каждой сказки. Если подобный опытъ ученою критикою будетъ признанъ полезнымъ, то онъ можетъ быть продолженъ и распространенъ.

Часть изъ приведенныхъ сказокъ находится въ изданныхъ сборникахъ: «Suomalaisia kansansatuja» I и II 1, часть въ рукописномъ видѣ въ архивѣ Финскаго Литературнаго Общества.

1. *Ночлегъ животныхъ.*

(Вазаская губернія, Рястіярви.—Suom. kansansat. I. № 164, стр. 189).

Быкъ, лошадь, пѣтухъ и кошка, въ виду угрозы быть зарѣзанными, бѣгутъ изъ дома, гдѣ готовятся къ свадьбѣ. На пути пристаютъ къ бѣглецамъ заяцъ и медвѣдь. Въ домѣ, куда наше общество заходитъ попросить ночлега, отводятъ имъ нежилую комнату, въ которой по-

селился чортъ. Быкъ расположился у дверей, медвѣдь на лавкѣ у стола, лошадь на полу, кошка на мѣстѣ для очага, заяцъ подъ лавкой, пѣтухъ залѣзъ на брусокъ. Приходитъ домой чортъ. Быкъ пыряетъ его въ бокъ рогами, лошадь ударяетъ копытомъ въ лобъ, медвѣдь деретъ когтями, заяцъ бѣгаетъ подъ лавкою, кошка мурлыкаетъ, пѣтухъ громко кричитъ. Чортъ убѣгаетъ къ хозяину и разсказываетъ, какъ у дверей портной ткнулъ его въ бокъ ножницами, на полу кузнецъ ударилъ молотомъ, у стола сапожникъ кололъ шиломъ, на очагѣ палачъ разводилъ огонь, подъ лавкою кто то искалъ свой мечъ, а съ бруска вслѣдъ ему раздавался крикъ.

Число варіантовъ этой сказки въ упомянутомъ сборникѣ достигаетъ ста. Мы удобно можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: въ первой животныя ночуютъ въ построенномъ ими самими домѣ, во второй—въ чужомъ домѣ. Первая редакція встрѣчается только въ восточной Финляндіи. Варіанты второй группы, которые равномѣрно распространены повсюду, мы можемъ также подраздѣлить на такіе, въ которыхъ общество составляютъ только животныя, и на такіе, въ которыхъ между животными встрѣчается человѣкъ, обыкновенно въ качествѣ руководителя. Разсказъ о томъ, что животныхъ собирались зарѣзать, находится только въ послѣдней редакціи, хотя рѣдко, если въ числѣ ихъ есть человѣкъ. Въ первой группѣ отправленіе въ путь обыкновенно вовсе не мотивировано: одно изъ животныхъ уходитъ построить домъ, другія примыкаютъ къ нему. Что касается ночующихъ животныхъ, то пѣтухъ, баранъ (или козелъ), кошка и свинья встрѣчаются часто повсюду, въ послѣдней группѣ кромѣ нихъ иногда быкъ и лошадь, рѣже собаки и гусь. Какъ въ приведенномъ нами варіантѣ присоединяются къ домашнимъ животнымъ часто также лѣсныя, между которыми самый обыкновенный—заяцъ, болѣе рѣдки—медвѣдь, волкъ и лиса. Мѣста на ночлегѣ строго опредѣлены только для пѣтуха и кошки, первому брусокъ, второй очагъ. Если участвуютъ въ компаніи быкъ или лошадь, то они обыкновенно остаются за дверьми. Мѣста барана свиньи и зайца перемѣшаны другъ съ другомъ. Въ большинствѣ случаевъ баранъ помѣщается среди комнаты на полу, свинья у дверей, а заяцъ подъ лавкою. Посѣтитель ночлега, во второй группѣ почти безъ исключенія чортъ. Видѣнное и испытанное имъ отъ ночующихъ животныхъ чортъ разсказываетъ своимъ собратьямъ, иногда хозяину ночлега. Въ первой группѣ ночлегъ посѣщаетъ волкъ (2 раза медвѣдь), на тропѣ котораго построенъ домъ. Нѣсколько разъ говорится о волчицѣ, которая, будучи прогнана животными, возвращается къ волчатамъ разсказать о случившемся. Потерпѣвшій всегда принимаетъ животныхъ за людей. Кошка въ большинствѣ случаевъ (старушка) женщина, которая ударяетъ по лицу гребнемъ, быкъ—портной, колющій ножницами, лошадь—кузнецъ, бьющій молотомъ. Роль сапожника приписывается то барану, то свиньѣ; послѣдняя бываетъ иногда и кузнецомъ, который хватаетъ клещами. Насчетъ пѣтуха и зайца нѣтъ

установленной формы. Первый называется ангеломъ, пономаремъ, часто о немъ говорится неопредѣленно «кто-то». Пѣтухъ обыкновенно кричитъ: «держите его», заяцъ ищетъ оружія: топоръ, мечъ и проч.

Изъ славянскихъ варіантовъ намъ извѣстны слѣдующіе:
У *Русскихъ*: Аѳанасьевъ, I, № 29, стр. 100, № 30, стр. 102, варіантъ стр. 104, № 31, стр. 105; Садовниковъ, Сказки и пред. Самар. края, № 51, стр. 173; Романовъ, Бѣлор. сб. III, № 15, стр. 21 съ варіантами; Рудченко, Нар. южнор. ск. I, № 22, стр. 39; Манжура. Сб. Харьк. ист.-фил. общ. II, стр. 1; K. Steffens, Volkskalender für 1870 p. 143, Huzulen—Märchen aus den Karpathen, deutsch von L. v. Sacher-Masoch — У *Лужичанъ*: Schulenburg, Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte, p. 23.—У *Чеховъ*: Waldau. Böhmisches Märchenbuch, p 208.—У *Кроатовъ*: Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven I, № 23, p. 67.

2. *Мужикъ и Морозъ, или Три чудесныя вещи.*

(Або-Бьернеборская губернія, Наккила. Рукопись Векъ-Руусунена, № 53).

Бѣдный мужикъ, у котораго Морозъ похитилъ хлѣбъ, идетъ къ жилищу Мороза потребовать обратно свою собственность. Тотъ даетъ ему котомку, изъ которой, скажи только: «выходите изъ котомки», появятся яства, и исчезнутъ со словами: «обратно въ котомку». Мужикъ угощаетъ своихъ гостей при помощи котомки. Богатый братъ его, узнавъ о чудесной котомкѣ, покупаетъ ее. Обѣднѣвши, мужикъ снова идетъ къ Морозу и получаетъ вторую котомку, красивѣе первой; изъ нея выходятъ мальчики съ палками въ рукахъ, если скажешь упомянутыя выше слова. Братъ обмѣниваетъ свою котомку на новую, предполагая, что та въ состояніи дать лучшую пищу. Мальчики по его зову выходятъ и бьютъ гостей богача, а самого хозяина—до смерти.

Эта сказка, одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Финляндіи, встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ. Волшебныя вещи получаетъ повсюду бѣднякъ, покупатель же ихъ—богачъ. Часто они братья. Въ приведенной выше формѣ сказка распространена, какъ въ восточной, такъ и въ западной Финляндіи. Въ другой группѣ варіантовъ, въ которой сѣверный вѣтеръ похищаетъ муку мужика, волшебныя вещи крадутъ въ избѣ, куда мужикъ на пути домой заходитъ ночевать. Бѣдняку въ этомъ случаѣ приходится три раза посѣщать вѣтеръ, получая каждый разъ одну изъ трехъ вещей: козла, изъ котораго выходятъ деньги, скатерть-самобранку и палку, которая по приказу начинаетъ бить. Съ помощью палки онъ получаетъ обратно похищеннаго козла и скатерть.

Сказка часто начинается совершенно иначе. Богачъ, къ которому бѣднякъ обращается передъ Рождествомъ за помощью, сердито кидаетъ ему окорокъ со словами: „убирайся съ нимъ къ чорту". Бѣднякъ

понимаетъ приказаніе буквально и, придя къ чорту, обмѣниваетъ окорокъ, который тотъ очень любилъ, на волшебныя вещи. Вмѣсто окорока бываетъ иногда поросенокъ, данный въ займы бѣдному. Богачъ, не желая взять его обратно, говоритъ упомянутыя выше слова. Волшебныя вещи въ этой группѣ почти всегда: мельница, мелющая что прикажешь, скатерть-самобранка и котомка или мѣшокъ съ мальчиками, какъ въ изложенномъ въ началѣ варіантѣ. Вещи въ большинствѣ случаевъ крадутъ во время дороги, но иногда богачъ покупаетъ мельницу дома, и сказка превращается въ разсказъ о волшебной мельницѣ. Она вслѣдствіе того, что не умѣютъ остановить ее, наполняетъ комнаты богача крупою, которую онъ приказалъ ей молоть для рабочихъ. Позванный на помощь бѣднякъ беретъ обратно мельницу и продаетъ ее одному морскому капитану. По его приказу мельница мелетъ соль, но такъ какъ и капитанъ не знаетъ слова, которымъ можно остановить ее, соль топитъ корабль съ мельницей, которая и теперь продолжаетъ работать,—отъ этого морская вода соленая.

Въ славянскихъ странахъ эта сказка повсюду очень распространена. Кромѣ сборниковъ такихъ, какъ Аѳанасьева, Романова, Добровольскаго, Чубинскаго, въ которыхъ она находится въ нѣсколькихъ варіантахъ, мы нашли ее также:

У *Русскихъ*: Худяковъ, Великорусск. ск., вып. II, стр. 49, 52; Извѣстія Имп. Общ. люб. Ест., Антроп и Этн. Т. LXIX (Труды этн. отд. Т. XI), вып. I № 14, стр. 188; Садовниковъ, Ск. и пред. Самарск. края, № 30, стр. 136; Ralston, Russian Folktales, p. 291, 296; Dietrich, Russ. Volksmärchen № 8; Рудченко, Нар. южнор. ск., вып. 2, стр. 125, 136; Ястребовъ, Мат. по этн. Новоросс. края, № 6, стр. 129; Манжура, Сб. Харьк. ист.—фил. Общ. стр. 74.—У *Поляковъ*: Kolberg, Lud. jego zwyczaje, sposób zycia etc. Serya III. № 1, p. 112; Glinski, Bajarz polski, IV p. 106, Woycicki, Polnische Volkssagen und Märchen p. 108=Повѣсти и пред. нар. славянскаго племени, изд. И. Боричевскимъ № XXV, стр. 117; Moszynska, Bajki i zagadki, № 3.—У *Лужичанъ* Haupt-Schmaler, Volkslieder der Wenden. Mit einem Anhange ihrer Märchen. Приложеніе: № 14, p. 175.—У *Чеховъ*: Waldau, Böhmisches Märchenbuch, p. 41. У *Сербовъ*: Николичъ, Народне србске приповедке, № 1.

А. Аарне.

(Продолженіе будетъ).

Иванъ Купала въ Черниговской губерніи
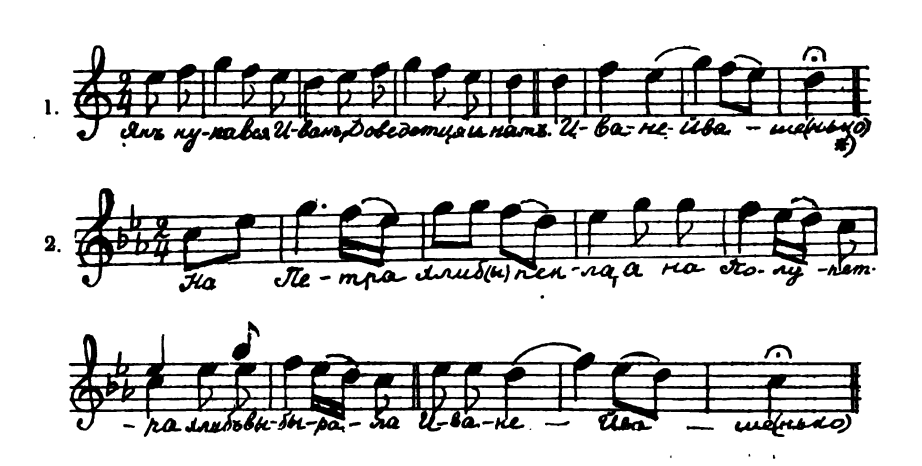
а) Въ м. Мринѣ и въ с. Плоскомъ Нѣжинскаго уѣзда, въ день Іоанна Крестителя, 24 іюня, дивчата собираютъ цвѣты: волошки (васильки, Centaurea Cyanus L.), барвинокъ (Trifolium repens L.), куколь (Agrostema Githago L.), красули (Tropaeolum majus L.), жоржину (Dahlia variabilis Desf.) и др. [1]) Изъ этихъ цвѣтовъ

[1]) Латинскія обозначенія сдѣланы по словарю А. С. Роговича.



вьютъ гирлянды; затѣмъ берутъ палку 1—1½ арш., имѣющую на нижнемъ концѣ развилку, къ ней у противоположнаго верхняго конца привязываютъ на крестъ другую палку поменьше и обматываютъ палки гирляндами изъ цвѣтовъ. Получается такимъ образомъ нѣчто похожее на фигуру человѣка, стоящаго съ раздвинутыми ногами и руками; въ довершеніе сходства на голову ей повязываютъ платокъ, а на шею надѣваютъ монисто съ лентами. Эта кукла называется „Иваномъ". Въ селѣ иногда дѣлается нѣсколько Ивановъ. Послѣ обѣда Иванъ ставится гдѣ-нибудь на плетнѣ или на воротахъ; дивчата съ пѣснями скачутъ черезъ крапиву, связывая изъ нея для этой цѣли большой пучекъ, который ставится посреди улицы. Вечеромъ Ивана несутъ къ рѣкѣ; тамъ его одна изъ дѣвушекъ бросаетъ въ воду, и куда поплыветъ Иванъ, въ ту сторону этой дѣвушкѣ суждено выйти замужъ. Иногда Ивана только купаютъ въ водѣ съ пѣснями и затѣмъ его разрываютъ на части; каждая дѣвушка беретъ себѣ нѣсколько цвѣтковъ, бережетъ ихъ „до Петра" и въ этотъ день (29 іюня) бросаетъ цвѣты въ воду, желая узнать, въ какую сторону она выйдетъ замужъ.

Пока устраиваютъ куклу, затѣмъ когда ее носятъ по селу, купаютъ или скачутъ черезъ крапиву,—постоянно поютъ слѣдующія пѣсни:



3\. Якъ хмиль на тычину завываетця,
Мужыкъ съ дочкою набываетця:
Иване, Иваженько (*послѣ каждаго двустишія*).
Сватай въ мене дочку,
Дочку чорнаброву.

Дамъ тоби вина (*приданаго*)
Тры возы сина,
И свыту—сирякъ,
И ще й семеро собакъ,
И корову круторогу,—
Сватай дочку чернаброву!

---

[1]) Послѣдній слогъ въ пѣніи проглатывается.

б) Въ селѣ Березанкѣ, [1]) Нѣжинскаго уѣз., наканунѣ 24 іюня молодежь обоего пола имѣетъ обыкновеніе „скакать Купайла“. Какъ только начнетъ смеркаться, дивчата связываютъ пукъ крапивы и разныхъ колючихъ растеній, приблизительно въ аршинъ высоты, и ставятъ его посреди улицы въ песокъ. Затѣмъ парубки и дивчата, раздѣлившись на двѣ стороны, становятся одни по одну сторону, другія по другую и поютъ пѣсни; послѣ каждаго куплета тѣ и другіе перескакиваютъ черезъ пучекъ крапивы. Болѣе извѣстны слѣдующія пѣсни:

4. Я всю ничку не спала,
Купайла скакала.
Купайла на Ивана *(послѣ каждаго двустишія).*
Ой посію я рожу,
Да поставлю сторожу.
А зъ-за горы хвыля была,
Моя рожа не вродыла.
Ой посію лёнъ
У ярыни на клынку.
Ой чый же то лёнъ
Да рацвивъ не полонъ?
Да зачимъ же вона
Да не выполола?
Да за симъ, да за тымъ,
Да за сномъ товстымъ (2),
Да за мылымъ молодымъ.

5. Що надъ мойимъ садомъ.
Тры дырочкы рядомъ.
Купайла на Ивана *(припѣвъ).*
Сіялы, свитылы
(Тры) мисяци.
Шо Иванко каже
Марусю люблю,
А Марусю люблю,
Черевычкы куплю.
Шо зырочкы темны,
Черевычкы чорны;
Шо зырочкы ясны,
Черевычкы красны.

6. Черезъ село
Пичь везено
Купайла на Ивана *(припѣвъ).*
А въ тый печи
Кныши да калачи.
Всимъ дивкамъ
Да по кнышу,
А Маруси
Да немае кныша.
На щожъ йий кныша,
Якъ Иванко душа!

7. Де жъ ты, Купайло,
Сныччъ ночовало?
Купайло на Ивана *(припѣвъ).*
Ночовало нычку
Въ вышневому садочку;
Ночовало другу
Въ темному лугу;
Ночовало третью
Мы съ тобою, Петро.

8. Шо хмиль на тычыну навываетця,
Батько зъ дочкою набываетця:
Купайла на Ивана *(припѣвъ).*
Сынку, Иванко,
Беры у мене дивку;
Беры у мене дочку,
Дочку Марусечку.
Дамъ тоби вина—
Тры копыци сина,
Ще й свыточку байбаракъ,
И семеро собакъ,
И качалку и рубель,
И симъ кипъ конопель,
И корову круторогу,
И Марусю чернобровку.

9. Купався Иванъ,
Да у воду упавъ.
Маты моя, матюрь *(припѣвъ).*
А купався Петро,
Да и вплывъ у ведро;
Купався Васыль,
Да водыци просывъ;
Купався Клымъ,
Да и въ воду вплывъ.

в) Въ г. Березнѣ, Черниг. губ., поется слѣдующая купальская пѣсня [1]):

---

[1]) Запись Ал. Вербицкой.

[1]) Запись г. Толстенко. Существуютъ ли какіе-либо обряды—неизвѣстно. *Ред.*

10. Иване, Вашенько! (*запњвъ*).
Хмиль на тычину навываеця,
Сыдоръ дивкою набываеця.
Иване, Вашенько (*припњвъ*).
Молодый Иванъ, сватай мою дочку,
Сватай мою дочку, дивку Маръечку.
Дамъ тоби вина—
И тры возы сина,
И люльку, и бардакъ,
И семеро собакъ,
И тую корову крутурогу,
И того вола, що дома нема.
И тую овечку, що пойила гречку,
И того вовка, що зйивъ теля.

—

Литила сова кругомъ села,
Да вхопыла сова Иванову жинку.
Молодый Иванъ задравъ бороду, выгоняе сову,
Выгоняе сову, однимае жену.

—

Соловей, соловейко, кличъ дивочокъ на юлычку
Да на юлычку да за юпочку.
У дивочокъ дила немае,
Зъ рукъ не выбувае.

—

Ой чій се лёнъ зацвивъ не полонъ?
Марьюшкинъ лёнъ зацвивъ не полонъ.
Зачимъ вона не сполола?
То за симъ, то за тымъ,
То за сномъ товстымъ,
То за погулянньемъ,
То за женыханьнемъ.

А. Малинка.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Dr. Lubor Niederle. O pûvodu slovanû. Studie k slovanským starožitnostem. V Praze, 1896. Стр. 152.

Dr. Niederle извѣстенъ читателямъ «Этнографическаго Обозрѣнія», какъ авторъ объемистой книги «Lidstvo v dobê predhistorické, z vlâslnim zretelem na zemê slovanské (Praha, 1893). Въ этомъ сочиненіи онъ уже имѣлъ случай высказать свой взглядъ на происхожденіе славянъ; въ разбираемой брошюрѣ мы встрѣтимъ тѣ же мнѣнія, но только въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ доказательствъ и ссылокъ на ученую литературу, которыя авторъ считалъ возможнымъ привести въ ихъ пользу. Тема, затронутая д-ромъ Нидерле, такъ интересна для русской публики, а языкъ, на которомъ написана его брошюра, такъ мало извѣстенъ въ Россіи, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться, прежде всего, подробно на ея содержаніи.

Д-ръ Нидерле съ полнымъ основаніемъ указываетъ уже въ самомъ началѣ своей работы, что разрѣшеніе поставленнаго вопроса можетъ быть достигнуто только совокупными усиліями всѣхъ относящихся къ нему наукъ, т. е. лингвистики, антропологіи и археологіи. Самъ авторъ—не спеціалистъ въ первыхъ двухъ наукахъ; д-ръ Пичъ въ своей рецензіи на разбираемую книгу (Památky archaeologické a mistopisné; dilu XVII ses'it V, стр. 472—476) отрицаетъ и его спеціальныя познанія въ третьей, т. е. въ археологіи. Не входя въ разборъ основаній д-ра Пича, мы не можемъ, однако, не признать, что уже самая попытка сопоставить результаты перечисленныхъ наукъ для освѣщенія вопроса такой первостепенной важности должна быть вмѣнена въ заслугу д-ра Нидерле, какъ бы мы ни отнеслись къ полученнымъ имъ выводамъ.

Брошюра распадается на три главы, соотвѣтствующія тремъ названнымъ наукамъ: въ первой обсуждаются данныя лингвистики, во второй данныя антропологіи, въ третьей данныя археологіи. Каждая изъ этихъ наукъ, по замѣчанію автора, можетъ освѣтить одну изъ сторонъ, изъ совокупности которыхъ составляется понятіе народно-

сти: т. е. ея языкъ, ея тѣлесный образъ и ея культурное состояніе. Д-ръ Нидерле полагаетъ, что вопросъ о происхожденіи славянъ сводится къ вопросу: какою изъ этихъ сторонъ славяне впервые стали отличаться отъ того пранарода, въ составъ котораго входили первоначально: т е., выдѣлились ли они въ особый народъ прежде всего посредствомъ языка, или тѣлесныхъ, или культурныхъ особенностей? Затѣмъ авторъ переходитъ къ разбору данныхъ лингвистики. Упомянувши кратко о различныхъ теоріяхъ образованія арійскихъ языковъ, д-ръ Нидерле не присоединяется ни къ одной изъ нихъ вполнѣ; но замѣчаетъ при этомъ, что то или другое рѣшеніе этого вопроса— несущественно для изучаемаго имъ вопроса. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ, по его словамъ, его «занимаетъ всего болѣе то, съ кѣмъ славяне находятся въ самомъ близкомъ родствѣ съ лингвистической точки зрѣнія». Права на это родство могутъ предъявлять, главнымъ образомъ, трое ближайшихъ сосѣдей: германцы, азіатскіе арійцы и балтійская вѣтвь. Лингвистика показываетъ намъ, что въ дѣйствительности ближайшее родство существуетъ между славянами и балтійской вѣтвью, и что, затѣмъ, балто-славяне являются промежуточнымъ звеномъ между германцами съ одной стороны и иранцами съ другой; но при этомъ близкое родство съ германцами признано всѣми за несомнѣнное, а съ иранцами еще не вполнѣ выяснено. Переходя во второй главѣ къ разсмотрѣнію антропологическихъ данныхъ, д-ръ Нидерле указываетъ два возможныя рѣшенія. Или славяне имѣли общее происхожденіе съ своими ближайшими сосѣдями: въ такомъ случаѣ и антропологическія черты ихъ должны быть первоначально сходны, а особый физическій обликъ славянство пріобрѣло позднѣе. Или же съ самаго начала будущіе славяне отличались антропологически отъ сосѣдей: въ такомъ случаѣ это было природное племя, впослѣдствіи аризованное, т. е. принявшее арійскій языкъ и культуру.

Чтобы разрѣшить эту дилемму, авторъ ставитъ себѣ три вопроса: 1) можемъ-ли мы теперь или въ прошломъ отличить славянъ отъ сосѣдей антропологически? 2) Если да, то что говорятъ намъ эти антропологическіе признаки славянства о его первоначальномъ происхожденіи? 3) Когда и гдѣ явились славяне, какъ отдѣльная антропологическая группа? Несомнѣнно, отвѣчаетъ онъ на первый вопросъ, что *теперь* мы можемъ отличить славянъ отъ другихъ арійскихъ народовъ по тѣлесному виду; но, отличаясь вездѣ отъ сосѣдей, славяне *между собой* теперь не составляютъ единаго антропологическаго типа и различаются въ еще большей степени. Зато *прежде*, до своего обширнаго распространенія въ Европѣ, славяне имѣли болѣе чистый антропологическій типъ, и мы должны, для рѣшенія вопроса, «перенестись черезъ всю позднѣйшую исторію славянства къ той порѣ, когда славяне жили еще вмѣстѣ, въ однихъ предѣлахъ, сравнительно чистые и несмѣшанные, будучи притомъ уже особен-

нымъ народомъ въ лингвистическомъ смыслѣ». Что же говоритъ намъ этотъ доисторическій матеріалъ. «болѣе чистый»?

Д-ръ Нидерле очень тщательно собираетъ наблюденія антропологовъ надъ современными и древними славянскими черепами на всемъ пространствѣ, занятомъ теперь славянствомъ. Въ результатѣ своихъ сопоставленій онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Чѣмъ дальше мы идемъ отъ юго-запада на сѣверо-востокъ славянства, тѣмъ болѣе уменьшается, у современныхъ славянъ, процентъ короткоголовыхъ череповъ. Еще быстрѣе увеличивается въ томъ же направленіи процентъ блондиновъ и уменьшается процентъ брюнетовъ. Если отъ измѣреній современныхъ череповъ перейдемъ къ измѣреніямъ курганныхъ череповъ VIII—XII вѣковъ, то тамъ получимъ еще большій процентъ длинноголовыхъ, а на сѣверо-востокѣ славянства, въ Россіи, длинноголовые безусловно преобладаютъ. Итакъ, въ своемъ «болѣе чистомъ» видѣ славяне оказываются, по мнѣнію автора, длинноголовой, бѣлокурой расой. Что же говорятъ намъ эти признаки объ антропологическомъ происхожденіи славянства? Авторъ вспоминаетъ тутъ, что ископаемые черепа древнихъ германцевъ (изъ такъ наз. Reihengräber) также обнаружили преобладаніе длинноголоваго типа; другими словами, по его мнѣнію, антропологія говоритъ о происхожденіи славянъ то же, что и лингвистика: она указываетъ на ближайшее родство славянъ съ германцами, обнаруживая у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же длинноголовый типъ. О томъ же самомъ свидѣтельствуютъ и русые или рыжіе волосы древнихъ славянъ и германцевъ, о которыхъ говорятъ намъ древніе писатели.

Итакъ, первоначальные славяне составляли одно антропологическое цѣлое съ германцами, т. е. были длинноголовы и свѣтлорусы. Если теперь на западѣ и югѣ славянщины такъ сильно преобладаютъ короткоголовые и брюнеты, то это объясняется тѣмъ, что еще до славянъ въ неолитическую эпоху здѣсь жило какое-то короткоголовое племя, «неизвѣстнаго происхожденія». Утверждали, что оно пришло изъ Азіи; можетъ быть, оно просто развилось здѣсь же, на мѣстѣ, изъ древнѣйшихъ племенъ палеолитической эпохи; во всякомъ случаѣ, авторъ «считаетъ совершенно несомнѣннымъ, что то *не были славяне*».

Для отвѣта на третій вопросъ, когда и гдѣ явились славяне какъ особый народъ, не находимъ во второй главѣ спеціальнаго разысканія. Но вопросъ о мѣстѣ появленія славянъ рѣшается при помощи, уже извѣстныхъ намъ антропологическихъ сопоставленій. „Безъ всякаго сомнѣнія“, колыбелью славянъ была мѣстность „верхняго и средняго Днѣпра, Польша, Бѣлоруссія и западная Великоруссія“. Здѣсь находится въ самомъ дѣлѣ наибольшій процентъ длинноголовыхъ и бѣлокурыхъ. Такимъ образомъ, окончательный выводъ автора изъ антропологическихъ сопоставленій получается тотъ, что «часть арійцевъ на сѣверѣ средней Европы развила въ теченіе времени, близкаго къ окончательному распаденію арійской группы, особый тѣлес-

ный обликъ, и изъ этой части, вмѣстѣ съ галло—(не «кельто») германцами произошли и сосѣдніе съ ними балто-славяне». Д-ръ Нидерле отказывается судить о томъ, какъ относился этотъ антропологическій типъ славяно-германцевъ къ общему типу арійцевъ, — но считаетъ однако возможнымъ утверждать не только то, что у германо-балто-славянъ антропологическій типъ былъ одинаковъ, но также и то, что «славянская рѣчь развилась въ самостоятельное цѣлое еще *въ чистомъ ядрѣ арійскаго племени*; славяне съ балтами съ одной стороны, и германцы съ другой развились въ самостоятельный народъ прежде, чѣмъ успѣли принять въ себя значительное количество чужеродныхъ элементовъ». Они не были, слѣдовательно, „аризованными чужеземцами“; ихъ антропологическій типъ былъ одинаковъ съ типомъ праарійскаго племени? Переходя къ третьему отдѣлу, даннымъ археологіи, д-ръ Нидерле замѣчаетъ, что въ моментъ лингвистическаго обособленія культура обособлявшихся группъ была одинакова,—также какъ и ихъ антропологическій типъ. Такимъ образомъ, археологія ничего не можетъ прибавить къ вопросу объ обособленіи славянъ, такъ какъ всѣ особенности славянской культуры, напримѣръ сильное вліяніе Азіи, появляются уже въ болѣе позднее время. Однако археологія можетъ помочь, по мнѣнію д-ра Нидерле, уясненію вопроса, *когда* произошло обособленіе славянъ. Конецъ общей жизни арійцевъ соотвѣтствуетъ концу неолитической культуры (которую авторъ считаетъ общей и одинаковой во всей Европѣ) и началу культуры металлической (различной въ разныхъ мѣстахъ Европы). *Расцвѣтъ* бронзовой культуры на Средиземномъ морѣ соотвѣтствуетъ, по сравненію съ находками въ ѳиванскихъ гробницахъ, эпохѣ XVIII и XIX династіи фараоновъ египетскихъ, т. е. XV—XII столѣтіямъ до Р. X. Въ такомъ случаѣ *начало* знакомства съ самородной мѣдью въ средней и сѣверной Европѣ надо относить *не позднѣе*, какъ къ 2000 лѣтъ до Р. X. Около этого времени должно было совершиться и окончательное раздѣленіе арійцевъ. Къ той же эпохѣ надо относить и выдѣленіе балто-славянъ отъ другихъ арійцевъ. Когда отдѣлились балты отъ славянъ, д-ръ Нидерле признаетъ невозможнымъ опредѣлить въ настоящее время. Фирлингеръ полагалъ, что во время Геродота, въ V столѣтіи, тѣ и другіе были еще единымъ народомъ, Крекъ,—что въ то же самое время одни уже обособились отъ другихъ. Авторъ считаетъ возможнымъ только предполагать, на основаніи близости языка, что раздѣленіе балто-славянъ произошло сравнительно недавно, „за нѣсколько столѣтій до Р. X.“

Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, д-ръ Нидерле даетъ намъ очень отчетливую картину „происхожденія славянъ“. Несмотря на всю заманчивость его выводовъ, намъ кажется, однако, что при внимательномъ разборѣ доводовъ автора картина эта легко можетъ оказаться существующей лишь въ его воображеніи. Мы думаемъ, именно, что д-ръ Нидерле слишкомъ многое старается спасти изъ старой те-

оріи лингвистовъ о первобытномъ общеніи и «чистотѣ» арійцевъ — и слишкомъ мало цѣнитъ тѣ перемѣны въ положеніи вопроса, которыя должно было внести въ него развитіе антропологіи и доисторической археологіи. Конечно, авторъ хорошо знаетъ и не разъ повторяетъ въ своемъ трудѣ, что исторія языка не есть надежный показатель для исторіи народа, что языкъ можетъ быть усвоенъ извнѣ; онъ допускаетъ возможность и того, что нѣкоторые арійцы окажутся „аризованными чужеземцами". Но при всемъ томъ, онъ не рѣшается перенести центръ тяжести вопроса на его антропологическую сторону; повидимому, онъ даже склоненъ считать антропологическій типъ народа столь же измѣнчивымъ, какъ и его языкъ. Онъ «не вѣритъ» въ неизмѣнность антропологическаго типа, на которой настаиваетъ Колльманъ (прибавимъ также—и вся классическая французская школа антропологіи). Онъ допускаетъ, что за время отдѣльнаго существованія германцевъ и славянъ ихъ антропологическій типъ измѣнился, *путемъ развитія*, изъ длинноголоваго въ короткоголовый; и короткоголовыхъ неолитическаго періода онъ готовъ считать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, за племя развившееся изъ древнѣйшей длинноголовой расы палеолитической эпохи. Онъ принимаетъ мнѣніе проф. Богданова (въ сущности, Р. Вирхова), что короткоголовость могла явиться продуктомъ *культурнаго* развитія длинноголоваго черепа (въ его височныхъ частяхъ). Мы не имѣемъ поводовъ рѣшительно принять сторону того или другого мнѣнія, о которыхъ до сихъ поръ спорятъ антропологи, — т. е. мнѣнія о неизмѣняемости или объ измѣнчивости антропологическаго типа, — но мы думаемъ, что даже сторонники измѣнчивости этого типа едва-ли согласятся признать эту измѣнчивость въ такой степени, въ какой это нужно для теорій автора. Отвѣчая на самый первый изъ своихъ вопросовъ,—можно ли теперь или въ прошломъ отличить славянъ отъ сосѣдей антропологически,—д-ръ Нидерле находитъ, какъ мы видѣли, что *теперь* мы этого не можемъ, потому что между собою славяне разнятся антропологически больше, чѣмъ съ своими сосѣдями. Но это не мѣшаетъ ему предполагать, что *прежде* было иначе: именно что было время, когда славяне представляли «чистый», единый антропологическій типъ.

Это предположеніе кажется намъ предвзятой мыслью автора, которая сама ничѣмъ не доказывается у него,—и ничѣмъ не можетъ быть доказана,—но, разъ принятая, уже заключаетъ въ себѣ все то, что автору еще предстоитъ доказать, т. е. то, что обособленіе славянъ совершалось на почвѣ внутренней дифференціаци языка въ предѣлахъ антропологически единаго («чистаго») племени. На это supposition gratuite автора необходимо обратить особое вниманіе, потому что на немъ стоитъ и съ нимъ вмѣстѣ рушится все построенное авторомъ зданіе. Если не ошибаемся, ни одинъ антропологъ не согласится считать доказаннымъ этотъ основной тезисъ автора. Антропо-

логи-скептики, вродѣ Колльмана, скажутъ ему, что «чистой» антропологически расы мы не знаемъ нигдѣ въ Европѣ, и что даже длинноголовая раса сѣверной Германiи и средней Россiи заключала въ себѣ, судя по черепамъ, весьма значительный процентъ короткоголовыхъ. Но и менѣе скептическiй антропологъ, считающiй возможнымъ признавать единство расы на основанiи *преобладающихъ* въ ней численно антропологическихъ признаковъ, не согласится ставить вопроса такъ, какъ его ставитъ д-ръ Нидерле. Для антрополога этого типа ясно одно: съ конца неолитической эпохи и до нашего времени въ центральной и сѣверной Европѣ живутъ двѣ расы, антропологическiе признаки которыхъ продолжаютъ различаться и теперь. Граница этихъ расъ идетъ по границѣ сѣверной, низменной Германiи, и южной, гористой: на сѣверъ отъ этой границы населенiе *и въ настоящее время — длинноголовое*, на югѣ — *короткоголовое*, какимъ было и въ неолитическую эпоху. Дальше на востокъ, въ Россiи, эта граница затеривается, если мы ограничимся, какъ ограничивались прежнiе антропологи, наблюденiями надъ современнымъ населенiемъ. Но наблюденiя надъ курганными черепами возстановляютъ границу: на всей русской равнинѣ, гдѣ антропологи прежде предполагали короткоголовый типъ, теперь обнаруживается длинноголовый, а на юго-западъ отъ русской равнины короткоголовость преобладаетъ. Этотъ фактъ для западной антропологiи сравнительно новъ, — хотя все еще недостаточно хорошо констатированъ. Русскимъ антропологамъ остается еще не мало поработать, чтобы установить тожество русскаго длинноголоваго курганнаго типа съ типомъ германскихъ могилъ. Что касается южныхъ курганныхъ череповъ славянской Европы, то за исключенiемъ Чехiи еще ничего почти не сдѣлано для ихъ изученiя. Но допустимъ, что тожество русской длинноголовой расы съ германской вполнѣ установлено и что опредѣлена точно ея южная граница съ короткоголовой; спрашивается, какъ измѣняетъ этотъ фактъ положенiе вопроса о происхожденiи арiйцевъ и славянъ? Надо признать, что положенiе вопроса измѣняется весьма мало. Антропологи спорили до сихъ поръ, кому достанется честь считаться предками арiйцевъ: длинноголовой ли сѣверной расѣ или короткоголовой «туранской» расѣ средней Европы. Въ этомъ спорѣ славяне причислялись обыкновенно къ составу «туранской» расы и являлись, вмѣстѣ съ кельтами, антропологическими родоначальниками арiйцевъ для тѣхъ, кто искалъ этихъ родоначальниковъ въ составѣ короткоголовой расы, считавшейся обыкновенно низко-рослой и черноволосой. Десять—восемнадцать лѣтъ тому назадъ Пеше и Пенка выступили съ противоположной теорiей, по которой родоначальниками арiйцевъ должна была считаться длинноголовая сѣверная раса. Если принять эту теорiю, то короткоголовыхъ славянъ приходилось считать „арiизованными чужеземцами“. Естественно, что фактъ длинноголовости русской курганной расы являлся какъ разъ во время, чтобы спасти антропологическую

«чистоту» первобытнаго славянства. Этотъ фактъ давалъ возможность перевести славянъ изъ кельтской короткоголовой или «туранской» расы въ составъ сѣверной длинноголовой расы; такимъ образомъ, можно было признать новѣйшую въ то время теорію и въ то же время продолжать считать славянъ — на этотъ разъ вмѣстѣ съ германцами—антропологическими предками арійцевъ. Намъ кажется, что изъ этой именно связи идей вытекла теорія д-ра Нидерле, и этимъ объясняется преувеличенное значеніе, которое онъ придаетъ родству русской курганной расы съ германской. Правда, авторъ устраняетъ, какъ мы видѣли, изъ разсмотрѣнія спорный вопросъ объ антропологическомъ типѣ арійцевъ вообще и ограничивается обсужденіемъ вопроса объ антропологическомъ типѣ одной только славяно-германской группы. Но не трудно замѣтить, что эту точку зрѣнія автору совершенно не удается выдержать: въ дѣйствительности, онъ имѣетъ совершенно опредѣленное мнѣніе о происхожденіи арійцевъ—и изъ него исходитъ. Это именно — мнѣніе Пеше и Пенка, которое въ своемъ большомъ сочиненіи д-ръ Нидерле признаетъ «свѣтлымъ лучомъ» въ вопросѣ о происхожденіи арійцевъ. Только подразумѣвая антропологическое тожество праарійцевъ съ германо-славянской группой и можно утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что германо-славяне не были «аризованными чужеземцами», что они вышли «изъ чистаго ядра арійцевъ». Единственное исправленіе, которое авторъ дѣлаетъ въ теоріи Пеше-Пенка—и которое онъ, очевидно, считаетъ главной особенностью своей теоріи, — это именно распространеніе аргументаціи этихъ авторовъ на славянъ, какъ представителей тожественной съ германцами длинноголовой расы. Намъ кажется, однако, что ни фактъ открытія въ Россіи длинноголовой расы не можетъ имѣть такого значенія въ вопросѣ о происхожденіи славянъ, ни самая теорія, которую д-ръ Нидерле дополняетъ этимъ фактомъ, не можетъ считаться ни новой, ни истинной. Длинноголовая раса русскихъ кургановъ, играющая такую важную роль въ соображеніяхъ автора, дѣйствительно, еще въ 1892 году была открытіемъ для многихъ европейскихъ антропологовъ, познакомившихся съ нею, благодаря сообщенію проф. Богданова, на московскомъ международномъ съѣздѣ. Д-ръ Нидерле охотно принимаетъ вмѣстѣ съ фактомъ и толкованіе А. П. Богданова. Но намъ уже приходилось говорить, по поводу этого самаго съѣзда (Русская Мысль, 1892), насколько комментарій проф. Богданова къ его цѣннымъ краніометрическимъ наблюденіямъ былъ шатокъ и случаенъ. Мы замѣтили тогда, что возвращаясь по временамъ, въ теченіе 25 лѣтъ, къ вопросу о курганномъ племени, А. П. Богдановъ четыре раза мѣнялъ свое мнѣніе по этому вопросу. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда считалось аксіомой, что славяне и финны были и есть короткоголовы, проф. Богдановъ остановился въ недоумѣніи передъ впервые открытыми тогда длинноголовыми черепами кургановъ Московской губерніи. Это мѣсто первыхъ находокъ не позволяло съ

увѣренностью опредѣлить, принадлежали ли могилы финнамъ или славянамъ, и проф. Богдановъ не рѣшился утверждать ни того, ни другого, ограничившись предложеніемъ считать этихъ длинноголовыхъ *древнѣйшей автохтонной* расой. Отъ IX—XII вѣка по Р. Х. заключать о древнѣйшихъ автохтонахъ Россіи было, конечно, нѣсколько смѣло; но зато было очень благоразумно со стороны антрополога, не вооруженнаго данными археологіи, исторіи и лингвистики,—воздержаться отъ сужденія о національности могилъ по однимъ антропологическимъ даннымъ. Въ семидесятыхъ годахъ русская археологія, въ лицѣ гр. Уварова, считала доказаннымъ финское («мерянское») происхожденіе московскихъ кургановъ (теперь курганы южной части губерніи есть основаніе считать славянскими); съ другой стороны и антропологи нашли между финнами—длинноголовыхъ. Тогда и проф. Богдановъ, скрѣпя сердце, рѣшился считать своихъ длинноголовыхъ предковъ великорусскаго племени—финнами. Скоро, однако же, новыя раскопки, на этотъ разъ на обширной территоріи, дали возможность пр. Богданову отказаться отъ этого антипатріотическаго мнѣнія и признать длинноголовое племя кургановъ—славянами. Дѣло въ томъ, что длинноголовые черепа присылались теперь пр. Богданову изъ такихъ мѣстностей, которыя онъ могъ считать несомнѣнно славянскими уже въ эпоху кургановъ (Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ, Полтава). Но и отъ этого третьяго мнѣнія ему пришлось отказаться, когда онъ узналъ, что нѣмецкіе и шведскіе ученые считаютъ длинноголовые черепа своихъ кургановъ — германскими. Онъ вернулся тогда къ мнѣнію, что по однимъ антропологическимъ даннымъ нельзя судить о народности кургановъ, и на московскомъ съѣздѣ, приспособляясь къ мнѣніямъ Колльмана, предложилъ называть русскую длинноголовую расу, вмѣстѣ съ германской, условнымъ именемъ праевропейцевъ. Эта уступка шла, конечно, слишкомъ далеко, такъ какъ праевропейскихъ расъ антропологія знаетъ нѣсколько,—все равно, будемъ ли мы считать ихъ перемѣшанными на всемъ пространствѣ Европы, по Колльману, или размѣщенными топографически. Открытія проф. Богданова въ лучшемъ случаѣ,—т. е. если забыть сравнительно позднюю дату его череповъ, — измѣняли и дополняли старыя представленія о топографіи древнихъ расъ; но они ничего не прибавляли къ нашимъ свѣдѣніямъ объ отношеніи этихъ расъ къ современнымъ національностямъ. Р. Вирховъ всего лучше резюмировалъ значеніе новаго факта, когда призналъ, что теперь придется и славянъ, какъ прежде германцевъ, признавать состоящимъ изъ двухъ разныхъ антропологическихъ типовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе—длинноголовы на сѣверѣ и короткоголовы—на югѣ. Это размѣщеніе типовъ, весьма вѣроятно, восходитъ уже къ неолитической эпохѣ и является фактомъ гораздо болѣе древнимъ и основнымъ въ этнографіи Европы, чѣмъ распредѣленіе языка. Съ какого конца распространились арійскіе языки, съ сѣвера ли на югъ, или съ юга на сѣверъ, или, наконецъ, въ про-

тивоположныхъ направленіяхъ въ разныхъ частяхъ Европы,—этотъ вопросъ остается совершенно темнымъ, если ограничимся при рѣшеніи его одними антропологическими данными. Если же принять въ разсчетъ другія данныя, то доводамъ Пеше и Пенка въ пользу длинноголовія праарійцевъ могутъ быть противопоставлены другіе доводы въ пользу происхожденія ихъ изъ короткоголовой расы. Эти доводы сгруппированы въ послѣднее время въ извѣстной автору, но не обратившей на себя должнаго вниманія его книгѣ Ис. Тайлора (L'origine des Aryens et l'homme préhistorique, фр. переводъ 1895). Короткоголовая раса срединной Европы, по заключенію Тайлора, была не низкорослой и черноволосой, а высокорослой и рыжей, т. е. по антропологическимъ признакамъ соотвѣтствовала описаніямъ древнихъ арійскихъ народностей у старыхъ писателей. Затѣмъ, по даннымъ археологіи, культура этой короткоголовой расы въ неолитическую эпоху совершенно соотвѣтствуетъ культурѣ первобытныхъ арійцевъ по даннымъ языка, — тогда какъ культура длинноголовой расы въ ту же эпоху ей совершенно противорѣчитъ. Первый изъ этихъ фактовъ, т. е. соотвѣтствіе неолитической культуры даннымъ языка, установлено еще Шрадеромъ въ его извѣстной книгѣ Sprachvergleichung und Urgeschichte (2 изд. 1890); второй фактъ, т. е несоотвѣтствіе этимъ даннымъ неолитической культуры длинноголовой расы, отмѣчено Тайлоромъ. Д-ръ Нидерле пользуется Шрадеромъ и совершенно игнорируетъ Тайлора; согласіе данныхъ языка съ данными археологіи у него утверждается именно по отношенію къ длинноголовымъ предкамъ арійцевъ, чего Шрадеръ совсѣмъ не имѣлъ въ виду; поэтому и пользованіе Шрадеромъ для цѣлей теоріи д-ра Нидерле можетъ оказаться неосторожнымъ. Д-ръ Нидерле въ разбираемомъ сочиненіи, тоже какъ и въ большой своей книгѣ, исходитъ изъ предположенія, что неолитическая культура была приблизительно одинакова во всей Европѣ. Въ такомъ случаѣ и длинноголовая и короткоголовая раса съ точки зрѣнія археологіи могли бы имѣть одинаковое право считаться предками арійцевъ. Но Шрадеръ сравнивалъ съ данными языка не культуру неолита вообще, а спеціально ту неолитическую культуру, о которой мы получаемъ понятіе изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи. Эта культура свайныхъ построекъ стоитъ на сравнительно высокой ступени и характеризуетъ собою позднѣйшій періодъ неолита, переходя постепенно въ культуру бронзоваго вѣка. Раса, которой принадлежала эта культура и эти постройки, оказывается, хотя тоже уже не вполнѣ чистой, но въ большинствѣ своемъ — короткоголовой: средній головной указатель восьми найденныхъ череповъ равняется 80,95. Такимъ образомъ, неолитическая культура, соотвѣтствующая культурѣ первобытныхъ арійцевъ, есть культура короткоголовой расы. Естественно было заключить отсюда, какъ и заключилъ Тайлоръ, что арійская рѣчь появилась впервые среди короткоголовыхъ. Напротивъ, сѣверная длинноголовая раса, судя по такъ

наз. «кухоннымъ остаткамъ» датскихъ и шведскихъ прибрежьевъ, стояла въ эпоху, соотвѣтствующую древнѣйшимъ свайнымъ постройкамъ, на гораздо болѣе низкой ступени культуры, чѣмъ должны были стоять первобытные арійцы по даннымъ языка. Это обстоятельство тоже очень хорошо выяснено Тайлоромъ, и трудно понять, почему д-ръ Нидерле оставилъ эти противорѣчащіе ему факты и объясненія не только безъ всякаго опроверженія, но и безъ упоминанія. Едва ли можно считать соображенія Тайлора не заслуживающими упоминанія; во всякомъ случаѣ, если бы намъ пришлось выбирать между обоими авторами, мы признали бы преимущество лучшаго знакомства со всѣми рессурсами современной науки и съ современнымъ положеніемъ вопроса — за Тайлоромъ. Тайлору неизвѣстно, правда, длинноголовіе русской курганной расы; но этотъ фактъ, какъ мы видѣли, является частностью въ общей постановкѣ вопроса, и незнаніе его меньше вредитъ, чѣмъ преувеличенная оцѣнка значенія того же факта авторомъ, впервые вводящимъ его въ изслѣдованіе вопроса и надѣющимся окончательно рѣшить вопросъ при помощи этого новаго факта. Введеніе этой новой частности нисколько не искупаетъ общей устарѣлой постановки вопроса, которая и кажется намъ главной причиной неудачи, долженствующей постигнуть попытку д-ра Нидерле.

Самая эта неудача, однако же, весьма поучительна. Возможность толкованія д-ра Нидерле вытекала сама собой, какъ мы видѣли, изъ общаго развитія вопроса; надо было, чтобы кто-нибудь пошелъ по этому пути, чтобы убѣдить другихъ и себя, что, идя этимъ путемъ, нельзя достигнуть цѣли. Такимъ образомъ, одна возможность можетъ считаться исключенной, а это—тоже своего рода успѣхъ въ общемъ ходѣ развитія науки. Мы не говоримъ уже о пользѣ, которую книга Нидерле можетъ принести спеціально въ русской литературѣ. Она не рѣшаетъ вопроса, но она показываетъ, съ какимъ матеріаломъ надо имѣть дѣло, чтобы рѣшать его. Если въ общемъ теченіи европейской науки д-ръ Нидерле и опоздалъ нѣсколько съ своей попыткой, — то не надо забывать, что наша литература часто опаздываетъ несравненно болѣе. У насъ вопросъ о происхожденіи славянъ до сихъ поръ продолжаетъ иногда ставиться не только такъ, какъ онъ ставился во время выхода книгъ Пеше и Пенка,—и не только даже такъ, какъ можно было ставить его во времена Пикте и Будиловича; нѣтъ, мы иногда возвращаемся даже къ временамъ Забѣлина и Иловайскаго и даже, наконецъ, къ временамъ Надеждина. Можетъ быть, книга Нидерле выведетъ, наконецъ, любителей филологическихъ этимологій изъ ихъ спокойнаго и, вѣроятно, счастливаго сна.

П. Милюковъ.

Н. Θ. Сумцовъ. Утилитарная этнографія. *(Изъ личныхъ сельскихъ наблюденій).* Харьковъ, 1897. 16°, стр. 29.

Небольшая брошюрка пр. Сумцова, составляющая отдѣльный оттискъ

изъ № 234 Харьковскихъ Губ. Вѣд. за 1897 г., не можетъ не остановить вниманія лицъ, интересующихся бытомъ крестьянства, и какъ таковая заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Прежде всего, что разумѣетъ авторъ подъ не совсѣмъ понятнымъ на первый взглядъ терминомъ «утилитирная» этнографія? Цѣлое море суевѣрій, предразсудковъ, невѣжественности и грубости, встрѣченное авторомъ въ деревенской жизни, заставило его критически отнестись къ существующему теченію въ изученіи этнографіи въ Россіи и предложить отдѣлить отъ «литературной» этнографіи, въ паралель къ ней, этнографію «соціальную», «практическую», «утилитарную», въ которой, по мнѣнію пр. Сумцова, «главнымъ отдѣломъ должно быть обычное право». «Современная этнографія, пишетъ авторъ, работаетъ для науки, почти исключительно для науки, отъ академика до сельскаго учителя, и мало, совсѣмъ мало работаетъ для самого народа. Записи дѣлаютъ для научныхъ потребностей... Въ этнографическихъ записяхъ въ громадномъ ихъ большинствѣ нѣтъ личнаго интереса собирателя, живого отношенія, сочувственнаго или отрицательнаго. Правда, замѣчаетъ пр. Сумцовъ, въ научномъ отношеніи эта объективность безусловно хороша, и чѣмъ объективнѣе сдѣланы записи, тѣмъ лучше; но помимо спеціально-научной, литературной точки зрѣнія или рядомъ съ ней могутъ быть другія, напр. соціальныя, публицистическія, а таковыхъ у насъ совсѣмъ нѣтъ... Теперь почти всѣ этнографы и фольклористы, изслѣдователи и еще болѣе собиратели, оперируютъ съ этнографическимъ матеріаломъ, какъ съ археологическимъ, мертвымъ». Проф. Сумцовъ указываетъ далѣе, что «въ этнографіи много животрепещущей, текущей жизни, много указаній на существующіе народные недостатки, бытующіе обломки древняго быта»; авторъ отмѣчаетъ, что «литературно-бытовая этнографія, представляя необозримый матеріалъ для интеллигентнаго труда, художественнаго, литературнаго и научнаго, почти совсѣмъ непригодна для народа,... изъ нея почти ничего нельзя извлечь для народной литературы»; напротивъ — «соціальная этнографія поучительна для всѣхъ сословій, и въ особенности поучительна для самого народа». Пр. Сумцовъ выражаетъ желаніе, чтобы народная просвѣтительная литература обратила серьезное вниманіе на утилитарную этнографію, чтобы путемъ общедоступныхъ по изложенію и цѣнѣ брошюръ она освѣтила «темные углы народнаго быта и грязные закоулки устарѣлыхъ народныхъ понятій. Тогда этнографія получитъ широкое просвѣтительное значеніе. Она будетъ, заключаетъ авторъ, боевой силой Ормузда противъ Аримана древнихъ суевѣрій».

Своимъ горячо написаннымъ воззваніемъ пр. Сумцовъ преслѣдуетъ безусловно благую цѣль: изученію народнаго быта съ просвѣтительными цѣлями должно глубоко сочувствовать; тьму народнаго суевѣрія необходимо разсѣять свѣтомъ просвѣщенія, а для этого необходимо знать и самыя суевѣрія и тѣ остатки бытующей старины, которые во

многихъ случаяхъ оказываются «дикими и отвратительными съ точки зрѣнія морали и соціальнаго общежитія». Изученіе народной жизни должно быть всестороннее; оно можетъ преслѣдовать различныя цѣли, въ томъ числѣ и просвѣтительныя, и утилитарныя, и публицистическія. Но едва-ли результаты такого рода изученія можно назвать этнографіей, хотя-бы и съ несовсѣмъ удачной приставкой «утилитарной»; едва-ли подобное изученіе можетъ быть сдѣлано обязанностью этнографовъ и едва-ли на нихъ слѣдуетъ складывать вину, что подобнаго изученія народной жизни у насъ почти не существуетъ. Мы не дѣлаемъ и не можемъ дѣлать отвѣтственнымъ экономиста, если онъ при изученіи деревенской жизни не собираетъ этнографическихъ свѣдѣній, статистика—за упусканіе изъ вида интересныхъ бытовыхъ подробностей, публициста—за подчасъ ненаучное освѣщеніе жизни народа и т. д. Каждый черпаетъ изъ бытового источника народнаго быта необходимыя свѣдѣнія и пользуется ими для своихъ задачъ. Этнографія—наука. Матеріалы, необходимые для ея выводовъ, могутъ служить и для публицистическихъ цѣлей; но этнографъ не можетъ быть исключительно публицистомъ, не можетъ преслѣдовать преимущественно утилитарныхъ цѣлей и давать послѣднимъ преобладающее значеніе передъ цѣлями научными, какъ этого повидимому хочетъ пр. Сумцовъ: съ момента, когда этнографъ пойдетъ по намѣчаемому пр. Сумцовымъ пути, онъ сдѣлается публицистомъ, просвѣтителемъ, борцомъ или проповѣдникомъ противъ народныхъ суевѣрій, но перестанетъ быть этнографомъ; равно и публицистъ, приступившій къ научной обработкѣ этнографическихъ матеріаловъ, перестанетъ быть публицистомъ и сдѣлается научнымъ дѣятелемъ. Можно, конечно, желать, чтобы лица, занимающіяся народнымъ бытомъ, совмѣщали въ себѣ дѣятелей и въ научномъ и практическомъ направленіи, но дѣлать ихъ отвѣтственными за то, что они оказываются работниками только въ одномъ направленіи, кажется намъ неосновательнымъ.

Не совсѣмъ справедливымъ представляется намъ и утвержденіе пр. Сумцова о безжизненномъ направленіи современныхъ собраній этнографическихъ матеріаловъ. «Громадность этнографическаго матеріала, пишетъ пр. Сумцовъ, еще не свидѣтельствуетъ о живомъ сочувствіи народу. Огромное большинство записей подневольное, болѣе или менѣе обязательное, сдѣлано по приглашенію ближайшаго начальства—въ послѣднее время большей частью самыми зависимыми и самыми бѣдными интеллигентными труженками—сельскими учителями и учительницами. Записи сдѣланы по даннымъ программамъ, по извѣстнымъ шаблонамъ, и отъ многихъ сборниковъ несетъ мертвящій духъ канцеляризма». Пр. Сумцовъ безусловно правъ, но только постольку, поскольку подобныя печальныя явленія имѣютъ мѣсто въ дѣйствительной жизни. Мы имѣемъ право упрекнуть русское общество въ *недостаточномъ* интересѣ къ изученію быта народа, но едвали въ правѣ отрицать этотъ интересъ. Ежегодныя многочисленныя поѣздки

въ разные края нашей родины, поѣздки, во время которыхъ изслѣдователи безкорыстно тратятъ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ условіяхъ, свой трудъ на непосредственное ознакомленіе съ народнымъ бытомъ, могутъ служить противовѣсомъ крайнему мнѣнію пр. Сумцова. Мы вполнѣ согласны, что количество подобныхъ тружениковъ очень недостаточно сравнительно съ громадностью изслѣдуемой области и богатствомъ этнографическаго матеріала; но важно уже то, что число ихъ не оскудѣваетъ и что результаты подобныхъ добровольныхъ изслѣдованій обогащаютъ русскую этнографическую литературу цѣнными трудами. Канцелярскій способъ собиранія матеріаловъ, практикуемый мѣстами, и вызванный именно недостаткомъ изслѣдователей, является лишь вспомогательнымъ средствомъ и едвали можетъ быть признанъ господствующимъ въ настоящее время. Если этотъ способъ далеко не всегда приводитъ къ желательнымъ результатамъ, какъ напр. хотя бы въ изданіи Харьковскаго Губ. Стат. Комитета «Обычное право крестьянъ Харьковск. губ» (вып. 1-й), то это находитъ себѣ достаточное объясненіе отчасти въ не совсѣмъ правильной постановкѣ дѣла, отчасти, и быть можетъ, главнымъ образомъ, въ неподготовленности лицъ, приглашенныхъ прислать отвѣты на выработанную программу. Способъ собиранія, къ которому приходится прибѣгать за недостаткомъ лицъ, нельзя признавать господствующимъ, и неудачи подобнаго собиранія нельзя обобщать, какъ это дѣлаетъ пр. Сумцовъ. По мнѣнію автора современное изученіе этнографіи страдаетъ какъ-бы пренебреженіемъ «къ соціальной и моральной сторонѣ фольклора»; а это «пренебреженіе... ставитъ даже ученыхъ спеціалистовъ въ непріятное положеніе, какъ это обнаружилось недавно въ знаменитомъ мултанскомъ дѣлѣ... Нежданно-негаданно текущая жизнь поставила на разрѣшеніе въ высшей степени серьезный бытовой и моральный вопросъ, и этнографія оказалась безсильной дать на него отвѣтъ, научная экспертиза односторонней и, повидимому, ошибочной». Доказательство «пренебреженія» къ соціальной и моральной сторонѣ фольклора выбрано, кажется намъ, пр. Сумцовымъ крайне неудачно. Частное мнѣніе эксперта ошибочно отожествляется имъ съ мнѣніями по этому вопросу большинства спеціалистовъ: напротивъ, именно большинство послѣднихъ, основываясь на этнографическихъ данныхъ *научно разработанныхъ*, оказалось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ взглядами оффиціальнаго эксперта, и сравнительно обширная литература о мултанскомъ дѣлѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что научно разработанный этнографическій матеріалъ, оказалъ не малое значеніе для освѣщенія темнаго вопроса въ глазахъ общества.

Намъ кажется, что почтенный ученый, не мало лично потрудившійся надъ научной разработкой этнографическихъ матеріаловъ, направилъ свои нападки и сѣтованія не совсѣмъ правильно: нельзя научнымъ дѣятелямъ ставить въ упрекъ, что они не публицисты,

нѣтъ никакого основанія создавать „утилитарную" или „практическую" этнографію. Но несомнѣнно слѣдуетъ желать, чтобы публицисты и практическіе дѣятели, которымъ приходится сталкиваться съ жизнью деревни, обращали большее вниманіе на этнографическія данныя, считались съ результатами научнаго изслѣдованія быта разноплеменнаго населенія нашей родины и относились серьезно къ темнымъ явленіямъ народной жизни. Недостатокъ знакомства съ бытомъ народа сказывается нерѣдко: пр. Сумцовъ глубоко правъ въ своемъ симпатичномъ стремленіи возбудить общественный интересъ въ большей степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, къ жизни деревни, къ борьбѣ съ суевѣріями и нѣкоторыми темными пережитками архаичнаго быта, но онъ не правъ при указаніи причинъ недостаточности этого интереса въ настоящее время.

Н. Х.

Н. Ѳ. Катановъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій округъ Енисейской губ. (Казань. 1897. 8°, стр. 104.).

Во время поѣздки въ 1896 г. въ Минусинскій округъ пр. Катановъ занялся изслѣдованіями быта и языка тюркскихъ племенъ: койбаловъ, бельтировъ, сагайцевъ и качинцевъ; опубликованный отчетъ содержитъ кромѣ свѣдѣній, касающихся языка, много крайне интересныхъ этнографическихъ данныхъ. Прежде всего авторъ освѣщаетъ весьма существенный вопросъ о численности тюркскаго населенія, состоящаго въ вѣдѣніи Аскысской Инородной Управы, располагая свои цифровыя данныя по отдѣльнымъ родамъ, и сравниваетъ добытыя имъ свѣдѣнія съ цифровыми данными прежнихъ изслѣдователей. Результатъ этого сравненія едва ли позволяетъ судить о движеніи населенія: въ самомъ дѣлѣ при наличности выводовъ, что за 32 года въ одномъ изъ родовъ число мужчинъ уменьшилось на 24%, а число женщинъ увеличилось на 60%, въ другомъ родѣ число мужчинъ увеличилось на 22%, а женщинъ на 194%, въ третьемъ число мужчинъ возрасло на 2,7%, а женщинъ за этотъ-же періодъ времени на 134% и т. п.—остается только предположить, что собранныя прежними изслѣдователями свѣдѣнія о численности указанныхъ инородцевъ не отличались достовѣрностью; впрочемъ всѣмъ, кому приходилось просматривать свѣдѣнія прежнихъ лѣтъ о численности нашихъ кочевыхъ или полуосѣдлыхъ сѣверныхъ инородцевъ, хорошо извѣстно, какъ мало гарантіи достовѣрности было въ этихъ указаніяхъ до послѣдняго времени. Приводя собранныя данныя о количественномъ составѣ разныхъ инородческихъ родовъ, Н. Ѳ. Катановъ, имѣвшій возможность воспользоваться болѣе точными свѣдѣніями, освѣщаетъ надлежащимъ образомъ вопросъ о численности населенія, находившій себѣ въ прежнее время лишь приблизительное рѣшеніе, часто основанное исключительно на совершенно случайныхъ и иногда фантастическихъ данныхъ. Авторъ отмѣчаетъ далѣе перемѣны въ бытѣ изслѣдованныхъ имъ народностей

подъ вліяніемъ столкновеній съ русскимъ элементомъ, приводитъ чрезвычайно интересный обширный списокъ (580) личныхъ именъ, употребительныхъ у разныхъ родовъ, и таблицу родовыхъ знаковъ собственности (тамги). Болѣе всего вниманія удѣлено авторомъ религіознымъ обрядамъ у практикующихъ шаманство инородцевъ, причемъ имъ весьма подробно описаны нѣкоторые виды жертвоприношеній, при совершеніи которыхъ автору удалось присутствовать лично. Весьма интересенъ приложенный рисунокъ шаманскаго бубна съ объясненіями находящихся на немъ рисунковъ. Подробно описаны обычаи и обряды при рожденіи ребенка, свадьбѣ и погребеніи, и наконецъ авторомъ собрано довольно значительное количество примѣтъ, повѣрій и пр. Совокупность этнографическихъ свѣдѣній, собранныхъ г. Катановымъ во время его поѣздки и опубликованныхъ въ «Отчетѣ», дѣлаютъ его работу крайне цѣнной для этнографіи и свидѣтельствуютъ лишній разъ, какъ богата жизнь сибирскихъ инородцевъ чертами, собраніе которыхъ съ возможной подробностью можетъ дать много существенно важныхъ матеріаловъ для науки народовѣдѣнія.

Н. Х.

Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ Восточному Обозрѣнію 1897 г. Вып. I, II, III, изд. подъ ред. *Попова.*

Указанное изданіе заключаетъ въ себѣ немало статей, полезныхъ для ознакомленія съ условіями жизни въ Восточной Сибири; этимъ опредѣляется и интересъ, представляемый имъ для этнографа.

Въ выпускѣ I—II находятся два очерка Колымскаго края. Одинъ— «Походская виска», весьма живо написанный, рисуетъ (хотя неполно) бытъ Колымскихъ порѣчанъ и тяжелыя условія ихъ рыбнаго промысла, ужасы ихъ санитарнаго состоянія. Между прочимъ авторъ отмѣчаетъ здѣсь, среди полуодичавшей кучки русскаго населенія, необычайную жизненность старыхъ традицій, выражающуюся въ сохраненіи древне-русскихъ словъ, попадающихся въ ихъ языкѣ наряду съ заимствованными изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ, а также въ древнихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ, сказкахъ, остаткахъ былинъ. Имена былевыхъ и историческихъ лицъ, названія древне-русскихъ городовъ. а также различныхъ предметовъ быта, теперь совершенно незнакомыхъ колымчанину, вполнѣ чисто сохраняются въ остаткахъ поэзіи. Другой очеркъ «Чукчи и Русскіе» рисуетъ нравы Нижне-Колымска. Такого-же характера свѣдѣнія даетъ и очеркъ *Семевскаго* «Изъ исторіи обязательнаго горнаго труда. Приведены тексты двухъ пѣсенъ алтайскихъ мастеровыхъ. Въ томъ же выпускѣ есть статистическій очеркъ Primus'а «Инородцы Верхоянскаго округа».

Д. У.

Календарь и Памятная Книжка Вятской губерніи на 1898 годъ. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка. 1898. Стр. 188+VI. 8°. Ц. 1 р. 25 к.

19-й выпускъ этого полезнаго изданія заключаетъ въ себѣ, какъ и предшествующіе выпуски, обильный матеріалъ для описанія быта крестьянскаго населенія Вятскаго края. Въ отдѣлѣ «Географическо-статистическія свѣдѣнія» читатель найдетъ интересныя таблицы, показывающія размѣръ крестьянскаго землевладѣнія въ разныхъ уѣздахъ губерніи, распредѣленіе крестьянской земли по угодьямъ, пространство удобной лѣсной площади, приходящееся на каждый крестьянскій дворъ и на каждую крестьянскую душу, размѣръ посѣвовъ хлѣбовъ и корнеплодовъ, льна и конопли, количество скота; таблицы, на которыхъ сгруппирована статистика кустарныхъ и отхожихъ промысловъ населенія, казенныхъ и земскихъ сборовъ и недоимокъ, мірскихъ доходовъ и расходовъ; таблицы, показывающія движеніе населенія, формы заболѣваній и наконецъ таблицы, касающіяся народнаго образованія. Тутъ же есть, между прочимъ, таблица, показывающая число экземпляровъ періодическихъ изданій, выписывавшихся въ Вятской г. въ 1897 г., интересная, собственно говоря, для характеристики вообще русскаго читателя. Большая часть указанныхъ таблицъ относится къ 1896 г., нѣкоторыя къ 1897 г., 1893, а также къ восьмидесятымъ годамъ.

Нѣкоторый недостатокъ этихъ таблицъ представляетъ то, что въ большинствѣ ихъ, чуть ли не во всѣхъ, приводятся абсолютныя цифры и нѣтъ процентнаго отношенія, а также распредѣленія земельныхъ угодій, доходовъ, расходовъ и т. п. по числу душъ. Если бы таблицы были пополнены въ этомъ отношеніи, то пользоваться ими было бы удобнѣе и онѣ были бы гораздо нагляднѣе. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, покрывается краткимъ статистическимъ обзоромъ Вятской губ., представляющимъ наглядную и вполнѣ доступную обработку сырого статистическаго матеріала. Тутъ, между прочимъ, въ очеркѣ «Преступленія и арестанты» есть любопытныя данныя о числѣ преступленій по разнымъ категоріямъ, числѣ приговоровъ о присужденіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ; свѣдѣнія о размѣрахъ потребленія спиртныхъ напитковъ, о числѣ незаконныхъ рожденій; въ очеркахъ «Миссіонерская дѣятельность» и «Народное образованіе» есть довольно подробное описаніе черемисской секты «Кугу-сортá» (при чемъ приводится и литература вопроса) и свѣдѣнія о стремленіи населенія къ обученію дѣтей.

Въ отдѣлѣ «Глухіе уголки Вятской г.» помѣщено описаніе села Шалѣгова, Орловскаго уѣзда, содержащее, кромѣ свѣдѣній объ исторіи возникновенія этого села, также и свѣдѣнія о вѣрованіяхъ и народной словесности мѣстнаго населенія. Здѣсь приводятся преданія 1) о томъ, почему началось приношеніе въ жертву («свято») Ильѣ пр. отъ овецъ и пчелъ 20 іюля; 2) о томъ, почему считается большимъ грѣхомъ ѣсть свѣжій горохъ до 20 іюля. Указываются также повѣрья о великомъ четвергѣ и описывается обычай «Куриный обѣдъ, или трецыплятница». Далѣе приводится 4 заговора (присушка, отъ

сумасшествія, отъ крови, когда человѣкъ долго хвораетъ), 17 №№ пѣсенъ и 19 №№ присказокъ. Какъ извѣстно, пѣсни Вятскаго края отчасти записаны г. Васнецовымъ и изданы имъ подъ заглавіемъ «Пѣсни сѣверо-восточной Россіи». Пѣсни, напечатанныя въ разбираемомъ выпускѣ календаря, большею частью не вошли въ составъ сборника Васнецова; лишь нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ варіанты пѣсенъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ. Таковы, напр., слѣдующіе №№: № 2 (у Васнец. № 129), № 9 (у Васнец. № 190), № 6 (у Васнец. № 153), № 7 (у Васнец. № 127), присказка № 18 (у Васнец. № 148). Другая статья, помѣщенная въ томъ же отдѣлѣ,—«Знахарство въ Орловскомъ у.», описываетъ вкратцѣ нѣкоторыя вѣрованія въ нечистую силу, лѣшихъ, домовыхъ, въ колдовство; тутъ же приводятся слѣдующіе заговоры: 2 охотничьи 2 отъ порчи, 1 отъ болѣзней скота и 2 заговора на присуху.

Въ статьѣ М. С. «Рудничное хозяйство въ заводахъ Холуницкаго округа» описывается работа на рудникахъ и по перевозкѣ руды, играющая значительную роль въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ ст. С. Дремцова «Травосѣяніе въ Вятской г.» есть, между прочимъ, указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ краткія, на формы землепользованія при введеніи травосѣянія у крестьянъ. Ст. В. Ф. Кудрявцева «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края» представляетъ продолженіе статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ въ календарѣ за 1897 г. Въ главахъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ, находится описаніе гор. Елабуги и очеркъ его исторіи. *Д. С.*

Фр. Мюллеръ. Къ вопросу о происхожденіи грузинскаго алфавита. (Ueber den Ursprung der grusinischen Schrift. Von d-r *Fridrich Müllers.* Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Band CXXXVII. Wien, 1897).

Вопросъ о происхожденіи грузинскаго алфавита не можетъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ. Въ разное время возникали различныя теоріи о родствѣ грузинской азбуки съ тѣмъ или другимъ алфавитомъ. Броссе грузинскія письмена возводилъ къ индійскимъ буквамъ, разыскивая ихъ прототипы въ пестрой смѣси современныхъ индійскихъ алфавитовъ. Помимо этой фантастической теоріи, высказывалось мнѣніе о совмѣстной связи грузинскихъ и армянскихъ буквъ съ греческимъ алфавитомъ, при чемъ изобрѣтателемъ первыхъ считался Месропъ — армянинъ, жившій въ V вѣкѣ. Наконецъ, наиболѣе обоснованная теорія, подкрѣпленная историческими фактами, была выставлена на V археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ проф. Лазаревскаго института И. Л. Окромчеделовымъ-Серебряковымъ. Согласно этому мнѣнію, грузинскій алфавитъ заимствованъ былъ до Р. Х. царемъ Фарнавазомъ изъ зендской азбуки, при чемъ авторъ сопоставилъ начертанія грузинскихъ и зендскихъ буквъ, оказывающихся иногда поразительно сходными. Это изслѣдованіе, къ сожалѣнію, неизвѣстно професс. Мюл-

леру. Въ послѣднемъ томѣ извѣстій Вѣнской академіи наукъ этотъ извѣстный лингвистъ, знатокъ отчасти грузинскаго языка, помѣстилъ именно статью „О происхожденіи грузинскаго алфавита“, суть которой состоитъ въ слѣдующемъ. Знаменитый ученый, указавъ на существованіе у грузинъ двоякаго алфавита „мхедрули“ и „хуцури“, предварительно рѣшаетъ вопросъ, есть ли связь между этими двумя, съ виду разнохарактерными, алфавитами. Давъ утвердительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, онъ считаетъ „мхедрули“ — алфавитомъ, происшедшимъ изъ „хуцури“, какъ собственно этотъ вопросъ и выясненъ палеографическими наблюденіями Дм. Бакрадзе и Дм. Пурцеладзе, хотя почтенному профессору работы названныхъ грузинологовъ и неизвѣстны. Затѣмъ онъ сопоставляетъ отдѣльно каждую букву заглавнаго „хуцури“ съ мелкимъ и съ „мхедрули“, усматривая совершенно справедливо генетическую между ними связь и отвергая старшинство „мхедрули“ надъ „хуцури“. Впрочемъ эти пункты вопроса о грузинскомъ алфавитѣ были разработаны еще грузинскими учеными или, во всякомъ случаѣ, были поставлены на очередь. Но вотъ что новаго въ изслѣдованіи профессора Фр. Мюллера: указавъ на сходство наименованій грузинскихъ и армянскихъ буквъ, онъ рѣшительно не признаетъ Месропа изобрѣтателемъ грузинскаго алфавита. «Если бъ онъ былъ, говоритъ Мюллеръ, изобрѣтателемъ грузинскихъ буквъ, то остается совершенно непонятнымъ, почему онъ имъ же установленнаго армянскаго алфавита не сообщилъ грузинамъ, тѣмъ болѣе, что система звуковъ обоихъ языковъ вполнѣ совпадаетъ. Если же,—продолжаетъ онъ,—Месропъ не перенесъ на грузинскіе звуки армянскихъ письменъ, то отсюда слѣдуетъ, что долженъ былъ существовать у грузинъ болѣе древній алфавитъ (какъ у армянъ «письмена Даспила»). И я утверждаю,—заключаетъ авторъ,—что и древнее письмо грузинъ есть вѣтвь семитическаго, спеціально-арамейскаго алфавита. Связь грузинскаго алфавита съ семитическими письменами явствуетъ изъ двухъ пунктовъ: изъ формы ихъ отдѣльныхъ буквъ и изъ порядка грузинскаго и арамейскаго алфавитовъ. Первый пунктъ онъ отказывается, впрочемъ, настойчиво поддерживать, потому, говоритъ онъ, что древній характеръ грузинскихъ письменъ неизвѣстенъ(по его ошибочному предположенію, самый древній письменный груз. памятникъ восходитъ лишь къ IX в., въ то время, какъ мы имѣемъ эпиграфическіе факты V—VII вв. и письменные памятники VI—VIII вв.); съ другой стороны,—мы обладаемъ скудными свѣдѣніями объ арамейскомъ письмѣ, употреблявшемся на сѣверѣ и югѣ Кавказа. Сопоставивъ грузинскія буквы съ арамейскими, онъ объясняетъ ихъ связь, а затѣмъ переходитъ къ порядку алфавита въ обоихъ языкахъ и находитъ бо́льшую близость между грузинскимъ и арамейскимъ алфавитами, чѣмъ между грузинскимъ и греческимъ. Месропъ, заключаетъ онъ, вѣроятно, вотъ эту-то усвоенную грузинами семитическую азбуку только реформировалъ, введя въ нее вокализацію.

А. Хахановъ.

«Изгнаніе Рамы». Отрывокъ изъ поэмы «Рамайана». *Переводъ съ нѣмецкаго яз. на грузинскій. Ал. С—швили.*

Переводъ этотъ печатался въ прошломъ году въ грузинскомъ журналѣ «Моамбэ» и теперь изданъ отдѣльной книжкой. Переводчикъ А. С—швили давно извѣстенъ грузинской читающей публикѣ какъ изслѣдователь грузинской старины и хорошій знатокъ грузинскаго языка. Какъ видно изъ предисловія къ этой книжкѣ, отрывокъ «Изгнаніе Рамы» переведенъ съ нѣмецкаго изданія Адольфа Гольцмана, оригиналомъ для котораго послужилъ санскритскій текстъ, возстановленный А. В. Шлегелемъ.

«Рамайана»—знаменитая индійская поэма. Содержаніе этой поэмы историки относятъ къ героической эпохѣ распространенія арійскаго племени въ Индіи, въ XIII—XIV вѣкахъ до Р. Х. Авторомъ поэмы народное преданіе считаетъ знаменитаго индійскаго поэта Вальмики. Въ предисловіи же переводчикъ объясняетъ, почему онъ перевелъ и издалъ этотъ отрывокъ. Въ полномъ видѣ поэма «Рамайани» состоитъ изъ семи книгъ. «Изгнаніе Рамы» (вторая книга) хотя и представляетъ только отрывокъ изъ этой поэмы, но можетъ считаться и отдѣльнымъ законченнымъ произведеніемъ, такъ какъ она не имѣетъ существенной связи съ остальными шестью книгами. Для лицъ, интересующихся цѣлой поэмой, авторъ приводитъ въ концѣ книжки краткое ея содержаніе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что означенная книжка съ большимъ интересомъ будетъ читаться грузинской публикой, такъ какъ по ней она можетъ познакомиться съ цѣлымъ міросозерцаніемъ древнѣйшаго народа—индійцевъ.

А. Хахановъ.



ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1898. 1—10. Продолженіе начатой ранѣе переписки И. А. Голышева съ разными лицами; въ перепискѣ разсѣяно много мелкихъ любопытныхъ указаній относительно мѣстныхъ изслѣдованій Голышева.—**5.** Разсказы изъ архива. Указъ Сѵнода, запрещающій лицамъ духовнаго званія измѣнять фамиліи своихъ родителей.—**8.** Жалобы причетниковъ на священника въ 1802 году. (Разсказы изъ архива). Священникъ, нарядивъ свою дочь въ рясу, а другую дѣвицу въ семинарское платье, самъ вооружившись дубиной, ходилъ по деревнѣ славить Христа. Тотъ же священникъ на святкахъ „пустилъ къ себѣ въ избу святошниковъ, которые пришедши къ нему начали скакать и плясать и срамныя пѣсни пѣть и тѣмъ священную главу унижать. За пляcaніе священникъ довольствовалъ угодниковъ своихъ виномъ и брагою и яственными запасами".

Естествознаніе и Географія. (Научно-педагогическій и популярный журналъ подъ ред. М. П. Варавны. Москва). **1896. 1, 2 и 3.** *Мечъ, С. П.*, Два мѣсяца въ Южномъ Уралѣ. Тургоякъ (озеро и село,—названіе башкирское). Природа мѣстности; характеръ поселенія—зажиточное сибирское; постройка домовъ; внутреннее убранство; обитатели — честны, трезвы, простодушны; говоръ—обыкновенный русскій съ примѣсью немногихъ сибирскихъ словъ: пошто, дивно, кержакъ, стряпка, айда, айдате; хозяйство — приспособлено къ условіямъ мѣстности: арендное на башкирскихъ „заимкахъ"); Таганай (вершина Урала; попутно дана характеристика г. Златоуста и его обитателей и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ прошлаго); Яманъ-тау (по башкирски—Злая гора. Попутно даны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ поселеніяхъ и занятіяхъ жителей.—**2, 3.** *Фрейбергъ, П. Р*, Кругосвѣтное путешествіе японцевъ сто лѣтъ тому назадъ (приведены выдержки изъ дневника изъ путешествія по Сибири до Петербурга и дальше). **2.** *Дегерэнъ, Генри*, (*перев.*). Городъ Нгаундэрэ въ Адамау (въ центр. Суданѣ). Основаніе города составляетъ эпизодъ изъ исторіи распространенія народа фульбэ, магометанскаго вѣроисповѣданія. Рисунки: постройка и типъ женщины.—**2, 3, 4, 6, 8, 9,** и **10.** *Носиловъ, К.* По юго-западной Сибири (замѣтки и впечатлѣнія).—**3.** *Греве, К. А.* Ленкоранъ (Изъ поѣздки на Кавказъ). Природа и жизнь туземцевъ.—Очередное засѣданіе Французскаго Географическаго Общества 15 янв. (Сообщ. виконта Кюверниль. Les steppes Kirghiz de la mer d'Aral. Природа, жители ихъ нравы, религія, обычаи, легенды и проч.).—**4.** Письмо изъ Череповца(объ открытіи мѣстнаго музея, съ отдѣлами: естественно-историческимъ, сельско-хозяйственнымъ, промышленнымъ, археологическимъ, палеонтологическимъ и нумизматическимъ).—Распредѣленіе африканскаго материка между европейскими націями (по сообщ. Поля Барре).—Отчеты о засѣданіяхъ географическихъ обществъ въ Германіи (въ Галле, Іенѣ, Мюнхенѣ). — **2, 3,** и **5.** *Анни Марстонъ.* Великая замкнутая страна. Тибетъ, перев. П. Р. Фрейбергъ (въ прилож.). — **8.** *Соловьевъ, Н. А.* Памиры и

верховье Аму-Дарьи (По Кёрзону. Филологич. объясненіе слова „Памиры").— **9** и **10**. Русскія поселенія по китайской границѣ (По сообщ. Шмурло. Мирное завоеваніе Монголіи).

1897. **1**. *Насоновъ, Н. В.*, проф. Къ горѣ заповѣдей. (Изъ путешествія на Синай зимою 1895 г. — Научное путешествіе въ Австралію. Перев. съ нѣм. С. Г. Свѣдѣнія изъ путеш. Земона о чернокожихъ, ихъ правахъ, обычаяхъ и пр.—**3**. Бытъ, нравы и религія минусинскихъ инородцевъ (въ отд. „Смѣси", по сообщенію Катанова).—Открытіе Туркестанскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества (28 февр.). — **4**. *Акинфіевъ, Н.* Поѣздка къ Эльборусу (природа и жители).—**5**. *Носиловъ, К.* Алтайскіе очерки.—**5** и **10**. *Симонъ, Д., проф.* Очерки изъ путешествія по Австраліи (перев. П. Р. Ф.).— **6**. *Носиловъ, К.*, Путешествіе къ вогуламъ. — *Е. С.* Индѣецъ на крайнемъ сѣверѣ Америки.—**7**. *Шрадеръ, Ф.* О причинахъ задержки въ развитіи нѣкоторыхъ народовъ (перев. Е. С.).—**8**. *Шимкевичъ, В.* Уродства и ихъ значеніе (у человѣка). — **9**. Рецензіи на книги: проф. М. Неймара—Исторія земли, и проф. Ранке—Человѣкъ.—**10**. Города Индіи (статистика населенія).— Казанское Общество Истор., Археол. и Этногр. (Зас. 28 ноябр. Сообщ. г. Дуброва: Жизнь и бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи).

Курскія Губернскія Вѣдомости. 1898. 6. Въ протоколѣ засѣданія Курскаго Юридическаго Общества приведена рѣчь одного изъ членовъ Общества, посвященная выясненію вопроса о важности собиранія матеріаловъ по обычному праву. **13**. Корресп. изъ Путивля сообщаетъ, что о прошломъ города „имѣются преданія и, кажется, широко распространены они въ массѣ". Авторъ приводитъ слѣдующія преданія: 1) Въ одномъ изъ мѣстныхъ храмовъ имѣются Евангеліе виленской печати, старинные воздухи и пресловутое кресло Гришки Отрепьева; путивльское преданіе о происхожденіи этихъ вещей говоритъ, что Евангеліе написано Апостоломъ Лукою по заказу Гришки Отрепьева, за что Марина Мнишекъ отблагодарила ап. Луку собственноручно изготовленными воздухами.—2) По увѣренію путивлянъ въ одной изъ келій древняго, когда-то женскаго Новодѣвичьяго монастыря, сидѣла царевна Софія, заключенная Петромъ Великимъ. 3) „Святое озеро" близъ Путивля явилось на мѣстѣ провалившейся церкви, въ которой совершено было какое-то святотатственное дѣяніе.—**14**. Корреспонд. изъ слободы Пѣны, Обоянск. у. сообщаетъ о проживающемъ здѣсь знахарѣ, пользующемся большой популярностью, и о знахаркѣ въ с. Павловкѣ. Авторъ корреспонденціи записалъ нѣсколько заговоровъ, которые мы, въ виду ихъ интереса, перепечатываемъ:

I. *Заговоръ отъ укушенія змѣи*. Господу Богу помолюсь, Пречистой въ ноги поклонюсь. Есть у меня равь, въ той равѣ стоитъ яблонь золотая, на той яблони кора золотая, гольє золотое, на томъ гольѣ гнѣздо золотое, въ томъ гнѣздѣ сидитъ царь Вьевъ. Царь Вьевъ унимай своихъ слуговъ, какіе на свѣтѣ есть: степовыхъ, лѣсовыхъ, водяныхъ, межевыхъ. Если не будешь ты унимать, то я буду отъ тебя слово знать. Есть у меня день четвергъ, въ который я рожденъ, то я заговорю тебѣ зубъ. **II**. *Заговоръ произносимый надъ водою, которую даютъ пить укушенному змѣей человѣку или животному*. На морѣ—океанѣ, на быстрой Боянѣ, тамъ есть гнѣздечко, въ томъ гнѣздечкѣ—царица, веретиница, Елена—гаденица. Скотина по полю ходитъ; скотина не знаетъ, скотина наступитъ, скотина умретъ, тебѣ грѣхъ будетъ, приходи помощь подавать: изъ черной шерсти зубъ вынимать; если не придешь, то закляну тебя на семь лѣтъ. **III**. *Молитва отъ лихорадки*. Шелъ Абрамій путью и сынъ его Исаакій; нашли есину желѣза. Встрѣтили ихъ семьдесятъ семь радовыхъ дочекъ. Абрамій говоритъ: куда вы идете? Онѣ же говорятъ: въ міръ искушать людей. Абрамій говоритъ: Исакій, Исакій, возьми есину желѣза и разбей ихъ; онѣ же говорятъ: Абрамій, Абрамій, не бей насъ; но кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы десятаго будемъ брать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Господи, спаси раба Божія отъ болѣзни. Громъ услышатъ и молніи всѣ люди боятся и трепещутъ; однако семьдесятъ семь радовыхъ дочекъ созданныя отъ рода Божія отыдоша во

славу Троицѣ и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Отыдоша отъ нихъ возмутится вода, всколыхается море, изыдуть изъ моря 12 дѣвицъ; на встрѣчу къ нимъ святой Пафнутій. Спрашиваетъ ихъ: что вы за люди? Онѣ ему говорятъ: идемъ въ міръ людей мучить и терзать. То послалъ святой Пафнутій ихъ желѣзомъ побивать, каждой изъ нихъ по семьдесятъ семь ранъ давать. Святой Пафнутій, помилуй насъ! Кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы отъ того человѣка отойдемъ прочь въ край дальній. И во вѣки вѣковъ. Аминь. **IV.** *Заговоръ, чтобы коровы давали больше молока.* Набираютъ въ колодцѣ воды и поятъ коровъ, произнося трижды слѣдующій заговоръ: Здравствуй, Андрей—колодецъ [1]), дай мнѣ водицы, красной дѣвицѣ; дай мнѣ молочка, густой сметанки, крутого творожку. Богъ на помощь, Иванъ колодецъ, земля Ульяна, вода Татьяна, пришла я къ тебѣ, раба мать (имя рекъ), но за водою, а за бѣлымъ молокомъ, за густою сметаною, за крутымъ творогомъ. Какъ въ колодцѣ воды ключи отмыкаются и отворяются и постоянно вода прибавляется, такъ и у моей пестрой коровушки—Матренушки отворитеся, отомкнитеся ключи, прибавься бѣлое молочко, густая сметанка, крутой творожокъ. Доброе здоровье, Покровъ Пресвятая Богородица, я тебя призываю, я тебя прикликаю, со святымъ апостоломъ; прогоняю Господнею силою на буйныя рѣки, на желтые пески, на гнилые колодцы отъ черного человѣка, сойдитесь, соберитесь полевыя, межевыя, подмеженныя, лѣсовыя, подкустовыя, дворовыя, подтыновыя и всякія поддубовныя, луговыя, подкочковыя; не я ли буду выгонять изъ пестрой коровушки—Матренушки,—призываю, прикликаю двѣнадцать апостоловъ и съ Господомъ Богомъ и съ Покровою Пресвятою Богородицею, помогите, пособите пестрой коровушкѣ—Матренушкѣ. Я Господа Бога прикликаю и призываю не на леченіе, а на облегченіе коровушкѣ—Матренушкѣ.—**16.** Одинъ изъ сибирскихъ почитателей о. Іоанна Кронштадскаго обратился къ нему съ запросомъ по поводу широко-распространеннаго въ Сибири апокрифа—„Сонъ Пресвятой Богородицы“; о. Іоаннъ отвѣтилъ въ тонѣ строгаго осужденія этой „бабьей нелѣпицы“. **24—36—38.** Народныя пѣсни, записанныя въ Обоянскомъ у. Г. А. Зайцевымъ. Всего 18 пѣсенъ, большинство лирическихъ; изъ игровыхъ заслуживаетъ вниманія „Мятелица“, къ которой приложено описаніе самой игры. **31—32—40—41—42—44.** Необходимость и возможность учрежденія въ Курскѣ ученой архивной коммиссіи. *А. Танкова.* **39—40.** Русскія весенніе народные праздники. Семикъ и русалокъ. Статья компилятивная, новыхъ матеріаловъ нѣтъ. **41.** Ликъ Христа Спасителя: изложеніе переведенной въ „Церк. Вѣстн.“ лекціи Вайкъ—Бэйлиса. **42.** Сословно профессіональныя характеристики въ пословицахъ русскаго народа. Интересная замѣтка, авторъ которой, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ, откуда онъ заимствовалъ приводимыя имъ пословицы.

Чешскій Лидъ (C'esky Lid). 1893—1897. Rok. III. (Окончаніе). **Выпускъ 2-й;** Свадебныя знамена окрестностей Початокъ описываетъ *Фр.Лего* (съ иллюстр.(; *Климентъ Чермакъ* сообщаетъ письмо крестьянки отъ 1620 г., какъ матеріалъ для характеристики образованности крестьянскаго сословія; *К. Хытилъ* изъ старыхъ Кутногорскихъ „registra konská“ (XVI ст.) даетъ списокъ названій коней. Далѣе отмѣчаемъ: очеркъ *В. Паулюса*, Свадьба окрестн. Храсти (Хрудимскаго окр.); Расписныя крестьянскія избы южной Моравіи, *І. Коули* (съ иллюстр.); О нашей свѣтской народной пѣснѣ, наблюденія проф. *О. Гостинскаго;* О крѣпостномъ населеніи Подѣбрадскихъ помѣстій XVIII ст„ очеркъ *О. Пароубка*; Рождественское хожденіе „s bukálem (bukacem)“ (См. Cesky Lid, I, 411, II, 52) въ Бероунѣ въ 1777 г. описываетъ *Іос. Вавра;* Старыя повѣсти о золотѣ въ Крконошахъ сообщаетъ *А. Шомта;* Повѣсть Мельницкаго окр. о происхожденіи коней, *Л. Бемъ-Романовскій*. Рядъ мелкихъ сообщеній о провинціальныхъ народописныхъ выставкахъ, рефераты, обозрѣніе новостей этнографической литературы и пр.

[1]) Сравн. въ разсказѣ о Маріи Египетской и Андреѣ Критскомъ (Чубинскій, Труды... I, 182—183) слѣдующее мѣсто: „чрезъ те ёго (Андрея) и назвали „Крицькимъ“, що вiнъ у колодязi крывсь пьятнадцять годъ бiзъ хлiба.



Вып. 3-й: Сельская усадьба въ Силезіи, очеркъ *В. Гауера* (съ иллюстр.); Объ изученіи народа и его сказокъ, *В. Тилле;* „Описаніе силы орѣховаго (Pimpernüss) дерева" (по старой рукописи) сообщаетъ *Б. Конечный;* О названіяхъ разныхъ частей одежды у словаковъ пишетъ пр. *Фр. Пастрнекъ;* Производство гречневой крупы (pohanská kaša) въ Новочинскомъ окр., *К. Червинка;* Шуточныя сочетанія мѣстныхъ именъ, *В. Ржезничекъ;* Хожденіе „s Luckami" въ Костельцѣ у Ворлика, *Фр. Рацекъ*.

Вып. 4-й: Какъ прежде забирали въ солдаты (по архивнымъ даннымъ половины XVIII ст.), *В. І. Новачекъ;* Свадебный и дожиночный (obžinkovy) поѣздъ Прахенскаго окр. въ 1836 г. (съ иллюстр.), *Ч. Зибртъ*; Магическіе словенскіе рецепты (изъ рукописи): лѣкарство противъ бѣльма на глазу; quoad pisces captandos; quoad videndos tesauros; противъ рожи; противъ кашля; заклинательная формула противъ червей въ ранахъ у скота, — сообщила *Л. Ризнерова-Подъяворинская;* Выписки изъ Бероунской книги завѣщаній, *Іос. Ваера;* Нѣкоторыя хозяйственныя суевѣрія прошлаго вѣка, *М. Дворжака;* Рѣчь (языкъ) животныхъ въ наблюденіяхъ словаковъ, *Іос. Чижмаря*; Повѣсти о кладахъ въ южной Чехіи, *І. Доморазка;* Южно чешскій обычай при окончаніи молотьбы описываетъ *І. Зитекъ;* Чары и волшебства окрестностей Тына надъ Вятавой собралъ *М Станекъ;* Печатные образцы народныхъ приглашеній на свадьбы и крестины, *Ч. Зибртъ;* Народныя постройки на Народописной выставкѣ (съ иллюстр), *Ч. Зибртъ;* Весенній обычай „placeni od máje". Страконицкаго округа. *В. Шварца;* Народныя повѣрья о водѣ, огнѣ и землѣ Гералецкаго окр., *Ан. Томичка*.

Вып. 5-й: А. П. Затурецкаго Словенскія пословицы, сообщеніе *І. Новака* (см. Журналъ Мин. Нар. Просв., 1898, январь). „Horia a Gloska", очеркъ по исторіи народнаго театра, *Арн. Крауса* Старинныя извѣстія о почитаніи змѣй, *Ч. Зибрта, І. Соукупа и Фр. Бареша*. Чешскіе танцы (с. Иквы у Нимбурка), собралъ *А. Гайный*. Старочешскій заговоръ отъ зубной боли (по рукописи Оломуцкой библ.), *В. Тилле*. Привѣтственная рѣчь каменщиковъ посѣтителю постройки *Б. Ч.*

Вып. 6-й: Украшенія пастушескихъ кнутовищъ въ Моравіи и Словачинѣ, описываютъ *Л. Бакешова и І. Л. Голубый;* Орнаментація стульевъ въ Моравіи, *М. Ванкловой;* О Велесѣ, *Зд. Тобольки;* Надписи на деревянныхъ народныхъ постройкахъ (очеркъ по исторіи „деревенской эпиграфики"), *К. Адамка*. Народныя мѣстныя имена (образецъ для собиранія свѣдѣній этого рода). *Въ отдѣлѣ антропологіи и археологіи:*

Матейки І., Собраніе матеріаловъ для доисторической антропологіи чешскихъ земель; *Елинка Бр.*, Памятники славянской древности въ мѣстныхъ названіяхъ (особенно чешскихъ); *Гааса Я.*, Защита памятниковъ старины въ Чехіи; *Шолты А.*, Старинные кресты окрестностей Домажлицъ, Нѣмецкаго Брода и пр. *Нидерле Л.*, О младшемъ каменномъ вѣкѣ въ Чехіи. *Матейки І.*, О распространеніи каменныхъ орудій въ Чехіи и Моравіи въ связи съ геологическимъ строеніемъ. Отчетъ о девятомъ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, *Л. Нидерле*. Мелкія археологическія сообщенія и замѣтки; рефераты о новыхъ книгахъ (видное мѣсто отводится всегда журналамъ и трудамъ русскимъ).

Rok. IV. По культурной исторіи и этнографіи отмѣчаемъ слѣдующія статьи: *Адамка К*, Учебники ариѳметики (рукописные) на народописныхъ выставкахъ въ Глинскѣ и Хотѣборжѣ. *Его-же:* Памятники чешской реформаціи въ восточной Чехіи. *Берана В.*, Пѣсни, коими сопровождается появленіе каждаго блюда на свадебномъ пиру. *Боухала Фр.*, „Купаніе короля" въ южной Чехіи (дѣтскій обычай), *Его-же:* Сказки Крумловскаго окр. *Доморазка Фр.*, Народные обряды, обычаи и суевѣрія при смерти и погребеніи. *Достала А.*, Кумъ. Очеркъ по исторіи народныхъ обычаевъ. *Эшнера В.*, „Máje" (весенній праздникъ и игры) Углиржско-Яновицкаго окр. *Флоса Фр.*, Старочешскія рождественскія драмы; I. Рождество Христово; II. Приходъ трехъ королей въ Виѳлеемъ; III. Драма о трехъ короляхъ (Изъ старой рукописи). *Франко Ив.*, Повѣсть о расцвѣтшемъ (орѣховомъ) жезлѣ Прже-

мысла и повѣсти о цвѣтущей сухой вѣткѣ (Ср. Cesky Lid I, этюдъ Тилле. „Lidové povídky o panovníkovi povolaném od železného stolu"). *Гайнаго Ав.*, Народная рождественская драма о трехъ короляхъ (окрестностей Нимбурка). *Ганушa I.*, Весенніе обряды въ день св. Духа. *Гауера В.*, Сельская усадьба въ Слезіи. *Геллиха I.*, Чародѣй, обратившійся въ жабу, *Гобловой В.*, О швеяхъ, кружевницахъ, цвѣточницахъ и золотошвейкахъ (вышивавшихъ чепцы) Младоболеславскаго окр. *Голубаго I.*, Пьяница, чортъ и смерть (старинная рѣзная деревянная группа изъ Бецкова, въ Тренчинскомъ Поважьѣ). *Его-же:* Очерки жизни населенія Подградья (въ Бошацкой долинѣ, въ Словачинѣ). *Граше I.*, Дары Мелузинѣ, чтобы она не выла. *Грушки I.*, Усадьба и хата Ходскаго окр. *Якубца I. и А.* Чешскій ручной ткацкій станокъ (терминологія). *Янаса В.*, Хожденіе „s perchtou" (вечеромъ наканунѣ Крещенія,—Трехъ королей). Ср. Cesky Lid, II, 345. *Яника Л.*, Подкидышъ. Моравская повѣсть. *Калоуска Іос.*, Іосифъ Прохазка, образецъ чешскаго начетчика. *Его-же:* Къ исторіи чешскихъ народныхъ преданій (О длинѣ тѣла Христова и изображеніи Тройцы). *Кесслера I.*, Несчастные дни въ году. *Кльваня I.*, Свадебные головные уборы невѣстъ и дружекъ (družiček) въ Моравіи. *Его-же и Шимы I.*, Образцы словацкаго вышиванія. *Конопаса Я.*, Domlaty. Сельское празднество (при окончаніи молотьбы) въ окр. Болеславскомъ. (См. Cesky Lid. II, 333). *Краля I.*, Присяга Магдалины Кубіасовой, обвиненной въ отравленіи (1652 г., изъ архива г. Вамберка). *Конопика* 1., Мясопустъ въ Ходскомъ окр. *Краловца I. и Чадка I.*, Игра въ „короля" (весенній обрядъ) въ Домажлицкомъ окр. *Лѣваго Ф.*, Рождественское представленіе старочешскихъ учениковъ. *Нерада Ф.*, Объ умирающихъ и мертвыхъ. Повѣрья, собранныя въ с. Есеницѣ. *Его-же:* Шинкарь и мясникъ (рядъ повѣрій). *Пароубка, О.* О крѣпостномъ населеніи Подѣбрадскихъ помѣстій въ XVIII в. *Патка Ф.*, Чешская фольклористическая литература за 1892 годъ. *Питнеровой Вл.*, Изготовленіе писанокъ (kraslic). *Плотенаго П.*, Хожденіе со статуей Дѣвы Маріи (вечеромъ, въ день Непорочнаго Зачатія). *Подлаги А.*, Извѣстія миссіонеровъ о чешскихъ народныхъ повѣрьяхъ (изъ второй половины XVII ст.). *Полившки Ю.*, Сказки о дѣлежѣ награды рыбакомъ, крестьяниномъ и пр., принесшимъ какую-либо рѣдкость барину, съ его прислугою (награда — розги и пр.). *Позднюка Ч.*, Несомнѣнное средство противъ сплетенъ. *Рериха* Б., Крестьянскія одежды Поленскаго окр. *Росульки Ф.*, Объ „огненномъ мужѣ" и блуждающихъ огняхъ. *Шварца, В.*, Юридическіе обычаи населенія Страконицкаго окр. *Его-же:* Почему Богъ отнялъ у людей возможность знать, какъ долго они будутъ живы? *Свободы Я.*, О женскихъ головныхъ уборахъ (чепцахъ, holubinky). *Шебесты I.*, Докторъ Фоусъ (Фаустъ) и Маргарита въ мясопустномъ шествіи въ Сушицкомъ окр. *Его-же:* Хожденіе съ „кобылой" (klibnou) въ Сушицкомъ окр. (въ мясопустный понедѣльникъ). *Шильгаваго Ф.*, Деревенская молотьба (въ западной Моравіи). *Шимака I.*, Какъ пастухъ чарами защищалъ овецъ отъ волковъ. *Шимака I. О.*, О кутногорскихъ чародѣйкахъ XVI ст. *Тилле В.*, Объ изученіи народа и его сказокъ. *Тыршовой Р.*, Объ изученіи и поддержкѣ народныхъ вышиваній. *Валька Іос.*, Валашскія пѣсни „o dožatej" (дожинки) изъ Всацка (въ Моравіи). *Ваньоуса Ф.*, Хожденіе съ „королемъ" (въ южной Чехіи). *Влуки I.*, Три короля (Pastuškové) въ Слезіи. *Выгмидала Я.*, Слезскій погребъ (pivnice) и кухня. *Ванкловой М.*, Орнаменты крестьянскихъ стульевъ въ Моравіи. *Зибрта, Ч., Дра.*, Миѳологическія мелочи (водяной); Деревянныя церкви въ Чехіи; Деревянные замки въ Чехіи и Моравіи; Записки П. І. Шафарика о „сотацкихъ" (Сотаки — жители городка Снины и окрестностей его, говорящіе вмѣсто „čo" (что)—„so") пѣсняхъ Словаковъ; Изъ неизданныхъ записокъ Божены Нѣмцовой, и пр.

Въ отдѣлѣ антропологіи и археологіи, прекращающемся, замѣтимъ здѣсь, съ слѣдующаго (1895—96) года, назовемъ статьи:

Нидерле Л., О главныхъ задачахъ чешской археологіи. *Матейки I.*, Очерки по исторіи чешскаго неолита. *Кучеры Ф.*, Доисторическія находки

въ Лоунскомъ окр. *Калоуска I., проф.*, и *Гоубка I.*, Два очерка по вопросу о старыхъ каменныхъ крестахъ.

Обширная литература по этнографіи, археологіи, обозрѣніе журналовъ, обиліе всякаго рода мелкихъ сообщеній и замѣтокъ дополняютъ содержаніе каждой книги этого журнала.

Rok V. За этотъ годъ журналъ посвященъ главнымъ образомъ Чешско-славянской народописной (этнографической) выставкѣ, о которой обширный рефератъ М. Сперанскаго былъ помѣщенъ и въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Кромѣ подробнаго описанія всѣхъ спеціально этнографическихъ отдѣленій выставки, здѣсь находимъ еще слѣдующія отдѣльныя статьи, посвященныя ей: *Блажекъ Фр.*, Домашняя аптечка на Народописной выставкѣ; *Гавелькова В.*, О чешскихъ народныхъ вышивкахъ на Народописной выставкѣ; *Юрковичъ Д.*, Народный мичманскій костюмъ; *Кльваня I.*, Моравскія вышивки на Н. в.; *Матейкова М.*, Рукописные народные молитвенники; *Соукупъ I.*, Писанки (kraslice, крашанки) на Н. в. Всѣ эти описанія и статьи сопровождаются множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій, поясняющихъ текстъ. Изъ другихъ статей отмѣчаемъ: *Адамка К.*, О надписяхъ на деревянныхъ крестьянскихъ домахъ. Очеркъ по исторіи деревенской чешской эпиграфики *Антля Ѳ.*, Хожденіе съ конемъ въ Нетолицкомъ окр. (См. о томъ же: Чешскій Лидъ, II., 345, 595). *Бартоша Фр.*, Моравскія пословицы и поговорки (См. Журн. Мин. Нар. Проев., 1898, январь). *Болеха В.*, Повѣсть о Яковѣ Кубатѣ изъ южной Чехіи (см. Чешскій Лидъ 1896 — 97, стр. 42). *Цитерака I.*, Къ свадебнымъ обычаямъ въ Омиховскомъ окр. *Чапковой Б.*, Народныя повѣсти о водникѣ. *Чернаго Ад.*, Любовныя народныя гаданія и чары. *Чижмаря I.*, Хожденіе валаховъ въ Визовицахъ (въ Моравіи) въ день св. Стефана. *Достаня П.*, Хлѣбъ по воззрѣніямъ народа (въ Слезіи). *Гауера В.*, Посидѣлки (pr'idky) въ Опавскомъ окр. *Газуки В. и Ржены В.*, Южночешскія повѣсти о привидѣніяхъ. *Голана I.*, Мясопустныя игры въ Таборскомъ окр. *Голубаго I.*, „Keltyš (кушанье, приготовляемое обыкновенно въ великій пятокъ) у словаковъ долины Нитры. *Его-же.* 1. Астрологическія, мелочи населенія Бошацкой долины; 2. Образцы народныхъ насмѣшливыхъ названій у словаковъ. *Гостинскаго О.*, О нашей свѣтской народной пѣснѣ. *Гошка Н.*, Повѣсти Свояновскаго окр. (вост. Чехіи), записанныя на мѣстномъ говорѣ. *Граше I.*: 1. Вареоломеевскіе вѣнки; 2. Наряжаніе, ношеніе, потопленіе и сожженіе смерти въ „смертное воскресеніе" (См. Чешскій Лидъ, II., стр. 453). *Грушки I.*, „Крестины идутъ!" Обычаи Ходскаго окр. *Хорвата К.*, Старинныя свидѣтельства о игрѣ „королей" въ Словачинѣ (См. Чешскій Лидъ, II., 107—108). *Якубца I.*, Историческая пѣсня, о докторѣ Янѣ Фаустѣ. *Ираска Ал.*, О средствахъ противъ воровъ (очаровываніе). *Калоуска I.*, Къ вопросу о т. н. „кирилломеѳодіевскихъ" крестахъ. *Кашпара I.*, „Хожденіе съ лисицей" въ Костельцѣ у Ворлика. *Кльваня I.*, 1. Сколько разновидностей народнаго костюма въ Моравской Словачинѣ? 2., Моравскія писанки на Народописной выст. *Коляржа I.*, О Рибрцоулѣ. *Конечнаго Б.*, О водяномъ (hastrman, vodník). *Коржана I.*, Ученическія торжества въ день св. Григорія: VI. „Войско св. Григорія" въ Мировицкомъ окр. *Кошака Фр.*, Почему молодая рожь красна? *Коуми I.*, Объ измѣненіяхъ южночешскихъ узоровъ. *Его же*: Головные уборы Пльзенскаго окр. *Козака М.*, Люди на общинной службѣ (кузнецъ, пастухъ, ночной сторожъ, лѣсникъ и т. п.). *Его же*, Ученическія торжества въ день св. Григорія (въ Тимаковѣ у Пльзна). *Кепля К.*, Пасхальное торжество пражскаго населенія, въ XVI ст. *Краля I.*, Голубятный цехъ въ Вамберкѣ. *Его-же*: 1 Комедія о рождествѣ I. Хр. (изъ старой рукописи). 2. Кукованіе (обычай окр. Вамберка; парня изъ чужой деревни, ухаживавшаго за дѣвушкой во время танцевъ, заставляютъ по окончаніи веселія влѣзть на дерево и куковать). *Кульды Б. М.*, Моравскія народныя сказки и повѣсти окр. Слоунска. *Лаблера К.*, Торжественное сооруженіе новой висѣлицы въ Брандысѣ на Лабѣ въ 1759 г. *Лего Фр.*, Ученическія торжества въ день св. Григорія. *Манчала Яр.*, О дикихъ женщинахъ. *Матейковой М.*, Рукописныя расписныя

народныя книги на Н. В. (съ илюстр.). *Новака I.*, Словенскія пѣсни, собранныя Боженой Нѣмцовой. *Новотнаго В.*, Къ исторіи купальскихъ огней въ Чехіи. *Пастрнка Фр.*, Проф , Образецъ Крайнянскаго говора (словенскаго). *Патка Ф.*, Чешская фольклористическая литература за 1893 годъ. Рядъ замѣтокъ объ обычаѣ „сбрасыванія козла" въ день св. Якова принадлежитъ: *I. Ганушу*; *К. Говоркѣ*; *I. Вальхаржу*, *I. Поганкѣ и Ч. Зибрту*. *Щварца В.*, О юридическихъ обычаяхъ населенія Страконицкой обл. *Его-же*: Почему лошадь ненасытна? *Сметанка Эм.*, Изъ прошлаго моравскаго Новаго Мѣста. *Смолы I.* Ученическія празднества въ день св Григорія. *Соболевскаго А. И.* проф., Вымышленныя извѣстія о пьянствѣ старыхъ Чеховъ. *Списса Фр.*, Народная драматическая пьеса въ день св. Юрія мученика. *Тейчки М.*, Варіанты къ повѣсти о „ложѣ Загоржа". (Народная повѣсть „Záhor'ovo lože" извѣстна изъ „Kytice" К. Я. Эрбена) *Его-же*, Ученическія празднества въ день св. Григорія. *Тилле В.*, Лѣкарства для сохраненія человѣческаго здоровья (изъ различныхъ рукописныхъ лѣчебниковъ). *Тительбаха Вл.*, Добываніе живого огня у южныхъ славянъ (съ иллюстр.). *Тыршовой Р.*, Народописныя студіи нашихъ художниковъ: II. Іосифъ Манесъ. *Вансовой Т.*, О пастухѣ, который носилъ убитаго человѣка на спинѣ. *Ваши П.*, О происхожденіи нѣкоторыхъ религіозныхъ пѣсенъ въ сборникѣ Фр. Бартоша. *Влуки I.* Дожинки (źnivuvka) въ Орловой, въ вост. Слезіи. *Винтра С.*, Старочешская запись (1600 г.) „рѣзами" (бирки). *Захара О.*, Старочешскія повѣрья мыловаровъ. Редактору „Чешскаго Лида" *д-ру Ч. Зибрту* принадлежитъ рядъ рефератовъ, о Народописной выставкѣ, о которыхъ мы сказали выше, и мелкихъ историко-литературныхъ очерковъ.

Rok VI: *Адамекъ К. В.*, Народные танцы Глинецкаго округа. *Бернардъ Ф. Р.*, Густота населенія Слезіи. *Боухалъ Ф.*, Сказки окрестностей Крумлова. *Цверчекъ I.*, Изъ Охрановскаго (Гернгутскаго) архива. Культурно-историческія мелочи. *Чермакъ Кл.*, Народопись, какъ ключъ къ археологіи. *Черный Ад.*, Лужицко-сербская народописная выставка въ Дрезденѣ. *Чижмаръ I.*, Не зови мертвеца изъ гроба (См. И. П. Созоновича. Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Варшава, 1898). *Тайный А.*, Чешскіе танцы. *Галекъ В.*, Не уродуйте намъ нашихъ народныхъ сказокъ. *Гоблова Варвара*, Женскіе головные уборы въ Младоболеславскомъ окр. *Голубый I.*, Мелкія сказанія изъ Бошацкой долины (въ Словачинѣ) *Гошекъ И.*, Повѣсти окрестностей Своянова (въ восточной Чехіи). *Его-же*, Какъ отрубали барану голову (изъ с. Быстраго, въ вост. Чехіи)? Ср. Зибртъ, „Stínání beranka" въ „Listéch z ceskych déjin kulturních" (Praha, 1891, стр. 40 — 48). *Его-же* Какъ мы бились у Солферино (образецъ народнаго разсказа, интересный и въ отношеніи діалектологическомъ)? *Граше I.*, Повѣрья о предсказаніяхъ смерти. *Грушка I.*, Народописныя студіи нашихъ художниковъ (III. I. Шпилляръ и I. Доуба). *Его-же*, Яйцо въ преданіяхъ ходскихъ (Отрывокъ изъ культурныхъ очерковъ о Ходскомъ окр.) *Его-же*, „Три короля" въ Ходскомъ окр. *Его-же*, Ходскій дровосѣкъ и его трудъ (съ фотографическими снимками). *Его-же*, Пѣсни ночныхъ сторожей въ Домажлицахъ. *Ирасекъ, Алоисъ*, Очерки по исторіи чешскихъ религіозныхъ мечтателей. — *Карасекъ I*, Рождественская пѣсня. *Кльваня I.*, Какъ и что записывать при народописныхъ студіяхъ, *Его-же*: 1. Типы чешско-словенскаго населенія (Дѣвушка изъ окрестностей Угорскаго Градища); 2. Чешско-славянскіе предметы на Будапештской выставкѣ. *Коржанъ I.*, Сельская свадьба въ окр. Ворлика. *Коуля I.*, Нѣсколько мыслей относительно того, въ чемъ и гдѣ надо искать древности чешско-славянскаго вышиванія. *Его-же*, Кузницы и мельницы. *Козакъ М.*, Народныя кушанья въ Пльзенскомъ окр. *Краль I.*, „Комедія о св. мученицѣ Варварѣ". Народная драма изъ Вамберка конца XVIII. ст. *Кульда Б. М.*, Моравскія народныя сказки и преданія окрестностей Слоупска. *Лего Фр.*, Народные наряды и вышивки Блатскаго окр. *Его-же*, Пѣсни жнецовъ изъ Седльчанскаго окр. *Махалъ Г.*, Къ словенской пѣснѣ о Паромѣ (Перунѣ) и Раткѣ. *Малёваный Ю.*, Говоръ Цисаржова и окр. (въ Моравіи). Діалектологическій

очеркъ. *Мушка Е.*, Какъ возникло названіе „глупая Прижелоучь"? Историческій очеркъ. *Его-же*, Рѣчь при обрядѣ отсѣченія головы пѣтуху и сбрасыванія козла (съ башни ратуши). *Недома I.*, Показанія мнимаго чародѣя (1737 г.). Списокъ съ рукописи ратуши г. Жебрака. *Новачекъ В.*, Побратимство воровъ 1668 г. *Его-же*: 1. Повѣсть „Kubata dal hlavu za Blata" (изъ эпохи крѣпостного права); 2. Извѣстія Яна Бутцбаха о чешскомъ народѣ, особенно о сельскомъ сословіи, 1506 г. 3. Какъ мстили крестьяне за потоптаніе полей? *Новакъ I.*, Словенскія пѣсни, собранныя Боженой Нѣмцовой. *Патекъ Ф.*, Чешская фольклористическая литература за 1894 и 1895 г. *Патера Ад.*, Мелкія замѣтки изъ старочешскихъ рукописей: 1. Какъ поймать вора. Наставленіе XV ст. *Петерсъ I.*, Нареканія благочестиваго земледѣльца въ 1646 г. Изъ архива г. Сланаго. *Попелька В.*, Рѣчь при обрядѣ отсѣченія головы пѣтуху въ Поличкѣ и окрестностяхъ. *Рыпачекъ Ф.*, Простонародный сельскохозяйственный опытъ. *Шрутцъ А.*, Нѣсколько старыхъ чешскихъ медицинскихъ рецептовъ. *Эльяшъ, Вал.*, Словаки въ Герлаховѣ на Спижѣ. „Обратите вниманіе на словенскія вышивки!" Редакція обращаетъ вниманіе на словаковъ, продающихъ по городамъ якобы настоящія словенскія вышивки, въ дѣйствительности же весьма часто являющихся лишь ходебщиками мадьярско-жидовскихъ эксплуататоровъ — торгашей. *Смычка I.*, Объ орнаментаціи моравскихъ грамотъ. *Стрнадъ I.*, Обязанность убійцы поставить крестъ своей жертвѣ. *Шильгавый Ф.*, Старый каменный крестъ въ Долгой Бртницѣ (Иглавскаго окр.). *Шимакъ I.*, Очерки по исторіи чешскихъ религіозныхъ мечтателей: II. О Королѣ Мароканѣ. *Шнайдръ Л.*, Какъ увеличивалось народонаселеніе Королевства Чешскаго въ эпоху Тридцатилѣтней войны. *Тилле В.*, Очерки по сравнительной народной литературѣ: 1. Источникъ комедій Махачка „Женихи". 2. Источникъ словенской легенды Ю. Зейера „Самко Птакъ". 3. Глоссы къ повѣстямъ „Шилди-куръ". 4. Narodne pripovedke v Soških planinah. 5. „Madame Sans-Gêne" въ чешскихъ сказкахъ. *Тыршова Р.*, Народописныя студіи нашихъ художниковъ: V. Квидо Манесъ. *Вацлавекъ М.*, Собраніе валашскихъ загадокъ. *Вансова Т.*, Яйцо въ преданіяхъ словенскаго народа. *Ваша П.*, Камаритово собраніе „Чешскихъ народныхъ духовныхъ пѣсенъ". *Выгидалъ I.*, Изъ жизни слезскихъ дѣтей. *Его-же*, Доеніе и сбиваніе масла въ Слезіи. *Зибртъ Ч.*, Ученическія торжества въ день св. Григорія. *Его-же*: 1. Очерки по исторіи чешскихъ религіозныхъ мечтателей: Пѣсня о свадьбѣ короля мароканскаго. 2. О практическомъ примѣненіи чешскаго народнаго орнамента. 3. Ученическія торжества въ день св. Власія. 4. Изображенія игръ и развлеченій старочешскихъ. 5. Изъ рукописныхъ записокъ Крольмуса. 6. Повѣсти о Премыслѣ въ Слезіи. 7. Сказка о животныхъ (пѣтухъ, кошка, козелъ, собака, лошадь и др.), отправившихся странствовать и напавшихъ на „Петровскихъ" разбойниковъ. Обширная литература сказокъ неславянскихъ. 8. Народописныя студіи нашихъ художниковъ: IV. I. Упрка и I. Шпилляръ. 9. Присяга въ могилѣ или подъ дерномъ. 10. О сравнительномъ изученіи народныхъ преданій. 11. Литературная дѣятельность А. Н. Весселовскаго. 12. Въ день св. Анны. 13. Историческое объясненіе нѣкоторыхъ обычаевъ, обрядовъ и торжествъ: I. Святовитское торжество въ Емницѣ на Моравѣ. II. Когда былъ заведенъ обычай омовенія ногъ въ „Зеленый" четвергъ на Градѣ Пражскомъ? 14. Приговоръ при отсѣченіи головы пѣтуху на валашскихъ свадьбахъ. 15 Къ библіографіи чешско-словенскаго народовѣдѣнія. 16. „Божья мука": каменные столбы съ крестами на перекресткахъ дорогъ). 17. Изъ народописнаго движенія (рефераты. *Зитекъ I.* Сказки о „водникѣ" изъ южной Чехіи. *Его-же*, Іос. Власт. Камаритъ въ Кучерѣ при пѣніи народныхъ пѣсенъ въ 1827 г.

Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ рефератовъ о важнѣйшихъ новостяхъ этнографической литературы, объ этнографическихъ журналахъ и многочисленныя мелкія замѣтки и извѣстія, въ обиліи сообщаемыя въ каждомъ выпускѣ этого журнала.



Новости этнографической литературы.

Вакалейникъ, П. Воспоминаніе о Бессарабіи. (Перепеч. изъ „Одесскихъ Новостей). Тифлисъ. 1897. 8⁰. бр.

Вакай Н. Н. Замѣчательное книгохранилище въ восточной Сибири (Библіотека Г. В. Юдина въ Иркутскѣ). Москва. 1896 8⁰. бр.

Батюшковъ Георгій. Бабиды, персидская секта. СПБ. 1897. 8⁰. бр.

Верeсниковъ Н. А. (русс. консулъ въ Гаммерфестѣ). Поѣздка по Норвежской Лапландіи въ 1894 г. СПБ. 1897. 8⁰.

Богдановскій А. Е. Сибирская община и ея роль въ политико-экономическомъ отношеніи. (Докладъ, чит. 11 ноября въ Тобольскомъ Музеѣ]. Тобольскъ 1898, 16⁰, бр.

Боголюбскій, Н. С. (начальникъ Иркутскаго Горнаго Управленія). Описаніе золотыхъ и горныхъ Амурско-Приморскаго края. Приложеніе къ Трудамъ комиссіи для собиранія и разработки свѣдѣній о Сибирской золотопромышленности и пр. Т. II, ч. 1. в. 2. СПБ. 1897. 8⁰.

Былины, русскія народныя. Составили *В. и Л. Р-нъ*, по сборникамъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова иГильфердинга. М. 1897. 8⁰-два вып.

Газо, А. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія *Н. Федоровой*, съ рис. СПБ. 1898, 8⁰.

Гальковскій Н. Сербскій народный эпосъ. Вступительния статья и переводъ. Сумы. 1897. 8⁰.

Гаркави, А. Я. Историческіе очерки караимства. Вып. 1. СПБ. 1897. 8⁰, бр.

Г. В. Историческій очеркъ Терскаго Областн. Статистич. Комитета. (По поводу 25-лѣтія его дѣятельности) (Изъ „Терск. Вѣд". №№ 140—142). 1897. 8⁰, бр.

Гиддингсъ Ф. Г. Основы соціологіи. Перев. съ англ. Н. Н. Спиридонова, 2-е изд. маг. „Книжное дѣло". Москва. 1898.

Гильдеръ Уильямъ. Во льдахъ и въ снѣгахъ. Путешествіе въ саняхъ черезъ Сибирь для поисковъ экспедиціи капит. Делонга. Съ рис. Перев. съ англійск. подъ ред. Н. М. Федоровой, изд. И. И. Иванова, 1898, 8⁰.

Горленко, В. П. Южно-русскіе очерки и портреты. Кіевъ, 1898.

Гринъ, И. Выставка въ Стокгольмѣ 1897 г. Письмо туриста. Изд. К. Геруца. СПБ. 1897. 8⁰.

200 найкращихъ украиньскыхъ писень. Изд. Выс. Утв. Южно-русс. Общ. печатнаго дѣла. Одесса. 1897. 8⁰ (безъ нотъ).

Диваевъ А. 1) Киргизскій разсказъ о звѣздахъ. 2) Киргизское описаніе солнца (оттиски изъ XIV т. „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр."). Казань. 1897. 8⁰ бр.

Дриновъ, М. С. О болгарско-русскомъ словарѣ Найдена Герова СПБ. 1896. 8⁰ бр.

Е. Л. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Изд С.-Петерб. Славянск. Благотворит. Общества СПБ. 1897. 8°, бр.

Желѣзновъ, I. И. Картины казацкой жизни. Москва. 1898.

Инфантьевъ, П. П. Путешествіе къ лѣснымъ людямъ. Москва. 1898.

Іовановичъ Миланъ. Бомбей. Изъ путевыхъ очерковъ. Перев. съ сербскаго М. М. Боіовича и С. С. Крылова. (Изъ „Русс. Обозр." 1897). Москва. 1897. 8° бр.

Какъ живутъ Китайцы. Составлено по книгѣ *Симона*, бывш. франц. консула въ Китаѣ. Москва. 1897. 8°.

Карнуа, Г. Легенды франціи. Переводъ съ франц. С. Лысцовой. Изд. кн. маг. Гросманъ и Кнебель. Съ рис. Н. Н. Соболева. Москва. 1898.

Каталогъ выставки корейскихъ, китайскихъ и японскихъ предметовъ въ пользу Общества для противодѣйствія нищенству. Рига. 1898. 16°, бр.

Катановъ, Н. Ѳ. Матеріалы къ изученію казанско-татарскаго нарѣчія. Ч. I. Образцы книжной и устной литературы казанскихъ татаръ Казань. 1898. 8°.

Катенкампъ, А. Зимовка на Мурманскомъ становищѣ. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло". СПБ. 1896. 8°, бр.

Краевскій Генр. Мировая транзитная Сибирская желѣзная дорога. Иркутскъ 1898.

Кругловъ, А. В. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е В. С. Спиридонова. Москва. 1898.

Крюковъ Н. А. Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другими отраслями промышленности, съ картою и 30 рис. Изд. Департ. Земледѣлія. СПБ. 1897 8°.

Куриловъ И. А. Роменская старина. Историческія, статистическія и бытовыя записки о городѣ Ромнѣ и его обывателяхъ, отъ начала города до нашего времени, въ 4-хъ частяхъ, съ прибавл. истор.—стат. описанія всѣхъ городскихъ церквей. Ромны 1898°, 8°.

Латкинъ Н. В. На Сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. (Изъ таежныхъ воспоминаній). СПБ. 1898.

Липранди, А. П. Забытый край Русской земли. Угорская Русь. Изд. журн. „Русс. Бесѣда". СПБ. 1896. 8°, бр.

Любимовъ, Н. Страна великихъ озеръ. СПБ. 1897, 8°, бр.

Н. С. Очеркъ изъ исторіи малоросс. казаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.в. (Изъ „Кіев. Стар"). Кіевъ. 1898.

Орда, Л. Краткій историч. очеркъ города Луцка и памятники старины, понынѣ въ немъ сохранившіеся. Луцкъ 1898. 8°, бр.

Петри, Э. Ю. Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. 2-е изд. Девріена съ 158 рис., картою и портретомъ. СПБ. 1897.

Путеводитель по Варшавѣ и всему Привислянскому краю (Ц. Польскому). Составилъ С. Изд. кн. маг. Ковнера. Варшава 1897.

Реклю, Эл. Земля и люди. Соединенные Штаты. Ч. I, в. III. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Березина, изд. О. Н. Поповой, съ 70 рис. и 12 схемат. картами. СПБ. 1898.

Рѣдинъ, Е. К. Народный театръ. (Изъ № 16 „Харьк. Губ. Вѣд"). Харьковъ. 1898. 8°, бр.

Сергій, архимандритъ. На дальнемъ востокѣ. (Письма японскаго миссіонера). Изд. 2-е. Арзамасъ. 1897.

Силантьевъ, А. А. Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи. Съ прил. 2 картъ, 2 діаграммъ и 54 рис. Изд. Департам. Земледѣлія. СПБ. 1898.

Симонова, Л. По русской землѣ. Ильдія Очерки изъ быта самоѣдовъ. Изд. 2-е. СПБ. 1898.

— Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. Изд. 4-е. СПБ. 1898.

— Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. Изд. 4-е. СПБ. 1898.

Сказки, Польскія. (Изъ собраній К. Балинскаго, К. Войцицкаго, А. Глинскаго, А. Дыгасинскаго, I. Крашевскаго, В. Пржиборовскаго, З. Морав-

ской и др.). Съ иллюстр. Ѳ. Штейна, М. Андріолли и др. Изд. В. И. Губинскаго. СПБ. 1897.

Сказки славянскихъ народовъ. Москва. 1898.

Сказки, Чешскія, собранныя Карломъ Эрбеномъ и Боженой Нѣмцовой. Переводъ съ подлинника *М. А. Ляминой.* Съ 36 рис., изд. Губинскаго. СПБ. 1897.

Соловьевъ, С. В. О крестьянскомъ переселеніи въ Сибирь. Изд. Высоч. учр. Постоян. Комиссіи народныхъ чтеній, СПБ. 1897, 8⁰, бр.

Сумцовъ, Н. О томъ, какія сельскія повѣрья и обычаи въ особенности вредны. Изд. Харьк. издательск. комитета при Обществѣ грамотности. Харьковъ. 1897. бр.

Сущинскій, П. Экономическій бытъ и правовыя отношенія старожиловъ и новоселовъ на Алтаѣ. (Изслѣдованіе на мѣстѣ). Въ пользу проектируемой Обществомъ для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ школы имени Н. М. Ядринцева СПБ. 1898. 8⁰, бр.

Сырку П. Славянско-румынскіе отрывки. I. Румынскій сфарогъ и славянскій Сварогъ. (Изъ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCLI, отд. 2.). СПБ.

Сѣткова (Катенкампъ), А. Архангельскіе китоловы. 6-е изд. Выс. учр. Пост. комиссіи нар. чтеній. Съ 3 рис. СПБ. 1897. бр.

Титовъ, Ѳ. И. свящ. О современномъ состояніи русскаго сектантства. (Актовая академич. рѣчь). Кіевъ. 1897, бр.

Шрейдеръ, Д. И. Нашъ дальній востокъ (Три года въ Уссурійскомъ краѣ). Съ 36 рис. и картою. Изд. Девріена СПБ. 1898.

Щегловъ. Ив. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Изд. 2-е значит. дополн. и исправл. Изд. Суворина. СПБ. 1898.

Яковлевъ В., свящ. Замѣтка о современномъ состояніи Сарканской миссіи и миссіонерской школы. Вѣрный. 1897 бр.

Яковлевъ, Л. Разсказы объ Амурѣ и о Зеленомъ Клину. Москва. 1898, 16⁰, бр.



„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10 — 12 печатн. листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію ***шесть*** **рублей съ пересылкой. Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу:** ***Москва,*** **въ** ***Географическое Отдѣленіе И. Общества Любителей Естествознанія, Политехническій Музей.***

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землевѣдѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія библіотеки.

За 1897 годъ вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна имъ, безъ приложеній, каждой по 1 р. 50 к. Приложеніями къ нимъ служатъ II — III и IV (послѣдній) выпуски (въ двухъ книжкахъ) сочиненія Ф. Нансена — ***„Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи“.*** **Годовымъ подписчикамъ „Землевѣдѣнія“ за 1897 г. выпуски эти высылаются безплатно. Первый выпускъ Нансена вышелъ при послѣдней книжкѣ „Землевѣдѣнія“ за 1896 годъ.**

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землевѣдѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой— 2 р., III—IV-ой — 1 р. 75 к., съ отдѣльнымъ приложеніемъ (Нансенъ, вып. 1)—2 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдѣльной продажѣ— 2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой 1 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. 1-ая книжка 1894 года осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи за четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1884. Ц. 1 р. 50 к.

„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей А. В. Потаниной. Съ біографіей путешественницы, и ея портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и политипажами въ текстѣ. М. 1895. Ц. 3 р.

Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ ***А. А. Крубера,*** **подъ ред.** ***Д. Н. Анучина.*** **Съ картами, таблицами (автотипіями), рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографическій очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897 — 98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землевѣдѣніе“ за 1898 г. получатъ это сочиненіе безплатно.**

